

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2019**Ежеквартальное издание****№ 1****Основен в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»*****Редакционная коллегия***доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов***(заместитель главного редактора)*доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**кандидат исторических наук **А. К. Калинин**доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин***(ответственный секретарь)*

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2019
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2019

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 - National history,
07.00.03 - General history (the corresponding period)*

2019

Quarterly

№ 1

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. Valery S. Memetov, Dr. of History

Editorial Board

Prof. Yury Voronov, Dr. of Politics

Prof. Grigory Smirnov, Dr. of Philosophy

Prof. Sergey Usmanov, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. Dmitriy Smirnov, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. Vladimir Komissarov, Dr. of History

Assoc. Prof. Nikolay Yurkin, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2019
© Ivanovo State University, 2019

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшанский** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-
технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-
политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический
университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

V. S. Memetov	Ivanovo State University <i>(Chairman of the Editorial Board)</i>
Yu. M. Voronov	Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
A. A. Danilov	Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
O. V. Zolotaryov	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. V. Korzenko	Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute
V. L. Soskin	Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков интеллигентоведения	9
--	----------

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Юркин Н. Г.</i> Цели образовательной политики Петра I в сфере профессионального обучения	14
<i>Балдин К. Е.</i> Интеллигенты в деревне: земские агрономы Костромской губернии в начале XX века	30
<i>Фортунатов В. В., Платова Е. Э.</i> Интеллигенты в составе Коммунистической партии: фантазии и реальность (1917—1940)	47

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Тимашева О. В.</i> Критика как роман, или жердочка для попугая	63
--	----

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

<i>Осинский И. И., Добрынина М. И.</i> Русская интеллигенция в республиках Сибири (Некоторые проблемы формирования и развития)	74
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Шевчук И. И.</i> Белорусская историография о кадровом потенциале академической науки в начале ее институализации (1921—1924)	92
---	----

ДИСКУССИЯ

- Порозов В. А.* Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте 109
- Возилев В. В.* Принцип «цель оправдывает средства» в деятельности российской интеллигенции (XIX — начало XX века) 131

ДЕБЮТ

- Будучев В. А.* Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: роль философии просвещения и Французской революции в формировании русской интеллигенции 146
- Аннотации и материалы для цитирования** 163
- Информация для авторов* 180

CONTENTS

The sources of intelligentsia studies	9
--	----------

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

<i>Yurkin N. G.</i> The purposes of educational policy of Peter I in the sphere of professional education	14
<i>Baldin K. E.</i> Intellectuals in the village: agronomists of the zemstvo of the Kostroma province in the early XX century	30
<i>Fortunatov V. V., Platova E. E.</i> Intellectuals in Communist Party composition: fantasy and reality (1917—1940)	47

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Timasheva O. V.</i> Criticism as a Novel: a Parrot's Perch	63
---	----

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

<i>Osinsky I. I., Dobrynina M. I.</i> Russian intelligentsia in the republics of Siberia: some problems of emergence and development	74
--	----

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

<i>Shevchuk I. I.</i> Belarusian Historiography of the Personnel Potential of Academic Science at the Beginning of its Institutionalization (1921—1924)	92
---	----

DISCUSSION

<i>Porozov V. A.</i> Intelligentsia in historically civilized context	109
<i>Vozilov V. V.</i> The «purpose justifies means» principle and Russian Intelligentsia's activity in the XIX — beginning of the XX centuries	131

DEBUT

<i>Buduchev V. A.</i> Intelligentsia in cross-cultural perspective: the role Enlightenment and French Revolution played in forming of Russian intelligentsia	146
<i>Annotations and materials for citing</i>	172
<i>Information for authors</i>	180

У ИСТОКОВ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Едва минуло десятилетие с того момента, когда ведущие специалисты по истории и деятельности интеллигенции поздравляли главного редактора журнала «Интеллигенция и мир» Валерия Сергеевича Меметова с 70-летием. И вот наступил новый юбилей известного ученого, на этот раз — 80-летний.

В. С. Меметов родился 23 февраля 1939 года в семье морского офицера. Детские годы Валерия Сергеевича пришлись на сложный период Великой Отечественной войны. Это время он провел на территории Крымского полуострова, находившегося под немецкой оккупацией. Возможно, такое непростое начало жизненного пути закалило его характер, сформировало целеустремленность и непреклонность перед трудностями судьбы.

Путь Валерия Сергеевича в науку не был прямым. Перед поступлением в институт ему предстояла трехлетняя служба в армии. Профессию историка он получил в одном из ведущих вузов нашей страны — Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет). Фактически это был второй после МГУ гуманитарно-педагогический вуз страны, который в 1920-е годы официально именовался «II Московским государственным университетом». Начало научной деятельности Валерия Сергеевича относится к студенческим годам. В 1960-е годы в МГПИ преподавали такие признанные историки, как Э. Н. Бурджалов, Л. К. Ерман, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и др. Общение с ними оказало сильное влияние на формирование научных интересов В. С. Меметова.

Во второй половине 1960-х годов в исторической науке активизировалось изучение Великой Отечественной войны.

Это было связано с тем, что после «оттепели» историки получили возможность говорить о прежде замалчиваемых фактах и проблемах. К истории войны обратился и В. С. Меметов. В рамках необъятной военной проблематики он нашел свой собственный сегмент исследования — историю интеллигенции в годы Великой Отечественной войны, ее вклад в достижение Победы. Итогом усилий ученого стало множество публикаций, кандидатская и докторская диссертации, а также две монографии. Одна из книг Валерия Сергеевича вышла в центральном издательстве огромным даже для советского времени тиражом в 87 тысяч экземпляров (см.: *Меметов В. С. Защищая Москву. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой.* М.: Наука, 1979). Эта работа принесла ему известность в кругах историков интеллигенции.

В начале 1970-х годов В. С. Меметов переехал в Иваново. С этого времени его жизнь, научная и общественная деятельность тесно связаны с нашим городом. Он преподавал в ряде ивановских вузов: Ивановском энергетическом институте (ныне университет), Ивановском химико-технологическом институте (ныне университет), Ивановском государственном университете. Долгое время возглавлял кафедру в химико-технологическом институте, более 20 лет руководил кафедрой истории и культуры России Ивановского госуниверситета. Валерий Сергеевич инициировал процесс внедрения интеллигентоведческих знаний в учебный процесс, много лет он вел авторский спецкурс по истории интеллигенции. Опыт преподавания интеллигентоведения был обобщен на двух научно-практических конференциях, издавались учебные программы и материалы. Под его руководством подготовлено и защищено несколько докторских и десятки кандидатских диссертаций. Ученики В. С. Меметова работают не только в высшей школе, но и в органах муниципальной, представительной и исполнительной власти, в средствах массовой информации.

Помимо педагогической деятельности Валерий Сергеевич выполнял и другие обязанности. Например, более 20 лет он бессменно возглавлял Докторский диссертационный совет по отечественной и всеобщей истории при Ивановском госуниверситете. Валерия Сергеевича всегда отличала активная общественно-политическая позиция. Много лет он работал

в выборных органах областных подразделений КПРФ, причем его партийные пристрастия никогда не влияли на оценку научных работ других авторов или экспертизу диссертационных исследований. Объективность, демократизм, подвижничество являются отличительной чертой стиля научно-методической и общественной деятельности В. С. Меметова.

Именно в Иванове проявилась и новая грань таланта Валерия Сергеевича — он стал организатором науки, фактическим создателем нового научного направления — интеллигентоведения. Благодаря В. С. Меметову был восстановлен Проблемный Совет Российской Федерации «Интеллигенция. Культура. Власть». В его рамках установились тесные научные контакты между ведущими интеллигентами России: М. Е. Главацким, А. И. Аврусом, В. Л. Соскиным, М. И. Кондрашовой, Э. Б. Ершовой, З. Г. Дайчем, В. С. Волковым, В. В. Москвиным, В. Т. Ермаковым, Г. А. Матвеевым, Г. Г. Халиулиным, В. Р. Веселовым, А. В. Квакиным. Впоследствии к сотрудничеству в Проблемном Совете были привлечены И. И. Осинский, И. В. Сибиряков, В. Г. Рыженко, В. А. Порозов. Всё это позволило сосредоточить исследовательские усилия на актуальных вопросах изучения интеллигенции, сконцентрироваться на более перспективных проблемах.

В начале 1990-х годов В. С. Меметов создал Межвузовский Центр по изучению проблем интеллигенции и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. Ведущим направлением работы Центра и НИИ стала междисциплинарность. Валерий Сергеевич сумел привлечь специалистов различных научных направлений, которые изучали политическую, профессиональную и общественную деятельность интеллигенции на различных этапах развития российского общества. За период работы накоплен значительный научно-аналитический материал о ее участии в политических партиях и общественных движениях России, роли в социально-политической, экономической и духовной жизни страны. Валерием Сергеевичем были организованы 29 республиканских, международных и национальных научно-теоретических конференций (с публикацией тезисов и докладов). Эти конференции стали площадками для обмена исследовательским опытом, в них участвовали ученые из многих регионов России и стран Зарубежья.

В. С. Меметов выступил ответственным редактором шести республиканских сборников научных трудов и нескольких коллективных монографий. С 2001 года в Ивановском государственном университете издается российский научный журнал «Интеллигенция и мир». Его появление стало закономерным результатом всей предшествующей работы ученого.

Значителен вклад Валерия Сергеевича в разработку научных, методологических и методических проблем изучения интеллигенции. Он сформулировал и обосновал нравственно-этический подход к определению интеллигенции, конкретизировал понятие «прединтеллигенция», сформировал комплекс принципов интеллигентоведческого исследования и мн. др. Итогом исследовательской деятельности Валерия Сергеевича стали свыше 250 работ в российской и зарубежной печати, он является соавтором статьи «Интеллигенция» в 11-м томе Большой российской энциклопедии. Трудями и усилиями В. С. Меметова сформировалась ивановская школа интеллигентоведения.

Интерес к изучению жизни и деятельности интеллигенции активизировался на рубеже 1980—90-х годов и отражал насущные потребности развития социально-гуманитарного знания, значительную роль данной социальной группы в истории России XX века. Советская интеллигенция в лице основных профессиональных отрядов была одной из движущих сил перестройки (V Съезд кинематографистов СССР, формирование в среде городской интеллигенции избирательных объединений в канун выборов Съездов народных депутатов СССР и РСФСР и пр.). Нельзя забывать, что изучение интеллигенции на рубеже 1980—90-х годов началось не только в Иванове, но и в других центрах — Москве, Санкт-Петербурге, на Урале (Екатеринбург, Челябинск), Новосибирске. До настоящего времени сохранился только Ивановский центр, и только в Иванове интеллигентоведческие исследования сконцентрировались вокруг специализированного издания — журнала «Интеллигенция и мир», включенного в список ВАК.

Усилия и достижения В. С. Меметова были по достоинству оценены на различных уровнях. В январе 1997 года он получил почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2017 году за общественно

значимый вклад в социально-экономическое и культурное развитие города Иванова В. С. Меметов был награжден знаком «За заслуги перед городом Иваново» главой города В. Н. Шарыповым.

Всех, кто лично общался с Валерием Сергеевичем, поражает его целеустремленность и энергия, преданность делу и оптимизм. Имея высокий научный авторитет, он не останавливается на достигнутых рубежах, посвящая каждый свой день творческой и организаторской деятельности. Ученый и подвижник, он всегда готов дать достойный ответ на вызовы нашего непростого времени. Остается только пожелать юбиляру реализации намеченных планов и плодотворной работы по дальнейшему развитию журнала «Интеллигенция и мир» и всего научного направления.

*Члены редколлегии журнала «Интеллигенция и мир»,
ученики и коллеги*

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н. Г. Юркин

ЦЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Введение

В научной литературе установилась точка зрения, согласно которой в первой четверти XVIII столетия Петр I начинает создавать систему образования в соответствии с европейскими стандартами. Это подчеркивали еще дореволюционные исследователи¹. Сохраняется такая позиция и сегодня. Например, М. П. Войтеховская и Ю. В. Куперт указывают, что период правления Петра I ознаменовал переход нашего государства от «древней Руси» к «новой России», сопровождавшийся европеизацией многих сфер жизни, в том числе были заложены и основы современного европейского образования². Подобное мнение основано прежде всего на том, что во время «Великого посольства» Петр познакомился с европейской системой образования и это оставило глубокий след в душе юного царя.

Однако краткость визита вряд ли позволила Петру Алексеичу глубоко проникнуть в особенности организации системы образования в Европе. Кроме того, определенные сомнения в западноевропейском характере модернизации русского образования в XVIII в. порождает и тот факт, что Лейбниц, с которым

© Юркин Н. Г., 2019

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. n_yurkin@mail.ru

Yurkin Nicolay Georgievich — candidate of historical sciences, docent, associate professor of the department of theory of management of the Ivanovo branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

во время этого путешествия Петр I познакомился и позднее консультировался по поводу учреждения Петербургской академии наук, в течение своей жизни являлся критиком устройства университетов, «развивая и поддерживая конкурирующие формы объединения ученых»³. Не случайно в своих письмах он подчеркивал, что у Петра есть «счастливая возможность» заимствовать всё лучшее в области образования не только из Европы, но и из Китая⁴.

Интересно в связи с этим выяснить вопрос о тех целях, которые преследовал в своей образовательной политике Петр I. **Задачи** данной работы заключаются в следующем. Прежде всего, попытаемся осветить отношение Петра и его соратников к вопросам заимствования элементов западной культуры для разработки образовательной политики в России. Далее проанализируем особенности становления профессиональных школ первой четверти XVIII в. по их направленности. Это даст основу для изучения тактической политики Петра I в области образования⁵.

Для решения указанных задач использовались нормативно-правовые акты, деловая и личная переписка того времени, источники личного происхождения, а также один из первых в России сборников статистической информации — издание И. К. Кирилова⁶. Поставленная задача предопределила **методологию** работы, которая представлена историко-хронологическими, историко-сравнительными и сравнительно-правовыми методами исследования, с учетом принципов историзма, объективности и научного подхода к рассмотрению изучаемых проблем.

Запад как ориентир в образовательной политике

Прежде всего отметим, что определенное «очарование» Западом у Петра I имело место. Некоторые исследователи утверждают, что «путешествия за границу... сделали для Петра понятным смысл западной культуры, помогли ему разобраться в наиболее пригодных формах и средствах перенесения этой культуры в родную стихию»⁷. Однако мы не можем согласиться полностью с такой позицией. Как указывалось выше, краткий срок пребывания Петра в зарубежных странах во время «Великого посольства» вряд ли позволил ему досконально изучить все аспекты «смысла западной культуры». Кроме того, нужно учитывать,

что и цели, которые ставились перед ним, были весьма разнообразны и включали в себя, прежде всего, дипломатические⁸. Это еще больше сокращало время, которое Петр I мог посвятить изучению внутреннего устройства системы образования на Западе. Мы согласны с Василием Осиповичем Ключевским, который отмечал: «...у Петра не было ни охоты, ни досуга всматриваться в политический и общественный порядок Западной Европы... он прежде всего забежал в мастерскую ее цивилизации и не хотел идти никуда дальше...»⁹. Петр во время своего путешествия увидел лишь внешнюю оболочку западного мира, не углубляясь в детали, поэтому и его представления о системе образования были весьма отрывочными.

Тем не менее можно говорить о том, что цель использования зарубежного опыта в реформах различных сфер жизни Российского государства ставилась. Несмотря на лаконичность нормативных актов того времени, законодатель пытался декларировать свои цели уже при организации учебных заведений. Например, в Указе об учреждении навигационной школы подчеркивается, что это делается «ревнуя древле бывшим греко-православным пресветло-самодержавным монархам, премудроуправляющим во всяком усмотрении государстве самодержавия своего и иных в Европе ныне содержащихся и премудро тщательно управляемых государств пресветло-державнейшим монархом же и речи посполитых управителям»¹⁰.

Подспудное желание сравняться с европейскими странами, в том числе и по уровню образования, можно увидеть и в других источниках этого периода. В частности, в начале 1700 г. в Жалованной грамоте, дающей купцу И. Тессиугу привилегию на печать и торговлю в России книгами, подчеркивается, что содержание этих книг должно служить «превысокому имени и всему Российскому Нашему Царствию, меж Европейскими Монархи к цветущей наивыщей похвале...»¹¹.

Обратим внимание, что западный мир воспринимался если не с преклонением, то с уважением и удивлением и соратниками Петра I. В частности, В. Я. Уланов указывает, что «чужие государственные порядки наводили русских людей на не совсем выгодные для отечества мысли». Это, как он полагал, «видно

из описания гр. Матвеевым государственного строя Франции, который ему показался идеальным по сравнению с Россией»¹².

Другой пример, Ф. С. Салтыков в своем письме к государю указывал, что он предпринял попытку выписать из законодательства Англии и других стран тезисы, направленные на совершенствование российской системы управления, в том числе и «всенародное обучение во всяких свободных науках и во всяких художествах может исправиться и сравниться в краткое время со всеми лучшими европейскими государствами»¹³.

Однако напрямую заимствовать всё лучшее из Европы не планировалось, не случайно корреспондент Петра I подчеркивает, что он отбирал только то, что «приличествует токмо самодержавствию, а не так как республикам или парламенту»¹⁴. Здесь уже виден пример критического подхода к элементам западной культуры. Хотя данный документ и представлен в виде письма, тем не менее, он скорее носит форму официального отчета о деятельности. Это позволяет предположить, что такое критическое осмысление западной действительности было не только инициативой Ф. С. Салтыкова, но и выполнением конкретного поручения государя. Уместно вспомнить, что и сам Петр I далеко не всё, встречавшееся ему на Западе, оценивал позитивно. Например, находясь в Англии, он проявлял живой интерес к ее государственному устройству и даже лично посетил парламент. Но, как отмечал А. Б. Соколов, этот визит царя в парламент явно не относился к числу самых сильных его впечатлений, поскольку «слишком далеки английские порядки, право и государственное устройство от государственных норм России, от того, что Петр мог считать для себя образцом»¹⁵.

Таким образом, строительство системы образования по западному образцу не являлось целью государства в этот период. Даже если Петр Алексеевич и его соратники задумывались об этом, то лишь как о стратегической задаче на дальнюю перспективу. Не случайно в разговоре с П. М. Апраксиным уже на закате своей жизни Петр I повторил давнюю мысль, что, «*ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусство и науки*» (курсив мой. — Н. Ю.)¹⁶. Развитие наук, по мнению царя, возможно лишь после решения внешнеполитических проблем. В реальной же политике

Петра I заимствования носили утилитарный характер. Речь не шла о механическом копировании западных образцов, а лишь об использовании отдельных элементов системы образования, которая существовала на Западе, для решения стоящих перед государством практических задач. Суть этих задач можно понять при рассмотрении особенностей исторического становления профессиональных школ в первой четверти XVIII столетия.

Формирование военно-учебных заведений

Одним из первых профессиональных учебных заведений становится школа «мореходных хитростно искусств учению» (далее — навигационная школа), которая открывается в 1701 г.¹⁷ Иногда, ссылаясь на упоминание об этом училище биографа Петра, И. И. Голикова¹⁸, днем его основания считают 15 августа 1699 г., когда государь якобы поручил это дело А. Д. Фарварсону¹⁹. Есть свидетельства, что подобные школы создавались и в других городах. Например, И. И. Неплюев в своих записках упоминает Нарвскую школу, «в которой учителем был навигатор Митрофан Михайлов, сын Кашинцов, а директорами над оной были обер-комендант Кирилл Алексеевич Нарышкин, комендант Василий Григорьевич Титов»²⁰. Из записок С. Мордвинова становится известным о подобной школе в Ревеле²¹. Ф. Веселаго пишет, что в период с 1701 по 1715 г. в «нескольких городах заведены небольшие Адмиралтейские школы»²². Отрывочность данных сведений не позволяет нам судить о них более подробно. Численность учеников Московской школы быстро увеличивалась: уже к середине 1702 г. она достигла 200 человек, а в 1711 г. только учеников, получавших «кормовые деньги», насчитывалось 506²³. Но фактически их было еще больше²⁴.

Впоследствии на базе ее старших классов, которые были переведены в Санкт-Петербург, была учреждена Академия Морской гвардии²⁵. Академию разместили в доме Кикина на месте нынешнего Зимнего дворца, «который вначале отделили на скорую руку, пристроили к нему несколько мазанок; окончательно же достраивали его летом 1718 года»²⁶. С этого времени навигационная школа в Москве (вернее, ее начальные классы) превратилась в подготовительное для академии учебное заведение²⁷.

Впрочем, данная точка зрения нуждается в уточнении. Судя по документам навигационной школы, в нее принимались люди разного чина, кроме «шляхетства»²⁸, в то время как в Морской академии, что будет показано ниже, набирались исключительно дворяне. Поэтому навигационная школа стала базой для Морской академии только на период ее создания.

В одном из писем генералу Апраксину Петр подчеркивал, что «не точию морскому ходу нужна сия (навигационная. — *Н. Ю.*) школа, но и артиллерии и инженерству»²⁹. Позднее предпринимаются усилия по обустройству самостоятельных учебных заведений данного профиля. Надо сказать, что первая попытка организации артиллерийско-инженерной школы произошла в то же время, что и навигационной. В указе 1701 г. было «велено на новом пушечном дворе построить деревянные школы и в тех учить пушкарских и иных посторонних чинов детей их словесной и письменной грамоте и цифирю и иным инженерным наукам...»³⁰ (хотя, по некоторым данным, еще в 1698 г.³¹). Впрочем, долго она не просуществовала. Уже летом 1702 г. часть школьников были направлены в Псков для зачисления бомбардирами в полк, другие стали учениками различных мастеров Артиллерийского приказа, третьи были командированы в Берлин и еще пятеро отправлены в Аптекарский приказ для учебы в медицинской школе³². Поэтому историю этих учебных заведений следует рассматривать с учреждения самостоятельных Инженерной (1712 г.)³³ и Артиллерийской школ (1713 г.)³⁴. Указ 17 марта 1719 г. предписывал перевести инженера-учителя и школьников «всех, сколько их в той школе ныне обретается... с надлежащими их инструменты и со всем, что при них есть» в Санкт-Петербург³⁵. Впрочем, это не означало ликвидации Московской инженерной школы. Сенатский указ 1724 г. свидетельствует, что в 1719 г. выслано было 74 человека, «а на их места набраны вновь 100 человек»³⁶. Поэтому вплоть до этого указа в России существовали две инженерные школы — Московская и Санкт-Петербургская, общая численность составляла 174 студента. В Артиллерийской школе, по данным 1727 г., обучалось 90 учеников³⁷. При этом артиллерийская и инженерные школы давали своим воспитанникам общеобразовательные и профессиональные знания и умения, что сыграло важную роль в подготовке

младших артиллерийских специалистов и командных кадров³⁸. Создавались и учебные заведения, направленные на подготовку гражданских специалистов.

Учебные заведения для подготовки гражданских специалистов

В начале XVIII в. возникает школа иностранных языков при Посольском приказе³⁹. Параллельно с ней продолжают действовать созданные в XVII столетии частные школы, где изучались иностранные языки. В них на обучение отправляли своих людей различные ведомства⁴⁰. О том, что эти школы сохранились в начале XVIII в. есть свидетельство: в 1716 г. из «Латинских школ» предписывалось «выбрать из учеников ребят добрых, молодых пять человек, таких которые б по меньшей мере Грамматику выучили для посылки в Персиду... для учения языкам Турецкому, Арабскому и Персидскому...»⁴¹.

В 1707 г. при госпитале была учреждена хирургическая школа, которую возглавил Н. Бидлоо. Он принял на обучение 50 человек, из которых по прошествии пяти лет 33 были рекомендованы императору в качестве лучших студентов⁴². Однако, по состоянию на 1727 г., при госпитале числилось всего 5 учеников⁴³.

По докладу Г. Фика, известного участием в учреждении коллегий, Петр в 1718 г. распорядился устроить академию для подготовки молодых людей к гражданской службе. Но за недостатком учебников и учителей это дело было отложено, а взамен Петр, в ожидании устройства академии, повелел «сделать краткую школу для обучения экономии и гражданству»⁴⁴. Именной указ от 10 ноября 1721 г. предписывает: «Учинить школу, где учить подьячих их делу... куды б приказные люди детей своих повинны были отдавать, тако ж из стороны кто похочет быть приказным, також учиться определенным в Коллегии молодым Дворянам...»⁴⁵ В «Генеральном регламенте» (1720) предусматривалось даже формирование своеобразного кадрового резерва: «удобные люди, которые впредь при канцеляриях и конторах служить пожелают, *по пропорции каждого коллегия*, заранее допущены и обучены были» (курсив мой. — Н. Ю.)⁴⁶. Правда, «Табель о рангах» уже не столь категорична: «надлежит ныне иметь...

по 6 или по 7 человек коллегии юнкеров, или меньше; а если более надобно, то с доклада»⁴⁷. Как считают исследователи, большинство этих учебных заведений так и не получили должного развития. Единственным проявившим жизнеспособность источником подготовки гражданских чиновников оказался институт коллежских юнкеров⁴⁸. Но даже в нем не выдерживались нормы численности учащихся. По данным на 1727 г., в коллегиях обучалось от 1 до 2 юнкеров. Наибольшее количество было в Адмиралтейской коллегии — 4 человека⁴⁹. Кроме того, юнкерские школы вряд ли в полной мере можно назвать специальными учебными заведениями, поскольку учили там лишь «приказному» делопроизводству и арифметике.

Некоторые исследователи указывают, что не меньшее внимание Петр I уделял обучению знаниям, необходимым для добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности⁵⁰. Об этом свидетельствует известие, оставленное Вебером: «царь повелел уже устроить в своей резиденции, в Петербурге, небольшой горный завод... чтобы с одной стороны показать Русским операции, каким образом разрабатываются... руды... а с другой, — чтобы некоторым образом практически обучить и приохотить особенно способных Русских людей к плавлению металлов...»⁵¹

Таким образом, по данному направлению специальных учебных заведений государь не создавал, ограничившись наложением на мануфактур-коллегию обязанности договариваться с иностранцами об обучении своему делу учеников⁵². В именном указе императора от 3 декабря 1723 г. читаем: «...иноземцы мастера будучи в фабриках, и отжив сроки отъезжают во отечество, а по себе учеников без совершенства науки, их оставляют, и из сего не без сумнения есть, что не имеют ли они при цехах... присяжного обязательства чтоб иностранных им не обучать»⁵³. Другими словами, особых надежд на достижение выдающихся результатов по этому вопросу правительство не питало. Не случайно после этого мануфактур-коллегии предписывалось «посылать в *чужие краи* из молодых людей таких, которые к такому обучению склонны», обнадежив, что им «даны будут некоторые привилегии по рассмотрению их науки» (курсив мой. — Н. Ю.)⁵⁴. Таким образом, опять планировалось отправлять учеников за границу.

Исходя из вышеизложенного, образ царя-императора, жестко принуждавшего приглашенных на службу иностранцев обучать русских людей, нарисованный в отечественной художественной литературе и кинематографе, не соответствует действительности. Это было обусловлено обоснованными опасениями, что иностранцы, недовольные диктатом, могут создать «негативную рекламу» русской службе у себя на родине: «отпустить (мастеров-иностранцев. — *Н. Ю.*) с совершенным удовольствием, дабы приехав жалобы не имел, что их худо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был»⁵⁵. Впрочем, нельзя сказать, что замысел Петра оказался вовсе безрезультатным. По статистическим данным 1727 г., на различных заводах и мануфактурах обучалось в общей сложности более 200 человек⁵⁶. Однако вряд ли здесь можно говорить о государственной политике по созданию профессиональных училищ. Исключение составляют школы, учрежденные В. Н. Татищевым в Кунгуре и на Уктусском заводе, в которых были собраны «умеющие грамоте дети подъячих и церковнослужителей», где обучались «арифметике, геометрии и прочим горным делам»⁵⁷. Однако об этих учебных заведениях, за исключением приведенного И. Соколовским упоминания Н. Чупина, сведений не сохранилось. Изложенное выше свидетельствует, что приоритетом государственной политики в сфере образования становится подготовка военных специалистов, обучению гражданским профессиям отводится второстепенная роль. Чем обусловлена такая расстановка акцентов?

Тактические цели Петра в образовании

Тактические цели Петр Алексеевич озвучивал в самом начале царствования, говоря патриарху Адриану о необходимости существования учебного заведения: «И из школы бы во всякия потребности люди благоразумные учая происходили, в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство»⁵⁸. Из контекста обращения не совсем понятно, имел ли он в виду уже существовавшую Славяно-Греко-Латинскую академию или новое учебное заведение, но одно является очевидным: школа Петру была нужна для удовлетворения нужд государства и церкви. Таким образом, можно согласиться

с мнением М. Владимирского-Буданова, что «государство заботится (только. — *Н. Ю.*) о том, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшим образом»⁵⁹.

Вероятно, первоначально Петр планировал переложить эту нагрузку, полностью или частично, на саму церковь. Но, получив после смерти Адриана письмо А. А. Курбатова, где состояние школы, находившейся под надзором патриарха и управлением монаха Палладия, характеризовалось как находящееся «в расстройстве»⁶⁰, Петр начинает процесс подчинения церкви своей власти. Он берет на себя и ответственность за устройство учебных заведений.

В этом плане будет уместным подчеркнуть следующее обстоятельство. Автор не согласен с точкой зрения, сложившейся у отдельных историков, о полном отсутствии профессиональных образовательных учреждений в допетровской Руси⁶¹. Учреждений образования в эту эпоху было немного, но они существовали⁶² и решали главную задачу обеспечения государства кадрами, необходимыми для гражданской службы⁶³. В этом смысле Петровские преобразования продолжали традиции XVII в., то есть обеспечение квалифицированными специалистами нужд государства. Вместе с тем, вектор образовательной политики изменился.

Чем обусловлен выбор акцента на военно-техническое образование? Возможно, он был связан с личностью и способностями самого Петра I. Из его учебных тетрадей можно увидеть, как плохо он был обучен грамоте: «он пишет невозможно, не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: всегда, сътьрелять, възьяфь». В тех же тетрадях отражена «степень охоты, с какой Петр принялся за математику и военные науки. Он быстро прошел арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию, овладел астролябией, изучил строение крепостей, умел вычислять полет пушечного ядра»⁶⁴. Это подтверждается и другими источниками. Вот как характеризовал сферу интересов Петра I встречавшийся с ним в Германии Лейбниц: «Он осведомлен о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванью, а поэтому он любит также астрономию и географию...»⁶⁵ В этом смысле

можно согласиться, что системообразующей доминантой периода правления Петра I является, прежде всего, личность государя, его интересы⁶⁶.

Однако, как нам представляется, немалую роль сыграли и условия правления императора: рекрутская реформа, в одночасье создавшая большую регулярную армию, и затяжная Северная война, или, как ее называл сам Петр, «Трехвременная жестокая школа»⁶⁷, требовали удовлетворять нужду армии. Напомним, что это было характерно и для допетровской Руси, когда основными потребителями образованных людей были государство и церковь.

Другое дело, что изменилась направленность подготовки. Ранее студенты обучались в первую очередь по гражданским профессиям, теперь ставка была сделана на подготовку военных специалистов. Показательно в этом отношении обоснование создания хирургической школы. В генеральном регламенте госпиталя Н. Бидлоо подчеркивалась основная задача школы, организованной при нем: «дабы через доброе наставление искуснаго медика и лекаря молодых людей производить, которыеб после смерти старых их место управить и *империи при армиях на море и сухом пути полезныя службы чинили...*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁶⁸, т. е. главное назначение лекарей — служба при армии. Конечно же этот документ подписан не рукой Петра I, а Анной Иоанновной. Но, как нам представляется, не будет большим преувеличением предположить, что и Петр Алексеевич исходил из этих же соображений.

Заключение

Можно констатировать, что определенное влияние Запада на образовательную политику России в XVIII в. присутствовало. Петр I и его соратники с интересом присматривались к западному образу жизни. Тем не менее, это было критическое осмысление существующей действительности. В государственной политике не ставилась цель механически копировать зарубежные институты на русскую землю. Выявлялись отдельные элементы западной культуры, и оценивались возможности их использования в российских условиях.

Учреждаемые Петром I профессиональные училища продолжили традицию XVII столетия — создание учебных заведений с целью подготовки специалистов для обеспечения нужд государства. С другой стороны, в отличие от предыдущей эпохи, акцент теперь делался на подготовке военных специалистов. Подобный выбор перспективных профессий был обусловлен личностью и интересами самого государя, а также положением военного времени. Таким образом, хотя направленность подготовки специалистов изменилась, сам тренд — создание учебных заведений для удовлетворения потребностей государства — остался неизменным.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Григорьев В. В.* Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 129.
- ² См., напр.: *Войтеховская М. П., Куперт Ю. В.* Зарождение государственной системы образования в Российской империи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 39. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/vojtechovskaya_m_p_39_45_2_117_2012.pdf (дата обращения: 20.09.2012).
- ³ *Андреев А. Ю.* О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 151.
- ⁴ *Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1903. Т. 2. С. 244.
- ⁵ Частично данная тема нами уже затрагивалась (*Юркин Н. Г.* Профессиональные училища Петра I: цели создания и отношение в обществе // Высшее образование: традиции, преемственность и перспективы развития : материалы XXIX нац. науч.-теорет. конф. с междунар. участием. Иваново, 2018). Однако, учитывая тезисность публикации, считаем необходимым вернуться к этому вопросу и рассмотреть его более подробно.
- ⁶ Цветущее состояние всероссийского государства, в которое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая: собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г. М., 1831. С. 94. URL: <https://www.prlib.ru/item/389455> (дата обращения: 15.10.2018).

- ⁷ Уланов В. Я. Культурные реформы Петровской эпохи // Три века : Россия от Смуты до нашего времени : в 6 т. М., 2006. Т. 4. С. 9.
- ⁸ Об этом см.: Гузевич Д. Ю. Дипломатическая цель Великого посольства, 1697—1698/99 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 2. С. 3—11. URL: <http://elibrary.ru/download/81376473.pdf> (дата обращения: 04.05.2015).
- ⁹ Цит. по: Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909. С. 513. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10079647> (дата обращения: 13.09.2018).
- ¹⁰ Материалы для истории Русского флота (далее — МИРФ). СПб., 1866. Ч. 3. С. 289.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ. Собр. 1). Т. 4, № 1751. С. 7.
- ¹² Уланов В. Я. Указ. соч. С. 17.
- ¹³ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 336.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Цит. по: Лабутина Т. Л. Британская культура в России в XVIII веке: восприятие, заимствования и отторжение // История.РФ. URL: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/06/a073e241b39b753a501b119d3465c34bbe2e1319.pdf (дата обращения: 11.12.2018).
- ¹⁶ Цит. по: Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории : афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М., 2007. С. 245.
- ¹⁷ МИРФ. Ч. 3. С. 289.
- ¹⁸ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. 1. С. 604.
- ¹⁹ Сам он по-русски подписывался как Фархварсон, что можно объяснить обозначением его фамилии на английском языке — «Fargwarson». Поэтому в источниках он упоминается как в той, так и в другой транскрипции. Вообще его фамилия часто искажалась: Farkeson, Farquharson, Farwarson, Фергюсон, Фулкерсон, Феркелсон. Мы в статье руководствуемся правописанием, принятым в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (см.: Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 35. С. 303).
- ²⁰ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893. С. 3.
- ²¹ См.: Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ярославль, 1874. Ч. 1. С. 16.
- ²² Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1842. С. 34.
- ²³ МИРФ. Ч. 3. С. 293, 314.

- ²⁴ Дуров И. Г. Подготовка специалистов для флота при Петре Великом // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. Опубликовано в интернет-приложении. URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom/> (дата обращения: 14.10.2018).
- ²⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 4, № 2937. С. 173—176.
- ²⁶ Веселаго Ф. Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ Князьков С. Указ. соч. С. 513.
- ²⁸ См., напр.: МИРФ. Ч. 3. С. 342.
- ²⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1958. Т. 1, вып. 1, № 2513. С. 53.
- ³⁰ Цит. по: Бенда В. Н. Вклад военно-специальных артиллерийских и инженерных школ в укрепление обороноспособности России в первой половине XVIII столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 8 (22), ч. 2. С. 26.
- ³¹ Галушко Ю. А., Колесников А. А. Школа российского офицерства. М., 1993. С. 7.
- ³² Бенда В. Н. Вклад военно-специальных... школ... С. 26.
- ³³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 4, № 2467. С. 778.
- ³⁴ Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. СПб., 1857. Т. 1, ч. 1. С. 3.
- ³⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5, № 3330. С. 680.
- ³⁶ Там же. Т. 7, № 4564. С. 346.
- ³⁷ Цветущее состояние всероссийского государства... С. 94.
- ³⁸ Бенда В. Н. Создание и деятельность артиллерийских школ (конец XVII века — 1725 год) : автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 20.
- ³⁹ Дискуссии и обсуждения «Власть и интеллект в императорской России» // Отечественная история. 2005. № 4. С. 15.
- ⁴⁰ Об этом см.: Юркин Н. Г. Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до XVIII в. // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 31—32.
- ⁴¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5, № 2978. С. 189.
- ⁴² Два письма доктора Н. Бидлоу к Петру Великому // Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1833. С. XXVIII.
- ⁴³ Цветущее состояние всероссийского государства... С. 19.
- ⁴⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2001. С. 239.
- ⁴⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 6, № 3845. С. 451—452.
- ⁴⁶ Там же. № 3534. С. 154.
- ⁴⁷ Там же. № 3890. С. 491.

- ⁴⁸ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII — XIX веках. СПб., 1912. С. 7.
- ⁴⁹ Цветущее состояние всероссийского государства... С. 2—6.
- ⁵⁰ См., напр.: *Соколовский И.* Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873. С. 89—90.
- ⁵¹ Записки Брауншнейгскаго резидента Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 9. Стб. 1624.
- ⁵² ПСЗ. Собр. 1. Т. 7, № 4378. С. 173.
- ⁵³ Там же. № 4381. С. 181.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. № 4345. С. 151.
- ⁵⁶ Цветущее состояние всероссийского государства... С. 20—22.
- ⁵⁷ Цит. по: *Соколовский И.* Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁸ Адриана Патриарха извещение в октябре 1698 или 1699 года // *Устрялова Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 512.
- ⁵⁹ *Владимирский-Буданов М.* Указ. соч. С. 155.
- ⁶⁰ Цит. по: *Уланов В. Я.* Указ. соч. С. 25.
- ⁶¹ См., напр.: *Гришин А. В., Гришин В. А.* Образовательная политика первой четверти XVIII века // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 1. С. 7.
- ⁶² См., напр.: *Лаврентьев А. В.* К истории создания училища в Московской бронной слободе в XVII веке // История СССР. 1991. № 3; *Симонов Р. А., Кузаков В. К., Кузьмин М. К.* Естественно-научные знания // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2; *Сторожев В. Н.* К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890; и др.
- ⁶³ Эту мысль автор доказывал в уже упомянутой своей публикации: *Юркин Н. Г.* Опыт сравнительного анализа... С. 39—40.
- ⁶⁴ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 182.
- ⁶⁵ Цит. по: *Соколовский И.* Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁶ *Стародубцев М. П.* Образовательная политика Российского государства, проводимая Петром I и Екатериной II // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 155. С. 128.
- ⁶⁷ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 236.
- ⁶⁸ Генеральный регламент «О госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей» // *Числов Я.* Указ. соч. С. XXV.

References

1. *Andreev A. Yu.* O «novom prochenii» istorii rossiyskikh universitetov // *Vysshee obrazovanie v Rossii.* 2009. № 3.
2. *Benda V. N.* Sozdanie i deyatelnost artilleriyskikh shkol (konets XVII veka — 1725 god) : avtoref. ... kand. ist. nauk. SPb., 2004.
3. *Benda V. N.* Vklad voenno-spetsialnykh artilleriyskikh i inzhenernykh shkol v ukreplenie oboronospособnosti Rossii v pervoy polovine XVIII stoletiya // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie : voprosy teorii i praktiki.* Tambov, 2012. № 8 (22). Ch. 2.
4. *Diskussii i obsuzhdeniya «Vlast i intellekt v imperatorskoy Rossii» // Otechestvennaya istoriya.* 2005. № 4.
5. *Durov I. G.* Podgotovka spetsialistov dlya flota pri Petre Velikom // *Voenno-istoricheskiy zhurnal.* 2014. № 7. Opublikovano v Internet-prilozhenii. URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom/> (accessed: 14.10.2018).
6. *Galushko Yu. A., Kolesnikov A. A.* Shkola rossiyskogo ofitserstva. M., 1993.
7. *Grishin A. V., Grishin V. A.* Obrazovatel'naya politika pervoy chetverti XVIII veka // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2010. № 1.
8. *Guzevich D. Yu.* Diplomaticeskaya tsel Velikogo posolstva, 1697—1698/99 // *Izvestiya Saratovskogo universiteta.* Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. T. 13, № 2. URL: <http://elibrary.ru/download/81376473.pdf> (accessed: 04.05.2015).
9. *Labutina T. L.* Britanskaya kultura v Rossii v XVIII veke: vospriyatie, zaimstvovaniya i ottorzhenie // *Istoriya.RF.* URL: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/06/a073e241b39b753a501b119d3465c34bbe2e1319.pdf (accessed: 11.12.2018).
10. *Lavrentev A. V.* K istorii sozdaniya uchilishcha v Moskovskoy bronnoy slobode v XVII veke // *Istoriya SSSR.* 1991. № 3.
11. *Simonov R. A., Kuzakov V. K., Kuzmin M. K.* Yestestvenno-nauchnye znaniya // *Ocherki russkoy kultury XVII veka.* M., 1979. Ch. 2.
12. *Starodubtsev M. P.* Obrazovatel'naya politika Rossiyskogo gosudarstva, provodimaya Petrom I i Yekaterinoy II // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena.* 2013. № 155.
13. *Voytekhovskaya M. P., Kupert Yu. V.* Zarozhdenie gosudarstvennoy sistemy obrazovaniya v Rossiyskoy imperii // *Vestnik Tomskogo*

- gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 2. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/vojtehovskaya_m_p_39_45_2_17_2012.pdf (accessed: 20.09.2012).
14. *Yurkin N. G.* Opyt sravnitel'nogo analiza razvitiya rossiyskoy i zarubezhnykh sistem obrazovaniya do XVIII v. // *Intelligentsiya i mir.* 2012. № 4.
15. *Yurkin N. G.* Professionalnye uchilishcha Petra I: tseli sozdaniya i ot-noshenie v obshchestve // *Nauchno-teoreticheskie i metodologicheskie osnovy izucheniya zhiznedeyatel'nosti intelligentsia: materialy XXIX Natsionalnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem.* Ivanovo, 2018.

К. Е. Балдин

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ В ДЕРЕВНЕ: ЗЕМСКИЕ АГРОНОМЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Введение

В 1864 г. в России была принята земская реформа — одна из ключевых среди преобразований Александра II. В соответствии с «Положением» о земских учреждениях в большинстве губерний Европейской России вводились новые структуры общественного самоуправления. Распорядительными органами в них являлись земские собрания, которые избирались местными жителями на три года и заседали один раз в год, а постоянно действующими исполнительными органами стали земские управы. Эти структуры были учреждены на губернском и уездном уровнях.

© Балдин К. Е., 2019

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета. kebaldin@mail.ru

Baldin Kirill Evgenievich — doctor of historical sciences, professor, professor of the department of history of Russia of the Ivanovo state university.

В сферу деятельности земств входило содержание школ и библиотек, больниц и ветлечебниц, строительство дорог и мостов, и т. п. Все эти сферы деятельности земств были приоритетными уже в первые три десятилетия их существования, т. е. в 1870—90-х гг. Что касается помощи крестьянскому хозяйству, то земство вступило на это поприще только в начале XX в. Органы местного самоуправления стали внедрять новые для российской деревни сельскохозяйственные орудия, минеральные удобрения. Эту технику, удобрения и сортовые семена сельчане могли приобрести на созданных в каждом уезде земских сельскохозяйственных складах. Земства также способствовали улучшению пород крестьянского скота, поощряли пчеловодство, осуществляли другие проекты.

Одновременно в сельской местности начал складываться совершенно новый слой земской интеллигенции — агрономы, заведующие сельскохозяйственными складами, другие должностные лица. В начале XX в. численность сельскохозяйственного сегмента земской интеллигенции динамично росла. Рассмотрим этот процесс на примере достаточно типичной земской губернии — Костромской.

Цель и задачи

Цель статьи состоит в том, чтобы определить основные направления деятельности земских органов и земских агрономов по оказанию помощи крестьянскому хозяйству. В связи с этим автор планирует решить следующие задачи: рассмотреть особенности процесса формирования земских агрономических кадров, исследовать их конкретную деятельность по продвижению в крестьянскую среду передовых сельскохозяйственных машин и орудий, прогрессивных по тому времени аграрных технологий, сортовых семян, породистого скота, минеральных удобрений; рассмотреть результаты деятельности агрономической интеллигенции.

Основная часть

В самом конце XIX и в начале XX в. происходил процесс создания структуры, которая в то время называлась агрономической организацией. Это была, с одной стороны, совокупность

земских должностей в этой сфере, а с другой — конкретные люди, которые занимали эти должности, т. е. представители земской интеллигенции. Рассматриваемую нами деятельность в регионе возглавляли губернские агрономы, в большинстве губерний они появились на рубеже XIX—XX вв. В Костромской губернии с 1893 г. первым из них стал П. П. Сычев¹.

Со временем дел у этого должностного лица становилось всё больше. Он курировал в Костроме сельскохозяйственный музей, семеноводческую станцию, выступал со статьями в периодическом издании «Известия Костромского губернского земства». Как считала губернская земская управа, его основной должностной обязанностью было руководство агрономической работой на местах и, соответственно, постоянные разъезды по территории губерний. Губернский агроном регулярно принимал участие в уездных агрономических совещаниях, в заседаниях местных экономических советов. Также этот специалист читал лекции на сельскохозяйственных курсах, которые устраивались не только в губернском центре, но и в уездах. Приглашения с мест поступали ему постоянно. Например, только в сентябре 1913 г. его хотели видеть одновременно в Кинешме, Солигаличе и Ветлуге, которые находились на разных концах губернии².

Губернский агроном не мог справиться со всеми обязанностями, которые множились с каждым годом. Земцы со временем узнали, что в соседней Ярославской губернии у его коллеги есть штатный помощник. В 1913 г. было принято решение учредить такую должность в Костроме³.

В первые годы XX в. в земских собраниях и управах появилось отчетливое осознание того, что необходимо иметь агрономов и в уездных центрах. В 1903 г. Костромское губернское земское собрание постановило пригласить агрономов во все уезды, причем обязательно с высшим специальным образованием. Поскольку губернский бюджет верстался с сильным напряжением, то решили не обременять его сразу большими расходами. Земцы постановили нанимать уездных агрономов постепенно, растянув этот процесс на четыре года. В 1904 г. агрономы были приглашены в Кинешемский, Макарьевский и Ветлужский уезды, которые, очевидно, лучше всего были подготовлены для такой работы.

В 1905 г. настала очередь Костромского, Кологривского и Галичского уездов⁴.

Затем наступил небольшой перерыв в связи возросшими расходами по другим статьям. Было решено, что Юрьевецкий, Нерехтский и Варнавинский уезды обзаведутся специалистами в 1908 г. Однако у губернского земства снова возникли финансовые трудности, и в перечисленные три уезда вместе с Буйским взяли агрономов лишь в 1909 г. В 1910 г. такие же специалисты начали работать в Солигаличском и Чухломском уездах, теперь эти представители земской интеллигенции имелись в каждом уезде⁵.

Правовой статус уездных агрономов представлялся неоднозначным. По постановлению губернского земского собрания их приглашали уездные управы, а губернская управа, в свою очередь, отпускала средства на их жалование. Таким образом, уездные агрономы находились в двойном подчинении. В конце каждого года они направляли отчеты и планы своей деятельности на следующий год одновременно в губернскую и уездную управы. Поручения этим специалистам давали в основном уездные органы, но в случае особой надобности «озадачивать» их могла и губернская управа⁶.

Количество земских поприщ в сфере агрономии возрастало пропорционально стремлению органов местного самоуправления оказать помощь крестьянскому хозяйству, страдавшему от неурожаев, малоземелья и налогового бремени. По данным за 1910 г., на каждого уездного агронома приходилось в среднем 22 волости с 1222 населенными пунктами и 114 тыс. крестьян. Были и более сложные для работы уезды, например, в Галичском насчитывалось 1479 населенных пунктов на всего одного специалиста. В Кологривском уезде имелись деревни, которые отстояли от уездного центра на 210 верст, а в Ветлужском — на 230. В самом компактном уезде — Кинешемском это расстояние составляло 63 версты. Доехать до каждого населенного пункта было просто невозможно⁷. В агрономической деятельности у органов самоуправления перед глазами всегда находился пример медицинского обслуживания, налаженного земством к тому времени. Здесь давно существовала участковая система: вся территория уезда делилась на участки, каждый из них обслуживался сельским врачом. Земские деятели давно заметили, что крестьяне ходят в лечебницу только если расстояние ее от места их жительства было

не более 10—15 верст. В связи с этим было решено создать по аналогии с врачебными и агрономическими участками, сформировав контингент участковых агрономов, которые будут ближе к крестьянам. К тому времени у земцев Костромской губернии был такой пример их коллег из Московской, Самарской и других губерний⁸.

Губернское земство произвело расчеты и в 1912 г. постановило утвердить в губернии специально выработанную сеть участков, состоявшую из 45 единиц. При этом под планировавшуюся сеть была запрошена солидная субсидия из департамента земледелия. Но это столичное ведомство согласилось на финансирование работы лишь 34 участковых агрономов. При этом чиновники из столицы предупредили земцев, что на все 45 участков просто может не хватить специалистов. Последние пользовались спросом по всей стране в связи с аналогичными планами у всех земств⁹.

Уже в 1912 г. финансирование участковых агрономов осуществлялось по схеме, выработанной совместно органами общественного управления двух уровней и столичным ведомством. Департамент земледелия отпускал в Костромскую губернию для этой цели ссуду в 30 600 р., а другую половину равными долями (по 15 300 р.) выделяли губернское и уездные земства¹⁰.

Рассмотрим процесс роста числа агрономических участков на примере Кинешемского уезда. Здесь решение о приглашении участковых специалистов приняли в 1906 г. Уже в 1911 г. в уезде было три участка — в селах Спас-Заборье, Семеновское-Лапотное и Есиплево. В 1912 г. к ним прибавились участки в Адищеве, Решме и Батманах. В 1913 г. удалось открыть участок в селе Вичуга. Предусматривалось сделать центрами восьмого и девятого участков Кинешму и Колшево, но этим планам помешала начавшаяся мировая война¹¹.

В каждом из перечисленных населенных пунктов Кинешемского уезда намечалось устроить комплексный агрономический пункт. Структура его в идеале предполагала устройство следующих заведений: прокатная станция сельхозмашин, пункт для очистки зерна, ветеринарная лечебница, случной пункт для сельскохозяйственных животных и жилые дома для агронома и ветеринара. Кинешемское земство накануне войны приближалось к тому, чтобы каждый агропункт превратить в образцовый. Например, в отчете о строительстве земских зданий за 1913 г. было

сказано, что на Решемском пункте срублен дом для агронома, устроен случной пункт и сарай для очистки зерна. В Батманах в том же году построили дом для агронома, случной пункт, скотолечебницу и сортировочный сарай¹².

Практика показала, что агрономов широкого профиля недостаточно для того, чтобы преобразовать консервативное по своей сути крестьянское хозяйство. Нужны были «узкие» специалисты по животноводству, льноводству, внедрению удобрений и т. п. Требовалось совершенствование луговых угодий, которые имелись практически у каждой крестьянской общины. Такая отрасль земской агрономической деятельности, как луговодство, была призвана наладить обеспечение домашнего скота кормами. Эта проблема могла быть решена путем посева кормовых трав и улучшения лугов, которые служили пастбищами для скота.

Осознание важности луговодства для развития крестьянских хозяйств произошло в большинстве земств приблизительно на рубеже первого и второго десятилетий XX в. Костромское губернское земское собрание в 1909 г. постановило: просить Главное управление землеустройства и земледелия прислать в Костромскую губернию на постоянную работу трех инструкторов по луговодству. Для того чтобы материально стимулировать их, было решено ассигновать на добавочное жалование, т. е. сверх штатного, 300 р. в год¹³. Это последнее решение диктовалось отнюдь не излишней расточительностью, в это время спрос на специалистов по луговодству по всей стране был высоким, поэтому требовалось их материальное стимулирование.

В 1910 г. в Костромскую губернию приехали на работу инструкторы по луговодству Л. В. Соколов и А. С. Попов. В конце того же года прибыл на постоянную работу по тому же профилю старший специалист департамента земледелия В. В. Зарецкий. В 1911 г. формирование структуры, которую тогда называли «луговой организацией», продолжилось. Появились еще два инструктора — Л. В. Кибардин и А. И. Пучинов. Обязанности между ними были распределены следующим образом: Л. В. Соколов, проживавший в Юрьевце, отвечал за Юрьевецкий уезд и, по возможности, за Макарьевский. А. С. Попов, живший в Галиче, отвечал, соответственно, за Галичский уезд и, по возможности, за Буйский. Полем для работы Л. В. Кибардина являлся Кинешемский

уезд, а А. И. Пучинова — Ветлужский. Губернский специалист по луговодству В. В. Зарецкий, курировавший всю губернию, непосредственно отвечал также за Костромской и Нерехтский уезды¹⁴. В конце 1911 г. в Костромской губернии наряду с инструкторами луговодства появились также и мастера по этой специальности — Константинов и Розов, а летом 1912 г. сюда приехали еще 4 мастера — Головин, Вьюгин, Белехов, Ростовцев. Обычно мастера не имели своей отдельной территории, а работали как помощники инструкторов¹⁵.

В последний предвоенный 1913 г. луговодная организация в Костромской губернии состояла из одного губернского специалиста, четырех инструкторов и шестерых мастеров. Следует отметить, что эта структура была явно недостаточной, некоторые инструкторы отвечали сразу за два уезда, территории которых были очень значительными. Правда, на помощь земским агрономам на летнее время стали приглашать практикантов. В 1913 г. это был агроном К. Р. Янкевич, временно работавший в Костромском и Юрьевецком уездах, а также слушатели высших сельскохозяйственных курсов Потехин и Евреинов, практиковавшиеся в Кинешемском уезде¹⁶.

Земство брало на агрономические должности людей только со специальным образованием, но всё же уровень подготовки у них был различным. Например, инструктор Г. В. Овечников, работавший в Кинешемском уезде, окончил Московский сельхозинститут. В том же Кинешемском уезде практикантами в летний сезон 1913 г. работали слушатели высших сельскохозяйственных курсов Потехин и Евреинов. Однако специалистов с высшим образованием не хватало, даже на должностях инструкторов порой служили люди только со средним специальным образованием. В частности, в Ветлужском уезде инструктором являлся И. В. Коробов, который окончил Вятское сельхозучилище — среднее учебное заведение. Мастера по луговодству оканчивали, как правило, низшие специальные заведения или сельскохозяйственные курсы¹⁷.

В различных регионах России в это же время начала формироваться сеть специалистов в области пчеловодства. Сначала в губернии был только один специалист по этой отрасли хозяйства, но в начале XX в. все уездные земства Костромской губернии

обзавелись профильными инструкторами, содержащимися на основе софинансирования. Половина суммы на их жалование отпускал департамент земледелия, четверть — уездные земства и еще одну четверть — губернское земство. Упомянутый столичный департамент содержал в губернии на свои средства еще четырех мастеров по пчеловодству¹⁸.

Самое богатое в Костромской губернии Кинешемское земство решило, что для этого плотно населенного уезда одного инструктора слишком мало и ввело в свое штатное расписание должность помощника инструктора. Постоянным местопребыванием первого являлся уездный центр, а второго — крупное промышленное село Вичуга в южной части уезда¹⁹.

К сожалению, замещать открывавшиеся земствами должности инструкторов-пчеловодов было сложно. Пчеловодческие школы и курсы выпускали немного специалистов, а спрос на них возрастал. Естественно, они искали наиболее выгодные места работы, и текучесть кадров была высокой. Часто пчеловоды-инструкторы не задерживались на своих местах дольше года. С началом мировой войны некоторых пчеловодов мобилизовали в действующую армию. Так, ушел на фронт Д. П. Хоменко из Буйского уезда²⁰.

Деятельность агрономов была очень многообразной, объем их работы возрастал. Это объясняется обилием проблем в крестьянском хозяйстве: практически отсутствовала семеноводческая работа, низкой была продуктивность скота, урожайность зерновых культур в средней полосе России оставляла желать лучшего, а традиционных удобрений, т. е. навоза и золы, не хватало. Крестьяне очень нуждались в помощи специалистов, между тем, как мы уже убедились, агрономов в деревне всегда было недостаточно, несмотря на рост их численности. Особенно этот дефицит бросался в глаза в самые первые годы XX в.

Один из корреспондентов «Известий Костромского губернского земства» вспоминал, что на совещании по вопросам сельского хозяйства в Костроме в 1905 г. он услышал от одного из крестьян: «Мы, живя в деревне, вдали от города, слышали, что в городах есть агрономы, назначение которых служит для того, чтобы знакомить нас, крестьян, с правильной обработкой полей, с пользой травосеяния, с преимуществами новейших усовершенствованных

сельскохозяйственных орудий... Покажите нам этих агрономов, кто они таковы, так как у себя в деревне мы их не видавали и пока еще ничего не слышали от них о пользе сельскохозяйственных новшеств»²¹.

Тот же автор, сравнивая положение в 1905 и 1913 гг., указывал на разительные изменения, которые, по его мнению, произошли за неполное десятилетие. Он не без гордости за свой отдаленный Ветлужский уезд отмечал, что теперь здесь трудятся, помимо уездного агронома, еще 6 участковых агрономов и столько же сельскохозяйственных старост, а также мастера по луговодству и льноводству. Многие инновации проникали в самые отдаленные уголки этого уезда. В конце своей статьи автор, скрывавшийся под псевдонимом «П. Б-в», с удовлетворением констатировал: «Уже чувствуется, что ветлужский пахарь зашевелился»²². Расшевелить пахарей не только в Ветлужском, но и в других уездах Костромской губернии земствам удалось совместно с агрономической интеллигенцией, контингент которой в регионе увеличивался практически с каждым годом.

Следует заметить, что особенно много обязанностей несли уездные агрономы. В значительной степени они имели бюрократический характер, к чему склонность имел далеко не каждый. Накануне мировой войны практически во всех уездных земствах открылись агрономические отделы, ими заведовали уездные агрономы. Они же руководили деятельностью участковых агрономов, которых с годами становилось всё больше и больше. Материалы, которые последние присылали в уездный центр, необходимо было обобщать, составлять отчеты о проделанной работе и планы на будущее²³. В докладе Костромской губернской земской управы собранию 1908 г. приводились примеры того, какие работы уездные агрономы явно не в состоянии выполнять за недостатком времени. Например, необходимо было изучать флору лугов для их улучшения, но агрономы откладывали эту деятельность на будущее, т. к. имелись более важные дела²⁴.

Первоначально очень много времени у агрономов отнимала работа на сельскохозяйственных складах. Такие учреждения были созданы во всех уездах, причем постепенно в каждом уезде открывалось по 2-3 склада. На них крестьяне могли приобрести не только косы, серпы, вилы и прочий заурядный инвентарь, но и сеялки,

веляки, молотилки. Также здесь продавались минеральные удобрения, кровельное железо и прочие необходимые в деревне товары.

Заведовали этими складами уездные и участковые агрономы. Они закупали товары, вели бухгалтерские книги, что отнимало много времени. Еще больше времени уходило на торговлю на складах. Так земский специалист постепенно превращался в торговца. «На живую работу остается мало времени», — констатировал костромской земский журнал. «Агронома нельзя привязывать к складу», — вторила этой жалобе Костромская губернская управа²⁵. Постепенно земства осознали, что потенциал агрономов, занятых ежедневно на складах, расходуется непродуктивно, были наняты специальные заведующие этими торговыми структурами, а за агрономами осталось общее руководство ими.

Сфер для приложения профессиональных знаний у агрономов было много. Они проверяли на всхожесть поступавшие в уезд партии семян для посева. Агрономы ежегодно ставили опыты с внесением удобрений под различные культуры, после сбора урожая учитывалась их эффективность. Агроном Ковернинского участка Макарьевского уезда П. А. Грачев особенно активно способствовал распространению передовой техники, в частности пружинных борон, которые были гораздо лучше примитивных крестьянских.

При этом специалистам приходилось преодолевать немалое сопротивление со стороны консервативно настроенных крестьян, цеплявшихся за традиции дедов. В Буйском уезде агроном с большими трудами устроил в трех селах быков-производителей. Через два года крестьяне, увидев воочию приплод от этих быков, сами начали заказывать в свои села продуктивный скот в таких количествах, что удовлетворить все заявки не представлялось возможным²⁶.

Нужно учитывать, что в эти же годы в российской деревне началась реализация столыпинской реформы. Активизация земств в сфере агрономии и столыпинское землеустройство не могли не пересечься. Правда, многие земцы, придерживавшиеся народнических взглядов, неодобрительно относились к правительственным новшествам и считали выделявшихся из общины «мироедами». Однако в целом земские органы отнеслись к этим новым тенденциям если не абсолютно позитивно, то, по крайней мере, не мешали им и даже в некоторых местах конструктивно помогали.

В Кинешемском и Кологривском уездах были учреждены должности специальных агрономов, которые помогали «единоличникам», т. е. крестьянам, выделившимся из общины по известному указу 1906 г. В Кологривском уезде, по данным земства, насчитывалось 275 отрубков и 104 хутора. Земские специалисты, работавшие с этим контингентом, в быту назывались «хуторскими агрономами».

В 1910 г. губернское земское собрание по инициативе юрьевоцкого предводителя дворянства С. Ф. Грибунина поручило провести обследование хуторян и отрубников по всей губернии. Оказалось, что до этого обследования осуществлялись через волостные правления только в Кологривском и Юрьевоцком уездах, причем учитывалось лишь число выделившихся из общины хозяйств и площадь их участков. Деньги на комплексное обследование результатов столыпинского землеустройства у губернского земства нашлись только на 1912 г. Поручили это уездным агрономам, отпустив на составление анкет и на их анализ 350 р. Особое внимание было обращено на выявление трудностей, с которыми сталкивались единоличники в своей хозяйственной деятельности²⁷.

Отдельно остановимся на таких важных и очень специфических сферах деятельности земских агрономов, как луговое хозяйство и пчеловодство. Как отмечалось выше, организация правильного содержания луговых угодий была тесно связана с крестьянским животноводством. Требовалось наладить производство кормов, которые способствовали бы быстрому росту молодняка и повышали молочные качества скота. Между тем луга, принадлежавшие крестьянам, давали мало корма, зарастали травами, мало полезными или даже опасными для скота. В связи с этим остро стояла проблема улучшения лугов, решить ее могли только специалисты.

Агрономы-луговоды в первую очередь занимались распространением передового опыта. Они проводили показательные мероприятия по распашке лугов особыми орудиями для обработки почвы — луговыми боронами и кочкорезами, которые удаляли комки, мешавшие косить. Также агрономы советовали крестьянам удобрять луга, что в российской деревне до тех пор не практиковалось, т. к. навоза в большинстве крестьянских хозяйств не хватало даже для полевых наделов. Луговоды убеждали крестьян сеять здесь совершенно конкретные травы, которые увеличивали выход сена при покосе.

Агрономы этого профиля вели не только устную (беседы, показы, консультации), но и печатную пропаганду. На страницах «Известий Костромского губернского земства» неоднократно появлялись статьи, например, старшего специалиста по луговодству В. В. Зарецкого о наиболее важных кормовых травах. Он рассказывал читателям о высокой продуктивности шведского клевера, овсяницы луговой и других растений²⁸.

Инструктор по луговодству Григорий Васильевич Овечников в Кинешемском уезде издал до революции несколько книг, посвященных кормовым растениям. В дальнейшем, в советское время, работая в сфере агрономии в Иваново-Вознесенской губернии, он продолжал писать научно-популярные брошюры, предназначенные для крестьян²⁹.

В сфере пчеловодства нельзя пройти мимо многогранной деятельности губернского земского пчеловода — выдающегося провинциального энтузиаста Г. А. Кузьмина. Главной его работой было руководство образцовой пасекой, которая находилась в Костроме³⁰. Кроме того, с 1902 г. он издавал губернский журнал «Обозрение пчеловодства», выходивший в среднем шесть раз в год. На его страницах печатались статьи специалистов, которые давали советы любознательным читателям, письма крестьян-пчеловодов, рассказывавших о своем опыте, объявления о выставках и т. п. Кузьмин являлся не только редактором журнала, он — автор целого ряда изданий, в том числе книги «Ежегодник пчеловодства»³¹.

На губернском пчеловоде Г. А. Кузьмине лежали другие разнообразные обязанности. Он заведовал пчеловодческим отделом губернской управы, земским музеем пчеловодства, координировал деятельность инструкторов, которые появились в уездах³². Под его руководством стали проводиться пчеловодческие выставки не только в губернском центре, но и в провинциальной глубинке. Например, в 1901 г. губернское земское собрание по инициативе Кузьмина приняло решение об устройстве таких выставок в Нерехте (5—8 мая), в посаде Пучеже (1—4 сентября), Галиче (10—14 сентября). Выставки в губернии устраивались даже не в городах, а в селах — ближе к потенциальным посетителям³³.

Весомую помощь местным агрономам оказывали студенты сельскохозяйственных вузов, которые приезжали в Костромскую губернию на практику. Когда еще не было участковой агрономии

и один специалист обслуживал весь уезд, уездный агроном обычно сосредоточивал свою деятельность на определенной местности — двух-трех волостях, прилегавших к городу. Остальная часть уезда оказывалась не охваченной, и крестьяне здесь даже не слышали, что у земства есть свой агроном.

Именно поэтому стали приглашать студентов сельскохозяйственных вузов на летний сезон. Делалось это с 1907 по 1911 г. включительно. Приглашающей стороной выступала Костромская губернская земская управа. В 1907 г. в губернии работали только два человека — студенты Московского сельскохозяйственного института. В 1908 г. студентов было также двое, в 1909 — четверо, в 1910 и 1911 гг. — по шесть человек³⁴. В земских материалах встречается упоминание о том, что губернское собрание отпустило на практикантов 900 р.³⁵ К сожалению, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают представления о том, как были потрачены эти деньги. Можно предположить, что они пошли на командировочные расходы для молодых людей.

Земцы постарались использовать студентов максимально эффективно, предложив им ту работу, которая требовала много времени и до которой у штатных агрономов не доходили руки. В 1907 г. студентам Б. А. Розину и Л. А. Молякову было поручено изучение флоры заливных лугов около Костромы. Работы юношей дали представление об ареалах распространения растений, помогли оценить кормовой потенциал лугов. Каждый из практикантов собрал гербарий³⁶. В следующем 1908 г. снова приехавший в губернию Б. А. Бобров был направлен в Георгиевскую волость Кологривского уезда, где он также изучал флору местных лугов. В 1909 г. студент А. М. Диомидов занимался тем же на реке Ветлуге в отдаленном Ветлужском уезде³⁷.

В 1908 г. студентов начали приобщать к распространению минеральных удобрений среди крестьян. Б. А. Розину поручили заведовать складом удобрений в селе Сокольское Макарьевского уезда. До него эти обязанности исполнял местный писарь. За организацию доставки удобрений на склад и за их реализацию крестьянам он получал по 4 копейки с каждого проданного пуда. Когда за дело взялся столичный студент, то эти накладные расходы снизились до 2 копеек с пуда. Под наблюдением Розина также были проведены опыты с внесением минеральных удобрений

под озимую рожь, то же самое сделал в Георгиевской волости Кологривского уезда Бобров³⁸.

Практиканты, приезжавшие в Костромскую губернию, органично вливались в ряды агрономической интеллигенции региона, оказывая помощь местному крестьянскому хозяйству. Опыт, полученный в Костромской губернии, наверняка помог эффективнее работать в других регионах после получения ими высшего образования.

Выводы

Земства занялись помощью крестьянскому хозяйству значительно позже, чем развитием народного образования и медицины в российской провинции. Но темпы этой деятельности были значительно выше, чем на двух вышеупомянутых главных социально-культурных поприщах. Скорость развития агрономической организации ограничивалась только возможностями земских бюджетов, которые были не беспредельными.

В течение короткого времени сложилась стройная вертикаль агрономического персонала, состоявшая из трех звеньев: губернский агроном — уездный агроном — участковый агроном. При создании этой вертикали широко применялся опыт построения участковой земской медицины. В каждом уезде создавалось несколько агрономических участков, несмотря на это земский агроном в начале XX в. пока был не в состоянии дойти до каждого селения и, тем более, до каждого крестьянина.

Сфера деятельности земского агронома была очень широкой. В его ведении находилась не только агрономия в узком смысле этого слова, но и животноводство, и распространение сельскохозяйственной техники, то есть агроном был одновременно и зоотехником, и ветеринаром, и механиком. Агрономы осуществляли продажу сельскохозяйственных орудий и машин, а также удобрений, сортовых семян со складов земства, закладывали опытные поля и курировали их, продвигали продуктивные породы скота.

Очень разнообразный спектр обязанностей «агронома широкого профиля» заставил земские органы пополнять их ряды узкопрофильными специалистами в сфере луговодства, травосеяния, пчеловодства и т. п. Особенно большим спросом пользовались

в сельской местности специалисты-пчеловоды, которые помогали крестьянам сделать эту отрасль хозяйства высокодоходной. Среди земской агрономической интеллигенции встречались настоящие энтузиасты своего дела, которые с полным правом могут быть названы подвижниками. В целом за десятилетие с небольшим в деревне сформировался совершенно новый отряд сельской интеллигенции — земские агрономы.

Примечания

- ¹ *Рябинцев С. В.* Деятельность Костромского земства по улучшению культуры земледелия крестьян. URL: <http://kostromka.ru/russia/riabincev> (дата обращения: 22.12.2018).
- ² Костромское губернское земство : доклады к очередному губернскому земскому собранию сессии 1913 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. С. 29.
- ³ Известия Костромского губернского земства (далее — ИКГЗ). 1914. № 4. С. 40.
- ⁴ Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1907 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1908. С. 24.
- ⁵ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. Кострома, 1909. С. 40, 130.
- ⁶ Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1907 года. С. 25—27.
- ⁷ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. Кострома, 1911. С. 7—8.
- ⁸ Вестник Кинешемского земства (далее — ВКЗ). 1914. № 2. С. 2.
- ⁹ ИКГЗ. 1914. № 4. С. 37.
- ¹⁰ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. С. 16.
- ¹¹ *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии. Иваново, 2002. С. 361—362.
- ¹² ВКЗ. 1913. № 1. С. 22 ; 1914. № 2. С. 11.

- ¹³ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. Кострома, 1910. С. 133.
- ¹⁴ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. С. 91—92.
- ¹⁵ Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 года. С. 72.
- ¹⁶ Костромское губернское земство : доклады к очередному губернскому земскому собранию сессии 1913 года. С. 96—98.
- ¹⁷ Там же. С. 97—98.
- ¹⁸ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года. Кострома, 1915. С. 156.
- ¹⁹ *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 362 ; ВКЗ. 1914. № 2. С. 11.
- ²⁰ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года. С. 23.
- ²¹ ИКГЗ. 1913. № 6. С. 17—20.
- ²² Там же.
- ²³ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. С. 12.
- ²⁴ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. С. 1—2.
- ²⁵ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. С. 12 ; Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. С. 82.
- ²⁶ ИКГЗ. 1913. № 6. С. 17—20 ; № 8. С. 48—49 ; 1914. № 2. С. 41.
- ²⁷ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. С. 58—59, 254—255, 257.
- ²⁸ ИКГЗ. 1913. № 6. С. 15—24.
- ²⁹ *Овечников Г. В.* Улучшайте луга, будете с кормом для скота. М., 1911 ; *Овечников Г. В.* Корнеплоды в крестьянском хозяйстве. Иваново-Вознесенск, 1927.
- ³⁰ History and culture of Kostroma county. URL: <http://www.facebook.com/kostromka.ru/posts/1469193576520821> (дата обращения: 22.12.2018).

- ³¹ Обзорение пчеловодства. 1912. № 1. С. 3.
- ³² Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года. С. 156.
- ³³ *Губина Г. С.* Развитие пчеловодства в Нерехтском крае во II-й пол. XIX — нач. XX в. // Сборник научно-исследовательских работ молодых ученых по программе «Шаг в будущее». Кострома, 2014. С. 186.
- ³⁴ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. С. 3.
- ³⁵ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. С. 64.
- ³⁶ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. С. 3.
- ³⁷ Там же ; Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. С. 105.
- ³⁸ Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению : к очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. С. 3.

References

1. *Gubina G. S.* Razvitiye pchelovodstva v Nerekhtskom kraeye vo II polovine XIX — nach. XX v. // Sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot molodykh uchenykh po programme «Shag v budushcheye». Kostroma, 2014.
2. History and culture of Kostroma county. URL: <http://www.facebook.com/kostromka.ru/posts/1469193576520821> (accessed: 22.12.2018).
3. *Kondratyev N. D.* Razvitiye khozyaystva Kineshemskogo uyezdnogo zemstva Kostromskoy gubernii. Ivanovo, 2002.
4. *Ryabintsev S. V.* Deyatel'nost Kostromskogo zemstva po uluchsheniyu kultury zemledeliya krestian. URL: <http://kosuromka.ru/russia/riabincev> (accessed: 22.12.2018).

В. В. Фортунатов, Е. Э. Платова

**ИНТЕЛЛИГЕНТЫ В СОСТАВЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: ФАНТАЗИИ
И РЕАЛЬНОСТЬ (1917—1940)**

Введение

В период «перестройки» и «новостройки» усилиями журналистов, литераторов, общественных деятелей и даже некоторых историков в информационном пространстве (публикации в прессе, телевизионные передачи и т. д.) активно распространялись утверждения о том, что после революции 1917 г. большевики то ли истребили значительную часть старой буржуазной интеллигенции, например офицерства, то ли заставили сотни тысяч специалистов эмигрировать. При этом авторы не испытывали недостатка в подборе соответствующих статистических данных и драматичных персональных примеров. Взаимоотношения между правящей Коммунистической партией (в обозначенный период — РКП (б), затем ВКП (б)) и различными

© Фортунатов В. В., Платова Е. Э., 2019

Фортунатов Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. elena.fortunatov@mail.ru

Fortunatov Vladimir Valentinovich — doctor of historical sciences, professor, head of the department «History, philosophy, political science and sociology» of Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

Платова Екатерина Эдуардовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. eplatova@mail.ru

Platova Ekaterina Eduardovna — doctor of historical sciences, professor of the Department «History, philosophy, political science and sociology» of Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

социально-профессиональными группами, категориями интеллигенции характеризовались самыми мрачными красками, для чего было немало оснований, если вспомнить понятия «командно-административная система», «партия-государство», «тоталитаризм», «культ личности» и т. п. Для точного, конкретно-исторического понимания процесса складывания системы этих взаимоотношений представляется важным обратить внимание на такой момент, как членство интеллигентов в Коммунистической партии в 1917—1940 гг. В данной статье авторы поставили своей целью обобщить и проанализировать сведения, во-первых, об абсолютной (общее число) и относительной (в сравнении с другими социальными группами) численности интеллигентов в составе партии большевиков и, во-вторых, оценить абсолютную и относительную численность коммунистов-интеллигентов в разных отрядах или социально-профессиональных группах интеллигенции.

Интеллигенты в составе партии большевиков

К октябрю 1917 г. в большевистской партии, по некоторым оценкам, состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или около 10 % от общего состава РСДРП (б)¹. По другим подсчетам, коммунисты-интеллигенты составляли около 5—6 % и насчитывали 15—18 тыс. человек². В источнике, который использовали оба автора, говорится, что в 1920 г. коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, 10 тыс. педагогов, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. специалистов сельского хозяйства, 1,6 тыс. инженеров, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусства, 1,7 тыс. военных специалистов, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. служащих государственного аппарата³. Коммунистов с высшим образованием было совсем немного: в 1922 г. — 2317 человек, т. е. 0,6 % от общего состава партии⁴.

При сопоставлении этих сведений с данными об абсолютной численности основных «отрядов» специалистов в 1918—1920 гг. — 111 521 школьный работник, 16 тыс. врачей, 50 275 специалистов науки и техники и т. д.⁵ — можно предположить, что в среднем по стране партийная прослойка среди отдельных

групп интеллигенции достигала 10 %. Однако придется воздержаться от того, чтобы сделать на этой основе сколько-нибудь широкие, обобщающие и безапелляционные выводы. Статистика 1917—1922 гг. отличается неполнотой, противоречивостью. Следует учесть, что многие интеллигенты-коммунисты были заняты на партийной, советской, хозяйственной и военной работе, часто перемещаясь из одной сферы деятельности в другую. Стоит учесть и то, что при большой концентрации интеллигентов-коммунистов в центральных аппаратах Москвы на местах долго не проходил настоящий голод на подготовленные кадры. Так, в Петрограде в 1920 г. доля коммунистов среди инженеров, врачей, научных работников и преподавателей вузов составляла менее одного процента, около двух процентов среди учителей и только среди техников поднималась до 10 %⁶.

В принципе в Коммунистической партии в первые двадцать лет существования Советской власти интеллигентам было взяты особо и неоткуда. В глазах руководящего слоя РКП (б) старая интеллигенция оказалась на подозрении вследствие участия в саботаже, сопротивления большевикам, узурпаторам власти в России. В правящую партию старых спецов почти не звали. Но В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий и другие большевистские лидеры хорошо понимали, что без опытных офицеров и генералов, без ученых, инженеров, врачей, профессоров и других высококлассных профессионалов умственного труда ни удержаться у власти, ни построить какое бы то ни было новое общество не получится. Многие умозрительные представления российских марксистов, идеологические иллюзии очень быстро разбивались об утесы реальной жизни. В первой (1903) и второй (1919) программах Коммунистической партии, в декретах и постановлениях СНК и ВЦИК было заявлено, провозглашено немало революционных новаций, которые оказались самыми настоящими *idea-fix*. Перечень изначально ущербных, провальных проектов, родившихся в кругах строителей нового общества, никогда не составлялся. В послеоктябрьские десятилетия со старой генерацией среди интеллигентов пришлось считаться.

Привлечение интеллигентов в Коммунистическую партию

У профессиональных революционеров — партийных публицистов, организаторов-универсалов, боевиков, «техников» и других борцов со старым режимом — были определенные представления о необходимых преобразованиях и основах нового строя. У профессионалов своего дела, которые составляли интеллигенцию, имелись свои представления о том, какой должна стать новая Россия. Во взглядах на будущее страны у российских коммунистов и российских интеллигентов были как совпадения, так и существенные различия. Большевистское руководство априори считало, что наилучшим образом выражает интересы и чаяния трудящихся, в первую очередь рабочих и беднейших крестьян. Различные группы интеллигенции в некоторой степени обладали совещательным голосом, но для получения права решающего голоса требовалось вступить в Коммунистическую партию. При этом к интеллигентам, желавшим попасть в коммунисты, предъявлялись более строгие требования.

Так, в специальном решении Пленума ЦК РКП по вопросу о нарушениях пункта 13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды (9 августа 1921 г.) подчеркивалось: «Не принимать в партию интеллигентских выходцев из буржуазной среды, если они не выразят полного согласия с п. 13 программы. Считать по отношению ко всем развитым, сознательным, интеллигентным членам партии этот пункт не только обязательным, но и требовать активного его проведения в жизнь, т. е. участия в культурно-просветительной деятельности, направленной против религии»⁷. Необходимо пояснить, что п. 13 предусматривал не только безусловный атеизм, но и обязательное активное участие в антирелигиозной работе.

В резолюции XIII съезда РКП (б) «Об очередных задачах партийного строительства» (1924) разъяснялось: «По отношению к интеллигенту-служащему необходимо требование достаточной подготовленности быть идейным помощником в работе среди рабочих и крестьянских масс или серьезная и достаточная проверка на том или ином практическом, полезном для рабочего государства деле. Таким образом, наряду

с формальными критериями приема в партию должны играть не меньшее значение критерии по существу полезности для партии желающего вступить в нее членом»⁸.

Беспартийные специалисты достаточно быстро усвоили, что при приеме в партию предпочтение отдавалось тем работникам умственного труда, которые стояли ближе к материальному производству, принимали активное участие в развитии социалистической культуры, в массовой воспитательной работе (инженерно-технические работники, учителя, особенно сельские, руководители разного рода и др.). В соответствии с Уставом ВКП (б), принятым XIV съездом в декабре 1925 г., специалисты принимались в партию по третьей категории: «прочие (служащие и т. д.)». Это означало, что специалист, пожелавший вступить в партию, должен был представить пять рекомендаций членов партии с пятилетним стажем. Кандидатский стаж у «третьей категории» должен был составить не менее двух лет. Утверждение решения общего собрания организации производилось на заседаниях окружного или губернского комитетов ВКП (б)⁹.

В руководящей верхушке РКП (б) в первые советские годы опасались притока в партию карьеристов, обывателей, приспособленцев и просто скрытых врагов. В интеллигентской же среде многие понимали, что влиять на ситуацию, реализовать собственные идеи можно только вступив в правящую Коммунистическую партию. В противном случае оставалось выполнять руководящие указания, часть которых делалась по принципу: «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что». По мере развертывания социалистического строительства руководящее ядро ВКП (б) стало ощущать нехватку компетентных специалистов, с которых можно было бы спросить «в партийном порядке».

После окончания Гражданской войны и в условиях новой экономической политики преобладающая часть интеллигенции вошла в профессиональные союзы, которыми партии тоже надо было руководить. Оргбюро ЦК РКП (б) 12 февраля 1925 г. приняло постановление «О порядке приема учителей в партию». Было решено принять в партию 2—3 тыс. учителей, причем происходящих из крестьян и не порвавших с крестьянской средой принимать по второй категории. В постановлении подчеркивалось, что «проявляя инициативу в деле вовлечения учительства

в партию, парторганизации должны проявить больше чуткого, внимательного и осторожного подхода к этой работе и ни в коем случае не отталкивать от себя тех товарищей, которые по тем или иным причинам не смогли быть приняты в партию. Такие товарищи должны быть приближаемы к партии, вовлекаться в общественную работу и должны быть окружены атмосферой доверия, позволяющей проявить себя на работе»¹⁰. В соответствии с этим постановлением в течение 6 месяцев в ряды Коммунистической партии было принято 3,5 тыс. передовых учителей¹¹.

В годы первой пятилетки потребность в пополнении рядов партии близкими по духу специалистами стала ощущаться еще острее. 12 апреля 1930 г. секретариат Обкома ВКП (б) Центрально-Черноземной области (секретарь И. М. Варейкис) принял постановление «Об условиях приема в партию специалистов». В нем отмечалось, что порядок, установленный для учителей постановлением 12 февраля 1925 г., следует распространить на другие группы сельской интеллигенции — агрономов, землеустроителей, участковых врачей. Предлагалось ввиду фактической неосуществимости действующих уставных требований допустить прием в партию при наличии в числе рекомендующих коммунистов с меньшим партийным стажем (2—3 года). При наличии меньшего числа поручителей из рабочих полагалось получать рекомендации от трех рабочих с производства или двух батраков в числе пяти рекомендующих. В отдельных случаях (научные работники) предлагалось принимать в партию без рекомендаций от рабочих-коммунистов, но оставить число рекомендаций прежним. Обком ВКП (б) обратился с просьбой в ЦК ВКП (б) утвердить предложенные изменения¹².

Некоторые изменения в порядок приема в партию интеллигентов были внесены. Партийные организации руководствовались постановлением ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1930 г. «О дальнейшей работе по регулированию роста партии», в котором говорилось: «Вместе с тем, учитывая рост тяги в партию передовой части советской интеллигенции (техники, инженеры, научные работники и др.), считать целесообразным принять в партию ее лучшие элементы, доказавшие свою преданность пролетарской революции, проверенные на активной общественной работе под руководством партии»¹³.

Рост партийно-комсомольской прослойки в составе интеллигенции

Благодаря такому подходу, но, главным образом, вследствие пополнения рядов интеллигенции за счет выпускников учебных заведений, партийцев и комсомольцев, за счет выдвиженчества, партийная прослойка среди интеллигенции постоянно росла.

В 1927 г. из 315 тыс. учителей в СССР 41 тыс., то есть 13,2 %, являлись членами ВКП (б) и ВЛКСМ. При этом в городах партийно-комсомольская прослойка среди учителей составляла 8,7 %, а в сельской местности — 15,4 %¹⁴. К 1930/31 учебному году партийно-комсомольская прослойка среди учителей поднялась до 17,8 % (в том числе 6,5 % коммунистов и 11,3 % комсомольцев)¹⁵. В 1933 г. из 726 427 ученных работников просвещения страны (примерно 63 % общей численности) 47 086 были членами ВКП (б), в том числе среди учителей начальных классов членом и кандидатом ВКП (б) было 2,9 %, членом ВЛКСМ — 20,2 %, среди учителей неполных и полных средних школ 5,6 % составляли члены и кандидаты ВКП (б), а 13,1 % — комсомольцы¹⁶. Совершенно очевидно, что комсомольская прослойка росла быстрее.

Заметными были изменения в плане членства в ВКП (б) и ВЛКСМ и в профессорско-преподавательском составе. Партийно-комсомольская прослойка среди преподавателей педагогических вузов РСФСР выросла с 9,8 % в 1924/25 учебном году до 13,3 % в 1927/28 и до 26,2 % в 1931/32 учебных годах¹⁷. По вузам Наркомата тяжелой промышленности в 1929 г. членом ВКП (б) среди преподавателей было 7,8 % (о комсомольцах сведений нет). К 1936 г. коммунистов-преподавателей стало 21,1 %, комсомольцев — 2,8 %¹⁸. По данным профсоюзной переписи 1933 г., в среде вузовских работников доля коммунистов и комсомольцев составляла: среди директоров — 71,7 % членов партии, 2 % — кандидатов, 1,8 % — комсомольцев; среди профессоров педагогических и прочих вузов — 14,8 % членов партии, 2,5 % кандидатов, 0,3 % комсомольцев; среди доцентов соответственно 17,1 / 2,4 / 1,8; среди ассистентов и преподавателей — 14,4 / 1,7 / 3,8¹⁹.

Есть сведения и о научных работниках. В 1927/28 хозяйственном году их насчитывалось 18 382, в том числе 7 % были членами партии. В 1929/30 г. из 22 876 человек, охваченных учетом, членами партии были 10,7 %, в том числе среди научно-исследовательских работников — 8,9 %, среди научно-педагогических работников — 10,7 %, среди аспирантов научно-исследовательских институтов — 27,8 %, среди аспирантов научно-педагогических учреждений — 10,7 %²⁰. Аспиранты, преимущественно молодые по возрасту люди, естественным образом служили главным источником роста партийно-комсомольской прослойки в рядах научных работников. К 1 января 1932 г. из 17 371 научного работника, давшего о себе сведения, 13,7 % были коммунистами и 3 % — комсомольцами, к 1 января 1934 г. из 31 158 человек, давших о себе сведения, членами партии были 14,5 % и членами ВЛКСМ — 3,6 %²¹. Очевидно, что происходил как абсолютный, так и относительный рост численности коммунистов и комсомольцев в условиях общего значительного увеличения сети научных учреждений в СССР и числа работавших в них. К 1 января 1935 г. по 753 научно-исследовательским институтам из 31 540 человек, давших сведения о своей партийности, 13,1 % входили в ВКП (б), 3,8 % — в ВЛКСМ. По 94 филиалам из 1595 давших сведения членами ВКП (б) состояли 13,9 %, членами ВЛКСМ — 4,3 %²².

Партийно-государственное руководство страны было заинтересовано в пополнении рядов Коммунистической партии наиболее активными представителями основных социально-профессиональных групп интеллигенции. В условиях индустриализации заметно увеличился приток в партию инженерно-технических работников (ИТР). Так, если до 1925 г. в Москве коммунистов и комсомольцев среди инженерно-технических работников насчитывалось 4,9 %, то в 1928 г. число таковых увеличилось до 13,2 %. По группе крупных предприятий Москвы (29 предприятий с количеством ИТР 31 001 чел.) коммунистов среди ИТР к концу 1930 г. было 20 %, а по некоторым заводам превышало 30 %²³. В Ленинграде к концу 1929 г. члены и кандидаты ВКП (б) составляли 18,7 % среди всех ИТР (из 17 353 чел.), в том числе среди инженеров — 3,3 %, среди

выдвиженцев — 62 %. После октября 1917 г. 80 % членов и кандидатов ВКП (б) стали инженерами²⁴.

По данным на 1 октября 1929 г., из 82 689 учтенных специалистов 17 569 (21,3 %) были членами партии, 1389 (1,7 %) — кандидатами, 1951 (2,2 %) — членами ВЛКСМ, а 74,8 % — беспартийными. Абсолютное большинство было принято в ВКП (б) после октября 1917 г. Только 488 специалистов имели дооктябрьский партийный стаж²⁵.

К осени 1931 г. число коммунистов среди специалистов всех рангов составляло 118 400 человек, т. е. 19,7 % от 600 тыс. ИТР²⁶, а на V съезде инженерно-технических работников в конце 1932 г. уже сообщалось о 30 % коммунистов от 700 тыс. всех членов ИТС (инженерно-технических секций в индустриальных профессиональных союзах)²⁷. «Партия насытила ряды руководящих работников и специалистов коммунистами», — с удовлетворением отмечалось в статистическом сборнике, вышедшем в 1936 г.²⁸ Из 861 тыс. специалистов, состав которых на 1 ноября 1933 г. был проанализирован самым тщательным образом, коммунистов было 246,4 тыс. (28,6 %). Среди коммунистов-специалистов 128 тыс. были из рабочих, 72 600 человек имели высшее и среднее специальное образование, остальные являлись практиками.

Есть все основания утверждать, что в ведущих профессиональных отрядах интеллигенции (инженерно-технические работники, учителя, вузовские преподаватели, научные работники) партийно-государственное руководство уже со второй половины 20-х гг. располагало людьми, на которых можно было опереться. Процесс роста партийно-комсомольской прослойки среди различных групп интеллигенции был достаточно устойчивой тенденцией, а в годы первой пятилетки это стало особенно заметным.

Ряды интеллигенции тоже росли достаточно быстро. На увеличение партийной прослойки в основных социально-профессиональных группах интеллигенции существенно влиял и приход на работу выпускников высших и средних специальных учебных заведений, которые вступили в партию и комсомол до поступления в вузы и техникумы или в процессе учебы.

Учащиеся-коммунисты на 1 июля 1931 г. составляли 8 % всего состава партии, в том числе 56 691 (2,5 %) — в индустриальных вузах и техникумах, 19 342 (0,8 %) — в сельскохозяйственных вузах и техникумах, 39 572 (1,7 %) в коммунистических вузах и партийных школах, 69 775 (3 %) — в других вузах и техникумах²⁹.

Однако не будем спешить с выводами и в соответствии с мало используемым сравнительно-историческим методом попробуем сопоставить динамику роста партийно-комсомольской прослойки в составе интеллигенции с таким же процессом в рядах рабочего класса.

На 1 января 1924 г. членами партии были 3,9 % рабочих. В результате проведенного «ленинского призыва» партийная прослойка выросла до 11,4 %³⁰. В годы первой пятилетки партийное ядро в составе рабочих фабрично-заводской промышленности стало несколько больше: 1.01.1930 г. — 14,3 %, 1.01.1931 г. — 12,8 %, 1.08.1931 г. — 13,9 %³¹. Конечно, нельзя забывать о быстром абсолютном росте численности рабочего класса. Но ведь и условия вступления в партию для промышленных рабочих были привилегированными. Что касается крестьянства, то в первое десятилетие Советской власти коммунистов в деревнях было очень мало. К тому же часть крестьянства если и симпатизировала какой-то политической партии, то отдавала предпочтение эсерам. Следует учесть, что в начале 1929 г. среди крестьян — членов ВКП (б) 27 % имели зажиточное хозяйство и 8 % — кулацкое. Эти справные крестьяне-коммунисты не проявляли большой активности в борьбе за генеральную линию партии³².

В ходе развернувшейся коллективизации ситуация в деревне очень быстро стала меняться. В деревню были отправлены «двадцатипяти тысячники». Однако на 1 мая 1930 г. в 84 050 колхозах было лишь 107 600 коммунистов и кандидатов, т. е. в среднем на каждый колхоз приходилось менее двух членов партии. Но это в среднем, а в реальной действительности к концу 1933 г. в целом по стране около 50 % колхозов не имели коммунистов, а в краях и областях, где колхозы были мелкие (Западная область, Ивановская область и др.), процент колхозов, не имевших коммунистов, достигал 70 %³³.

Коммунисты среди управленцев интеллигентского происхождения

В свете приведенных выше данных вполне напрашивается вывод об огромной тяге интеллигентов, специалистов в тех или иных областях в Коммунистическую партию. Можно, разумеется, заподозрить десятки тысяч учителей, врачей, инженеров, техников, офицеров, студентов и т. д., стремившихся в Коммунистическую партию, в карьеристских, «шкурных», как тогда говорили, соображениях. Находится немало знатоков, которые готовы с помощью экстраполяции накопленного опыта, с использованием знаний о «загогулинах» оборотней всех мастей за последние тридцать лет, объяснять поведение людей 20—30-х гг. В связи с этим стоит обратить особое внимание на руководящий слой, вышедший из интеллигенции.

Так, по данным Наркомпроса и 27 губерний страны, к 1924 г. из 1435 ответственных работников просвещения 737 (51,3 %) составляли коммунисты. Из состоявших на учете ЦК РКП (б) 620 партийных работников органов Наркомпроса и печати 93 % составляли интеллигенты, из которых 75,5 % имели партийный стаж до 1920 г., а 32 % были с подпольным стажем. Коммунистами были 59,4 % руководителей Наркомпроса, 94 % редакторов местных газет, 78,1 % заведующих рабочими факультетами³⁴. В 1923 г. из 3015 руководящих работников народных комиссариатов страны 57 % имели высшее или незаконченное высшее образование. Коммунистами были 13,2 % служащих наркоматов³⁵.

В стране 1 октября 1929 г. была проведена перепись работников государственного и кооперативного аппарата СССР, охватившая 825 086 человек, в том числе 69 978 работников научных учреждений и вузов. Среди научных работников и специалистов, являвшихся членами ВКП (б), 91,4 % окончили вузы после 1918 г. и 8,6 % были выпускниками еще дореволюционных высших учебных заведений. В то же время среди беспартийных, закончивших учебу после 1918 г. было 38 %, а до 1918 г. — 62 %³⁶.

Коммунисты возглавляли значительную часть тех учреждений, в которых проходила трудовая деятельность интеллигентов.

Партийно-комсомольская прослойка среди руководителей учреждений сферы просвещения (1933 г.)³⁷

	Заведующие		Директора		
	начальными школами	детскими домами	ср. школ	техникумов	вузов
Члены ВКП (б)	4,5	29,2	30,8	73,8	71,7
Канд. ВКП (б)	3,2	6,5	7,0	4,2	2,0
Члены ВЛКСМ	17,4	12,4	13,8	4,0	1,8
Всего	25,1	48,1	51,6	82,0	75,5

К 1.01.1936 г. среди директоров школ коммунисты составляли: по РСФСР — 59,2 %, в ряде краев и областей — до 80 % и выше. Например, в Ленинграде — 89,6 %, в Москве — 83,1 %. Среди заведующих районными отделами народного образования и их заместителей было 83,5 % коммунистов и 7,5 % комсомольцев³⁸. А среди директоров предприятий, их заместителей и помощников к 1 мая 1930 г. коммунисты составляли 29 %, к 1 ноября 1933 г. — 70 %³⁹.

Социальная динамика и интеллигенция

Исторический период с 1914 по 1940 г. отличался особым динамизмом в развитии российского общества, его социальной структуры. Например, офицерский корпус за 1914—1917 гг. демократизировался естественным образом. «Раньше был я дворянином, хамово отродье, а теперь я прапорщик — ваше благородие!», — пели в популярной частушке периода Первой мировой войны. Не удивительно, что из 230—270 тыс. офицерского состава около 70 тыс. оказались в РККА, а до 100 тыс. — в белой армии⁴⁰. После Октября 1917 г. очень быстро испарились классы помещиков, крупной и средней буржуазии, а в годы коллективизации не стало и кулачества. Нужно ли считать людей с высшим и средним специальным образованием, вступавших в РСДРП (б) до 1917 г., романтиками или фанатиками, а тех, кто стал членом Коммунистической партии после 1917 г., приспособленцами и карьеристами?

Скорее всего, в рядах интеллигенции имелись и те, и другие, и прочие. Стоит, наверное, отдать должное и многим рядовым учителям, врачам, инженерам, преподавателям вузов, студентам, аспирантам, которые руководствовались идейными соображениями, гражданско-патриотическими устремлениями, желали творить и расти вместе с десятками миллионов других россиян. За двадцать с небольшим лет интеллигенция № 1 (те, кто остался в России) изменилась качественно и количественно. С 1917 по 1940 г. численность лиц с высшим и средним специальным образованием выросла в 10 раз: с 240 тыс. до 2,4 млн человек. Можно, конечно, говорить о том, что И. В. Сталин понизил статус интеллигенции со «слоя» до «прослойки». Но фактом, отразившим результат качественного и быстрого (динамичного) преобразования отечественной интеллигенции, является то, что на место буржуазной и мелкобуржуазной, старой и т. д. интеллигенции пришла интеллигенция советская социалистическая народная.

Пусть литературоведы и публицисты спорят о том, каким мог быть жизненный путь во второй половине 20—30-х гг. у профессора Преображенского и доктора Борменталья из знаменитого «Собачьего сердца» М. А. Булгакова. В реальной жизни революционный врач-хирург Николай Нилович Бурденко (1876—1946) вступил в ВКП (б) в 1939 г., был главным хирургом Красной армии в 1937—1946 гг., первым президентом Академии медицинских наук СССР. Советское партийно-государственное руководство сумело, и это придется признать, найти подход к старой интеллигенции, мобилизовать интеллектуальный потенциал, мотивировать высокую творческую продуктивность всех «отрядов», социально-профессиональных групп интеллигенции № 1. В этом отношении последние 25—30 лет не идут ни в какое сравнение с любыми 20—30 гг. из советского периода. По мере некоторых изменений в постсоветском российском руководстве в общественном мнении рассуждения о «смерти интеллигенции» сменились пониманием того, что без инженеров, ученых, врачей, учителей, остальных «бюджетников» и вообще лиц с высшим и средним специальным образованием, сумевших пережить очередное лихолетье, о настоящей современной российской модернизации можно только мечтать.

Примечания

- ¹ Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция // История СССР. 1977. № 5. С. 72.
- ² Иванова Л. В. Роль коммунистов в развитии социалистической культуры // Советская культура : история и современность. М., 1983. С. 134.
- ³ Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921. С. 22—23.
- ⁴ Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2. С. 378.
- ⁵ Изменение социальной структуры советского общества : октябрь 1917—1920. М., 1976. С. 291—292.
- ⁶ См.: *Фортуатов В. В., Шестакова Р. В.* Интеллигенция — помощник рабочего класса в построении социализма в СССР (1917—1937 гг.). Л., 1984. С. 40.
- ⁷ Справочник партийного работника. С. 92.
- ⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). 9-е изд. М., 1983. Т. 3. С. 222.
- ⁹ Там же. С. 475—476.
- ¹⁰ Справочник партийного работника. М., 1926. Вып. 5. С. 243.
- ¹¹ Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 165.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 21. Д. 779. Л. 126—127.
- ¹³ Коммунистическая партия Советского Союза... Т. 5. С. 88.
- ¹⁴ Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. М., 1930. Ч. 3 : Учащиеся. С. 42.
- ¹⁵ *Ржаницын.* Задачи Союза Рабпрос в борьбе за осуществление новых программ. М., 1932. С. 7—8.
- ¹⁶ Кадры просвещения : по материалам переписи работников просвещения в 1933 г. М., 1936. С. 7—10, 110—111.
- ¹⁷ Народное просвещение в РСФСР в цифрах за 15 лет Советской власти. М. ; Л., 1932. С. 31.
- ¹⁸ Кадры тяжелой промышленности в цифрах. М., 1936. С. 144.
- ¹⁹ Кадры просвещения. С. 110—111.
- ²⁰ Научные кадры и научно-исследовательские учреждения СССР. М. ; Л., 1930. С. 23, 46.
- ²¹ Культурное строительство СССР в цифрах от VI к VII съезду Советов (1930—1934 гг.). М., 1935. С. 152.
- ²² Культурное строительство СССР, 1935. М., 1936. С. 230—231.

- ²³ *Ермолаев А. И.* КПСС — партия рабочего класса, авангард советского народа. Исторический процесс развития КПСС в партию всего народа. М., 1983. С. 96—97.
- ²⁴ *Коган А. Г.* Инженерно-технический и административно-хозяйственный персонал Ленинградской промышленности. Л., 1930. С. 29, 58.
- ²⁵ Инженерно-технические кадры промышленности : (материалы сектора труда, рационализации и себестоимости ПТЭУ ВСНХ СССР). М., 1930. С. 11.
- ²⁶ *Иванов А., Швейцер В.* Борьба за кадры пролетарских специалистов. М., 1932. С. 16.
- ²⁷ Ленинградская правда. 1932. 27 нояб.
- ²⁸ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936. С. 9.
- ²⁹ Состав ВКП (б) в цифрах. М., 1932. Вып. 2. С. 12.
- ³⁰ Партия в цифровом освещении : материалы по статистике личного состава партии. М. ; Л., 1925. Вып. 1. С. 78.
- ³¹ Состав ВКП (б) в цифрах. С. 60.
- ³² Вопросы истории КПСС. М., 1981. № 9.
- ³³ Правда. 1930. 7 нояб. ; XVII съезд ВКП (б), 26 января — 10 февраля 1934 г. : стенограф. отчет. М., 1934. С. 557.
- ³⁴ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М., 1924. С. 128—129, 131—135.
- ³⁵ *Пинегина Л. А.* Некоторые данные о численности и составе интеллигенции к началу восстановительного периода // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 1979. № 3. С. 15—16.
- ³⁶ *Бинеман Я. М., Хейнман С. А.* Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР. М., 1930. С. 5, 32.
- ³⁷ Кадры просвещения. С. 110—111.
- ³⁸ Культурное строительство СССР, 1935. С. 62—63.
- ³⁹ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. С. 11.
- ⁴⁰ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М., 1988. С. 117.

References

1. *Fedyukin S. A.* Oktyabrskaya revolyutsiya i intelligentsiya // Istoriya SSSR. 1977. № 5.
2. *Fedyukin S. A.* Partiya i intelligentsiya. М., 1983.

3. *Fortunatov V. V., Shestakova R. V.* Intelligentsiya — pomoshchnik rabocheho klassa v postroenii sotsializma v SSSR (1917—1937 gg.). L., 1984.
4. *Ivanova L. V.* Rol kommunistov v razvitii sotsialisticheskoy kultury // Sovetskaya kultura : istoriya i sovremennost. M., 1983.
5. *Kavtaradze A. G.* Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917—1920 gg. M., 1988.
6. *Pinegina L. A.* Nekotorye dannye o chislennosti i sostave intelligentsii k nachalu vosstanovitel'nogo perioda // Vestnik MGU. Ser. 8, Istoriya. 1979. № 3.
7. *Yermolaev A. I.* KPSS — partiya rabocheho klassa, avangard sovetskogo naroda. Istoricheskiy protsess razvitiya KPSS v partiyu vsego naroda. M., 1983.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. В. Тимашева

КРИТИКА КАК РОМАН, ИЛИ ЖЕРДОЧКА ДЛЯ ПОПУГАЯ

Цель статьи

Немногие будут возражать, что вся современная проза не читается или читается с трудом, без энтузиазма и упоения. Читатель всегда чувствует, когда к нему прокладываются удачные подходы — детективные, фантастические или лирические, он их благодарно встречает, однако это случается нечасто. Найти лазейку к сердцу и уму современного вдумчивого любителя книг можно через широкий поток информации, через смену стилей, реже через грубость и современные сленги. Однако, смею утверждать, что и *сегодня существует художественная литература, к которой можно с удовольствием возвращаться* как в былые времена к любимым книгам с понравившимися героями, чтобы вновь и вновь восхититься преподнесенными фактами, авторской

© Тимашева О. В., 2019

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. timacheva@list.ru

Timasheva Oxana Vladimirovna — Doctor of Philology, Professor of the Department of Roman Philology, Moscow City Pedagogical University, Institute of foreign languages.

осведомленностью, чувством такта, смелым и нежным обращением с материалом. Речь в данном случае пойдет о литературе критической, не сухой и занудливой, а читаемой как хороший роман, о критике, мастерски представляющей известных писателей. Остановимся на двух книгах: «Попугае Флобера» Джулиана Барнса (1984, русское издание — 2002) и «Льве Толстом: бегстве из рая» Павла Басинского (2011).

Обсуждение

Книга англичанина Джулиана Барнса о французском писателе Флобере соединяет разноплановую информацию о нем от простейшей хронологии творческого пути, легко выстраиваемой, казалось бы, даже прилежным студентом, — до искусно выполненных самим сочинителем вариаций от имени друзей и поклонников Флобера.

Дотошно произведенные расследования больших и малых событий его жизни, как следствие, имели появление шедевра, например «Госпожи Бовари». Английский критик не щадит Флобера в том смысле, что он не пытается сделать его облик красивым и мудрым. Он просто рассказывает читателю о кропотливой работе, восстанавливая ход его мысли, чувства, даже мимолетные ощущения и очень редкие озарения. В книге есть истории о путешествиях по морю через Ла-Манш, а также по железной дороге, зарисовки о прогулках в закрытом фиакре, о выловленных из его прозы «стоп-кадрах», часто приходящих на память герою Барнса Флоберу-художнику, умеющему затронуть читателя. С помощью тщательного чтения разной литературы соответствующего периода Барнс обнаруживает «бестиарий» Флобера, вспоминает его «лексикон прописных истин», чтобы написать свой лексикон, но не французской провинции времен середины девятнадцатого века, а современный лексикон Брэйтуэйта.

Всемирно не просто известный, но и очень популярный французский писатель Гюстав Флобер удостоился во Франции неоднократных попыток развития его сюжета о мадам Бовари. Нетерпеливые и поверхностные читатели во всем мире любят «истории с продолжением», и поэтому рядом с шедевром появляется вдруг продолжение, скажем, «Унесенных ветром» Маргарет

Митчелл, или «Анны Карениной» Льва Толстого, или «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и т. п. Французский писатель Флобер и его читательская аудитория получили продолжения романа «Госпожа Бовари» от своих не самых худших литераторов-соотечественников — Раймона Жана и Жаннена (начало 90-х гг. XX в.). Оба написали книги об оставшейся без родителей, согласно сюжету романа «Мадам Бовари», сиротке Берте Бовари. В первом романе повзрослевшая Берта оказывается в постели с сыном аптекаря Оме по имени Наполеон и получает от него в подарок книгу о своей матери. Узнав имя автора книги, девушка отправляется на его поиски.

В другом романе Берта нарисована работницей ткацкой фабрики, принадлежащей коварному Родольфу. Она красива как мать и становится любовницей незаконно рожденного богатого сына своего отца Шарля Бовари. Любителям не столько прозы Флобера, сколько «романов с продолжением», должно стать ясно, что муж Эммы, Шарль Бовари, хотя и слыл врачом для бедных, а также верным мужем, у него случались и исключения, были и богатые пациентки, и даже одна любовница-аристократка, родившая от него сына. Трудно предугадать, куда может занести фантазия не слишком разборчивого автора.

Вспомним, что с точки зрения В. Набокова, автора знаменитой лекции-статьи «Гюстав Флобер (1821—1880) Госпожа Бовари (1856)», Шарль, «скучный и нескладный» — единственный «положительный герой» романа¹. Он оправдан Флобером его чувством всепоглощающей неизменной любви к Эмме. Рассказывая об авторском стиле, Набоков показывает, как Флобер, выявляя характер своих персонажей, представляет их эмоции и душевные состояния. Прочитав прощальное письмо Родольфа, Эмма «выла, как холодный ветер в пустом замке». Выделен Набоковым и «бестиарий» романа — лошади, которые «играют странно-важную роль»: лошадиные повадки и их контакт почти напрямую связываются с поведением персонажей.

У Джулиана Барнса бестиарий Флобера значительно шире. Он черпает сведения о разных животных в жизни писателя из его дневников и писем. Прежде всего, сам Флобер в семье для своих близких — «медведь», странный юноша, непохожий на других. Его сестра Каролина, с которой он часто письменно беседует,

«старая, добрая, своевольная крыса». «Человеческая речь подобна надтреснутому котлу, и мы выстукиваем на нем медвежьи пляски, когда нам хотелось бы растрогать своей музыкой звезды»². Многие из близких говорили о Флобере, как о медведе, а он себя часто сравнивал с «верблюдом»: «В своих физических и умственных действиях я похож на дромадера, его трудно заставить идти, а когда он пошел, его трудно остановить»³. Поведение разных животных очень веселило Флобера, и он забавлялся, сравнивая, например, овцу со своим другом Максимом дю Каном. Не избегал он и прямых сравнений в языке из области животного мира: «трудиться как вол», «уподобиться кроту», «плакать как теленок», «вопить и рыдать как горилла», «спрятаться в раковину как устрица», «свернуться как улитка в долине».

В поисках материала для повести «Простая душа» Флобер делал заметки о попугаях. Он отмечал, что «в них много человеческого», что в Индии брамины почитают попугаев за умение имитировать человеческий голос. Выпив спиртное, попугай ведет себя как человек. Среди возможных болезней попугая есть эпилепсия. Последнее для французского писателя весьма существенно, ведь он тоже страдает эпилепсией.

Служанка Фелисите из «Простой души» обожала своего попугая Лулу. Ее прототипом, как установил Барнс, была живущая в Трувиле женщина с тем же именем — Фелисите, очень любившая своего говорящего попугая. Чтобы поточнее описать попугая, как живое существо, Флобер, по рассказам его сестры, одолжил чучело попугая в местном музее, куда потом и вернул, зато окрас перьев передан весьма точно. Поиски чучела «попугая Флобера» Барнсом, его беседы с сотрудниками и служителями музея написаны англичанином комично, с легким юмором, но с более чем серьезным отношением к личности французского писателя, жизнь которого была долгой. Ему выпало пережить разные времена: и годы империи, и события революции 1848 года, он застал даже Коммуну. Его Фредерик из «Воспитания чувств», проходя через разгромленные баррикады, видит не просто лужи, но лужи, окрашенные кровью. На баррикадах ему особенно бросаются в глаза вещицы домашнего обихода, предметы мирной жизни: часы, гравюры и *жердочка для попугая*.

Отношение Флобера к попугаю для Барнса — свидетельство не только внимания писателя к казалось бы неважному и несущественному — хламу в доме Фелисите, как к тому, что намешано в голове простодушной служанки, ищущей душевного тепла и нигде его не находящей, разве что у заморской птицы. Поначалу Флобер хотел рассказать о привязанности его героини к собачке приблизительно так, как его друг Иван Тургенев рассказал о Муму. С русским писателем Флобер встречался не только на официальных обедах. Тургенев стал переводчиком на русский язык двух его произведений — «Юлиана Милостивого» и «Иродиады» (1877), он гостил у Флобера в Круассе. Однако Тургенева Барнс не упоминает, это нелюбопытный для него сюжет, зато рассказывает о пристальном внимании Флобера в молодые годы к большой собаке, ньюфаундленду Элизы Шлезингер, жене немецкого издателя, проживавшего в Трувиле. Флобер был тайно влюблен в эту замужнюю женщину, он следил за ней и ее псом. Ее присутствие в его памяти оживляло сознание будущего классика мировой литературы до самой смерти.

Читая исследования о Флобере, изучая его переписку, Джулиан Барнс отмечает встречи-столкновения обыденного с возвышенным. Нагромождение мелких деталей, скрещение мотивов, веселых и грустных историй из жизни литератора и его друзей могут показаться ненужными, излишними, но именно из мелких фактов складывается любая жизнь, в том числе и жизнь писателя. О ней можно говорить строго и высокопарно, как, например, профессор из Оксфорда Энид Старки. Эта дама, у которой Барнс учился, всегда была одета как матрос и говорила с ужасающим французским акцентом. Такие исследователи литературы, как она, не обращают внимания на то, что интересно Барнсу. При пристальном чтении «Мадам Бовари» он отметил, что Флобер называет глаза героини то «карими», то «черными», то «темными и глубокими», но однажды просто «голубыми». Такой цветовой диапазон для Флобера был продуманным приемом — «вся красота героини была в ее глазах» — это очевидно Барнсу, но чуждо Энид Старки, обвинившей Флобера в «небрежности при портретировании». Вот Бальзак, с ее точки зрения, тот объективно рисует своих персонажей, вспомните его длинные обстоятельные рассказы о внешности каждого из персонажей.

Наиболее правдивым источником сведений о Флобере Барнс считает книгу его друга Максима дю Кана «Литературные воспоминания». В ней, полагает он, есть много сплетен, но есть также в историческом плане очень точные наблюдения. С точки зрения дю Кана, прототипом мадам Бовари была реально существовавшая женщина (отнюдь не собирательный образ), жена некоего офицера медицинской службы, жившего в городе вблизи Руана. Именно у нее были глаза неопределенного цвета, становившиеся то серыми, то зелеными, то голубыми.

Никогда не имевшему супруги французскому писателю все женщины казались таинственными существами. Этой идеей пользуется и Джулиан Барнс, написавший главу от имени Луизы Коле, состоявшей с Флобером в недолгой любовной связи, но длительной переписке. Прежде всего он подчеркивает ее надменность и снисходительность в отношении Флобера, которому она при первом знакомстве хочет обозначить «где она и где он». Она была когда-то красива и в Париже очень известна: дважды получила академическую премию за свои стихи. Она переводила Шекспира. Виктор Гюго называл ее своей сестрой, а Беранже — музой. Среди ее друзей и поклонников были Мюссе, Виньи и Шамфлери. «Я была свечой, а Гюстав мотыльком». Однако были люди, которые упрекали ее в тщеславном желании выйти за него замуж.

Из писем Флобера, адресованных Луизе Коле, мы узнаем, как и он, порой не щадя ее самолюбия, «поучает» взрослую женщину, при этом звучат не только расхожие истины, но серьезные, глубоко продуманные суждения: «Почтенный де Лилль, как ты о нем пишешь, мне нравится. Люблю людей резких и испуганных... Поэзия — это способ восприятия внешнего мира, особый орган, который просеивает материю, и не изменяя, преобразует ее»⁴. По сути, Флобер часто звучит как выдающийся теоретик искусства, мыслями которого жил девятнадцатый и отчасти век двадцатый. Он высоко чтит Шекспира. Его собственной теории художественной прозы ближе всего «эпическая дистанция», а не взволнованно-лирическое присвоение мира. Вся жизнь Флобера прошла в отчуждении от самодовольного буржуазного прозаизма. «Что прекрасно в естественных науках, они не стараются что-либо доказывать. Зато какое море фактов, какой простор

для мысли. К людям надо подходить как к мастодонтам или как к крокодилам. Разве кто-нибудь возмущается бивнями одних или челюстями других? Покажите их, сделайте чучела, заспиртуйте, вот и всё, но оценивать — увольте»⁵. Барнс дистанцировался от серьезного Флобера, но ухватил суть его размышлений, начав «комиковать», искать чучело попугая, которого писатель одалживал в музее Руана для более тщательной прорисовки Лулу в «Простом сердце». А найдя его (его ли?) и рассказав о своем пути следования и процессе исследования творческого пути Флобера, английский писатель представил французского автора таким, каким вряд ли кто-нибудь ожидал его увидеть. При этом он не снимал со счетов многочисленные его письменные презентации в мемуарах и критике.

Аналогичный и неожиданно лишенный привычного пафоса подход использует и Павел Басинский как автор книги «Лев Толстой: бегство из рая»⁶, и хотя мы не слышим в его книге интонаций песни, исполнявшейся в том числе и под шарманку: «В имении Ясной Поляне жил Лев Николаич Толстой...», всё же он настолько глубоко и безжалостно препарирует жизнь писателя и ее смысл, множество источников, повествующих об авторе, и прежде всего дневники близких, записные книжки, письма и газетные выступления, что у читателя двадцатого века может сложиться впечатление, что русского классика перестали уважать. Однако это не так. Для двадцать первого века Павел Басинский осуществил грандиозную работу, разбирая и сопоставляя единовременно написанные разными людьми тексты, включая газетные рецензии и заголовки, а также художественные тексты самого Льва Толстого. Из всего этого, как из ящика Пандоры, выходит новое ощущение толстовской прозы и восприятия ее читателем. Эту книгу называют «романом», чему способствует речь от первого лица разнообразных персонажей толстовских времен, и конкретно — людей из окружения Толстого или его родственников. Не доверяя всякому автору или мемуаристу, Басинский перепроверяет любую информацию и делает это, по его собственному признанию в прессе, строго и жестко. Любые бумаги и документы обладают мощной силой, которую надо уметь вскрыть, и русскому писателю-исследователю это удастся. Удастся, как пишут некоторые критики, за счет «смены оптики», фокализации:

излагается популярная точка зрения и любая иная. Читатели Льва Толстого, знающие его по учебникам и монографиям советского периода, внедряясь в главы книги Басинского, открывают для себя много нового, и речь идет не о фактах биографии, хотя и о них тоже, но о самооценке Толстого, о многогранности талантов его жены, о ее могучем характере сильной женщины, от которой иногда хотелось бежать. Однако привязанность писателя к жене, воплощающей идею семьи, писательского труда и долгого периода совместного с близкими существования, была настолько сильна, что разрыв с ней, уход из Ясной Поляны стоил Толстому жизни.

Басинский чудесным образом соединяет две исключительные судьбы, мужчины и женщины, приводя их переписку, дневники, сторонние высказывания, и сила его книги в том, что ее трудно оспорить. У нее легкое дыхание и в ней зрелые мысли. Далеко не всякого большого автора критика и литературоведение освещают исчерпывающе и вразумительно. Басинскому это удастся, что и восхитило многочисленных его читателей. В эпиграфе книги из письма Льва Толстого к В. Г. Черткову классик подчеркивает, что люди часто храбрятся, прикидываются злыми и самоуверенными, а они просто не умеют любить, и потому «они жалки». (Не так ли и Флобер отзывался о людях и о себе: «все мы жалкие лягушата»).

В России, где звание человека духовные ее вожди поднимали всеми способами, такое суждение слышать странно, но надо подчеркнуть, что и Барнс, и Басинский — оба рисуют писателей в своих исследовательских романах как обычных, ничем не выделяющихся людей, которые что-то едят, что-то пьют, кого-то любят, что-то ненавидят, против чего-то восстают. Лев Толстой уходит из дома в простой одежде (толстовка не была такой уж простой): его должны принять за мужика. Но оказавшись в вагоне третьего класса, где задымлено, накурено и душно, он стремится на воздух, и выйдя затем в тамбур без окон и дверей, чтобы освежиться, он простужается и через некоторое время начавшейся болезни, бреда и забытья умирает. Басинский очень аккуратно, без запальчивости и злобы говорит об «опрощении» Толстого. Оно и было, и его не было, поскольку нормы дворянского провинциального образования заставляли писателя соблюдать

известные ему с детства нормы жизни. То, что сильно волновало Толстого, мало интересовало его детей. Пахота, сенокос и уборочная — это не для них. Такого самовоспитания, как у отца, мало у кого из детей в этой семье случилось. Ими всерьез занимались родители и учителя. У них была замечательная мать, похоронившая пятерых умерших от болезни детей. А отец со своими пристрастиями и идеями реформирования церковных укладов внушал детям подозрение. Остающееся без объяснений отклонение от известных всем «норм жизни» в детстве воспринимается в штыки. Во взрослом возрасте толстовство отца — это уже сектантство, а в нем всегда есть что-то нехорошее. Своих, как правило, случайных адептов секта крепко держит, сильно давя на психику, заглушая голос рассудка и самоанализ. Однако Толстого от православия не отлучали, а лишь вынесли определение об отпадении от Церкви, если писатель не покается. А о покаянии он активно думал и, уйдя тайком из дома, беседовал с родной сестрой Марией Николаевной в монастыре Шамордино, рядом с которым хотел остаться и даже приискал там для себя избу. Но Шамордино — первое место, куда за ним могла бы сразу отправиться имевшая над ним власть, как над старым больным человеком, Софья Андреевна. Согласно Басинскому, главная особенность духовного настроения позднего Толстого состояла в том, что ему было всё равно, где находиться, лишь бы его оставили в покое с его мыслями, с его Богом. «Его духовный эгоцентризм в конце жизни достигает своего апогея. Он уже не желает идти на компромиссы с внешними требованиями жизни и желает служить исключительно тому внутреннему “я”, тому “Льву Толстому”, который не сегодня-завтра предстанет перед Богом»⁷. Желание одиночества в уединении кажется совершенно понятным и объяснимым хотя бы тем фактом, что сразу после его смерти через домик Озолина на станции Астапово прошло не менее трех тысяч человек, а само событие комментировала мировая печать. Слава писателя Льва Толстого возрастала быстрее, чем возможность сосредоточиться над страничкой собственного дневника. Сначала писатель вел один дневник, который всегда по обоюдному договору могла прочесть его супруга. К концу жизни он завел еще один маленький дневничок, который прятал в голенище сапога, но и его сумела обнаружить строго следившая

за хозяйством Софья Андреевна. Многим может показаться странным это бесконечное желание к самоизлиянию на бумаге, но это корни писательского труда, желание быть честным, это навык, ведущий к умению понять жизнь, верно преподнести себя и других в своем произведении. Это камертон его творчества.

В «Бегстве из рая» Басинский на шестистах страницах рисует последние десять дней из жизни Толстого, наполняя каждый день всей известной ему информацией о нем, ближнем и дальнем его круге. Из становящихся ему доступными дневниковых фактов, переписки, прижизненной критики и многочисленных мемуарных записок ранее считавшиеся «протагонистами», вроде Черткова или Маковицкого, а также многие прочие из родственников и друзей приобретают новые очертания, вступающие порой в противоречие с до сих пор известными нам фактами из учебников, критических изданий или уст толстоведов.

Повествование Басинского динамично, он обращается как к профессиональному, так и к «широкому» читателю, язык его ритмичен и современен. На основе строго документального материала он пишет произведение необычного жанра, возвращающее нас в лоно давно знакомых, но не до конца разгаданных проблем, которые способны заинтересовать нового читателя, отошедшего от прежних установочных схем, но умеющего оценить жизнь творческого человека на пороге XX века, и не просто человека, но гения. Толстой Басинского такой как все, но с мятущейся душой, донельзя ранимый, не понимающий значения проделанной им работы, но пытающийся уйти от вранья и самообмана, фанатичной публики и домашних тиранов, чтобы спасти свой способный к титаническому труду талант, он и провидец, и футуролог, и эскапист.

Выводы

Книги Барнса и Басинского написаны отнюдь не в давно знакомом читателю жанре «литературного портрета» (Андре Моруа, Сомерсет Моэм), и как это отметили многие комментаторы их произведений, они — другие. Джулиан Барнс сам просто назвал свою книгу «романом», Басинский поостерегся это сделать, за него это сделала критика. Так в чем же разница? Литературный портрет — это художественное описание человеческой судьбы,

высокий эталон бытового поведения, знакомый еще со времен «Жизнеописаний» Плутарха, живое восприятие ушедшей эпохи. Однако в биографическом подходе есть своя ограниченность. Критика как роман («новый» роман) ее восполняет. Альберто Моравиа еще в прошлом веке сказал, и многие это повторили, что роман умер: «Пруст и Джойс сказали всё о романе, после них говорить не о чем». Однако в книгах Барнса и Басинского есть многое, присущее роману: и герои, и персонажи, и общество. В них есть и обыденное и бессознательное, бесконечное множество оттенков эмоций, интрига и легкий мистицизм, так что роман, найдя для себя новую форму, скорее жив.

Примечания

- ¹ *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1980. С. 183—238.
- ² *Барнс Д.* Попугай Флобера. М., 2002. С. 63.
- ³ Там же. С. 67.
- ⁴ *Флобер Г.* О литературе, искусстве, писательском труде : письма. Статьи. М., 1984. Т. 1. С. 259.
- ⁵ Там же. С. 261.
- ⁶ *Басинский П.* Лев Толстой: бегство из рая. М., 2011.
- ⁷ Там же. С. 332.

References

1. *Barns D.* Popugay Flobera. M., 2002.
2. *Basinskiy P.* Lev Tolstoy: begstvo iz raya. M., 2011.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

И. И. Осинский, М. И. Добрынина

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СИБИРИ (Некоторые проблемы формирования и развития)

Постановка проблемы

Место и роль русской интеллигенции в жизни национальных районов Сибири — одна из значимых научных проблем. Русские люди, их специалисты, всегда интересовались Сибирью, осваивали ее просторы, строили здесь фабрики, заводы, рудники, создавали вузы, театры, возводили города. Вместе с представителями коренных народов они превратили национальные районы в современные высокоразвитые республики. Сегодня совместными усилиями осуществляются задачи по экономической, социальной, духовной модернизации регионов. Созидательная деятельность русской и национальной интеллигенции нашла свое отражение в значительном количестве трудов исследователей советского и постсоветского времени. Прошедшие три десятилетия показывают,

---

© Осинский И. И., Добрынина М. И., 2019

Осинский Иван Иосифович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ). intellinge@rambler.ru

Osinsky Ivan Iosifovich — doctor of Philosophy, professor of the department of philosophy of the Buryat state university (Ulan-Ude).

Добрынина Марина Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ). mid16@mail.ru

Dobrynina Marina Ivanovna — doctor of sociological sciences, professor of the department of political science and sociology of the Buryat state university (Ulan-Ude).

что данная тема не стала менее актуальной, особенно изучение положения и роли русской интеллигенции. Именно в эти годы часть русской интеллигенции мигрировала за пределы национальных республик, в ряде случаев обострились межнациональные отношения. В литературе (в некоторых работах) сместились оценки роли русской интеллигенции в жизни сибирских регионов. Всё это требует обращения к истории формирования интеллигенции в национальных республиках Сибири, которое активно осуществлялось в годы советской власти, и выяснения значения, которое имела в этом процессе русская интеллигенция, а также ее деятельности в последующие годы.

Цель нашего исследования, таким образом, заключается в выявлении места русской интеллигенции в социальной структуре национально-государственных образований Сибири, ее роли в развитии экономической, социально-политической и духовной сфер, а также в укреплении взаимосвязей между русской и титульными нациями.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод, системный подход и структурный анализ, а также общенаучные методы познания — анализ, синтез, сравнение, применялся также исторический метод. Использовались материалы всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг., статистические данные. Авторы опирались на монографию М. И. Добрыниной «Русская интеллигенция в республиках Сибири: социальный статус» (Улан-Удэ, 2011).

Пути формирования русской интеллигенции в национальных районах Сибири

Интеллигенция как социальная группа занимает одно из центральных мест в структуре российского общества. В ее национальном составе доминирует русская интеллигенция как часть самой крупной в России нации. Русская интеллигенция в силу особенностей исторического развития страны, административного, национально-государственного устройства и других факторов территориально дифференцирована и присутствует во всех республиках, краях и областях страны. Вместе с представителями других народов интеллигенция является главной силой,

интеллектуально обеспечивающей происходящие в обществе, его регионах перемены. В числе таких регионов — национально-государственные образования Сибири: Алтай, Бурятия, Тува, Хакасия. В этих республиках проживает 2,04 млн человек. В более широком географическом контексте в понятие «Сибирь» входят Республика Саха (Якутия), края и области Дальнего Востока. Население Якутии составляет 960 тыс. человек. Все республики Сибири многонациональные, с преобладанием русского населения, за исключением Республики Тува, где большинство жителей — тувинцы. Интеллигенция каждого из национальных регионов Сибири сформировалась и получила развитие как многонациональная социальная группа с доминированием русских. Численное преобладание русских в составе интеллигенции республик Сибири объясняется: во-первых, доминированием в структуре жителей национальных регионов русского населения, которое являлось одним из основных источников пополнения и развития интеллигенции; во-вторых, организованным перераспределением и стихийной миграцией части специалистов в национальные регионы Сибири. Перемещение специалистов, как и других групп трудящихся — объективный процесс. Он обусловлен потребностями развития регионов, вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов малообжитых мест с суровым климатом. Без привлечения квалифицированных кадров из других регионов было бы невозможно освоение этих территорий, осуществление электрификации, индустриализации, создание новых отраслей промышленности и в целом развитие экономики и культуры.

Потребности в специалистах особенно возросли в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в связи с переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства. Конечно, в этих регионах существовала небольшая часть старой интеллигенции, преимущественно гуманитарная, но она не могла решить вставшие новые задачи по перестройке экономики. Их решение было не под силу и выдвигенцам. В национальных регионах имелись свои особенности удовлетворения потребности в специалистах. Во-первых, их направляли соответствующими министерствами и ведомствами. Пополнение специалистов с высшим образованием вплоть до середины 30-х гг. происходило за счет прибытия их

из других городов страны, т. к. здесь не было не только вузов, профессорско-преподавательского состава, учебно-материальной базы, но и достаточного количества даже средних школ. В связи с началом строительства в Бурятии паровозо-вагонного завода к осени 1932 г. по линии НКПС в республику было направлено 410 инженеров и техников и 4418 рабочих. В 1930—1933 гг. в Якутию прибыло свыше 50 врачей, в Бурятию в 1940 г. — 140 врачей и 200 человек среднего медицинского персонала¹. В эти и последующие годы в национальные регионы отправляли преимущественно русских специалистов. Они строили заводы, фабрики, рудники, возводили города, создавали театры, вузы, школы, поликлиники и т. п. Во-вторых, потребность в кадрах решалась путем создания, расширения сети вузов, ссузов для подготовки специалистов непосредственно в национально-государственных образованиях Сибири. В начале 30-х гг. в Бурятии и Якутии были открыты первые вузы. В 1940—1941 гг. в четырех вузах Бурятии обучалось 792 студента и в 13 средних специальных учебных заведениях — 2120 человек. В Якутии в педагогическом и учительском институтах учились, как и в Бурятии, около 800 студентов и в 19 средних специальных учебных заведениях — 3686 человек². В 1940 г. в Абаканском пединституте (Хакасия) обучалось 500 студентов, в средних специальных учебных заведениях — 1 тыс. человек. В Горном Алтае — в средних специальных учебных заведениях насчитывалось 1,7 тыс. студентов. В-третьих, путем целевого (квотного) распределения представителей местной молодежи направляли в соответствующие учебные заведения европейской части страны и Сибири с последующим возвращением для работы в своих регионах. Данная форма широко использовалась автономиями Сибири. Сотни представителей молодежи преимущественно коренных сибирских национальностей при помощи русских профессоров проходили подготовку в вузах Москвы, Ленинграда и других городов. В последующем многие из этих подготовленных специалистов становились известными руководителями, профессионалами (например, актерами, музыкантами, учеными и др.) Так, из Якутии в 1925 г. в центральных учебных заведениях обучалось 168 человек, в 1928 г. — 356, в 1932 г. — 786 человек (из них

около 70 % составляли якуты и эвенки). Из Бурятии в 1928 г. было направлено на учебу в вузы и техникумы страны 436 человек, в 1932 г. — свыше 1 тыс. человек³.

Подобные формы пополнения кадров специалистов применялись практически во всех республиках Сибири. Они позволили за относительно короткое время подготовить значительные по численности группы интеллигенции. Уже к концу 1950-х гг. по удельному весу работников умственного труда среди занятого населения национальные районы Сибири достигли, за исключением Тувы, среднесоюзных показателей. Так, если в 1959 г. доля интеллигенции и служащих в занятом населении в целом по СССР составляла 18,5 % (в РСФСР — 20,5 %), то в Хакасской АО — 18,9 %, Горно-Алтайской АО — 19,1 %, Бурятской АССР — 20,4 %, Якутской АССР — 25,9 %. Только в Туве этот показатель был ниже — 18 % (она стала частью СССР в 1944 г.)⁴. В 1960—70-е гг. во всех отмеченных автономиях заметно увеличился удельный вес интеллигенции и служащих. В 1979 г. он составил в Хакасии 26,1 %, в Горном Алтае — 26,5 %, в Туве — 27,2 %, в Бурятии — 29 %, в Якутии — 33,2 %. В целом по стране — 28,9 % (по РСФСР — 30,7 %)⁵. По мере роста численности интеллигенции менялась ее национальная структура, увеличивалась степень участия трудящихся наций и народностей Сибири в интеллектуальном профессиональном творчестве. Наличие собственных квалифицированных специалистов во всех сферах общественной деятельности — один из важнейших показателей социальной зрелости нации и непереносимое условие дальнейшего прогресса в различных областях.

Как показывают статистические данные, во всех сибирских автономиях образовались и выросли крупные многонациональные группы интеллигенции, базирующиеся преимущественно на двунациональной основе — интеллигенции титульной нации и русской, являющейся доминирующей (табл. 1).

При опережающих темпах роста численности специалистов титульных наций преобладали (за исключением Тувы в 2002 г.) русские специалисты. Что касается Тувы, то в этой республике в начале 1990-х гг. значительная часть специалистов русской национальности в связи с обострившимися национальными отношениями выехала за ее пределы.

Таблица 1

Национальный состав лиц с высшим и средним специальным образованием в Бурятии, Туве, Якутии в 1966, 1980, 2002 гг.⁶

Националь-ности	1966		1980		2002		1966—2002 Прирост, раз
	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	
Бурятия	37554	100	94936	100	345664	100	9,2
буряты	8847	23,6	26233	27,6	104934	30,3	11,9
русские	26594	70,8	64512	68,0	224846	65,1	8,4
другие	2113	5,6	4191	4,4	15884	4,6	7,5
Тува	9161	100	24079	100	85200	100	9,3
тувинцы	2911	29,2	8811	36,6	57300	67,3	19,7
русские	6442	64,7	13994	58,1	24900	29,2	3,9
другие	608	6,1	1274	5,3	300	3,5	4,9
Якутия	45717	100	118700	100	338200	100	7,4
якуты	13806	30,2	32800	27,6	137500	40,7	10,0
русские	27396	59,9	68100	57,4	153100	45,3	5,6
другие	4542	9,9	17800	15,0	47500	14,0	10,4

В 2002 г. в Республике Алтай доля лиц русской национальности с высшим и средним специальным образованием составляла 61,5 %, в Хакасии — 83,0 %, доля специалистов титульной нации в Алтае — 12,3 %, Хакасии — 9,3 %. Сравнение доли национальной интеллигенции в составе интеллигенции с удельным весом национального населения, занимаемого в общей совокупности жителей той или иной республики, показывает, что эти цифры являются достаточно близкими, за исключением Республики Алтай, где доля алтайцев в населении республики (в возрасте 15 лет и больше) составляла в 2002 г. 29,1 %, а доля специалистов-алтайцев в общей совокупности специалистов Алтая 12,3 %, в остальных же республиках эти показатели были следующими: Тува — 75,0 % и 67,3 %; Якутия — 43,2 % и 40,7 %; Хакасия — 11,2 % и 9,3 %. В Бурятии доля специалистов бурятской национальности (30,3 %) была больше доли бурят в населении республики (26,8 %). Аналогичные показатели русской части интеллигенции сибирских республик характеризовались

следующим образом: русские в населении Республики Алтай составляли 59,4 %, среди специалистов — 62,1 %; в Бурятии соответственно — 68,5 % и 65,0 %; в Хакасии — 80,5 % и 83,1 %; в Туве — 29,1 % и 29,2 %; в Якутии — 42,7 % и 45,3 %⁷.

В целом же русские специалисты, русская интеллигенция с начала освоения Сибири, ее национальных районов и на протяжении всех последующих лет принимали и принимают непосредственное участие в развитии всех сфер жизни и деятельности их народов, став неотъемлемой частью населения этих территорий.

Русская интеллигенция в сфере материального производства

Особенно значимое место занимала и занимает русская интеллигенция в сфере материального производства, представляющей собой основу жизни общества.

Развернувшаяся в стране индустриализация, появление новых отраслей хозяйства (машиностроение, электроэнергетика, алмазодобыча, нефтехимия и др.), образование крупных научных и культурных центров требовали всё большего количества специалистов. Особенностью нового этапа (1959—1989) в индустриальном развитии Сибири, ее национальных районов являлось то, что он был связан с комплексным освоением этих территорий, в частности, с разработкой уникальных месторождений алмазов в Западной Якутии и каменного угля в Южной Якутии, со строительством БАМа и Гусиноозерской ГРЭС в Бурятии, Черногорского камвольносуконного комбината в Хакасии, с сооружением и эксплуатацией комбинатов Тувакобальт, Туваасбест, Саяно-Шушенской ГЭС, с возведением, модернизацией и работой сотен других объектов. Прибывшие в республики Сибири инженеры, техники, геологи, проектировщики, другие специалисты были преимущественно русской национальности. Например, из числа ИТР, приехавших в 70-е гг. на строительство бурятского участка БАМа, около 80 % составляли русские специалисты. Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г., в Якутии в общей численности 32 578 инженерно-технических работников русских насчитывалось 31 134 человека или 95,5 %. В Бурятии доля русских среди ИТР равнялась 78,3 %, в Туве — 88,4 %.

Это свидетельствует о том, что русские специалисты вносили наибольший вклад в создание и развитие индустриально-производственных комплексов национальных районов Сибири. Они занимали ведущие позиции в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи, возглавляли заводы, фабрики, стройки, другие государственные объекты. Так, в 1979 г. в Бурятии из 2044 руководителей предприятий 1494 (73,1 %) являлись русскими, в Якутии 1936 (60,4 %) предприятий из 3204 возглавляли русские⁸. Многие ИТР активно участвовали в техническом творчестве, являлись рационализаторами, изобретателями. Экономический эффект от внедрения предложений рационализаторов в производство республик Сибири в 1965 г. составил 24,8 млн руб.⁹

Видное место принадлежало русским специалистам и в сельскохозяйственном секторе. Экономика Сибири имела ярко выраженный аграрный характер. Вплоть до 70-х гг. более половины ее населения являлись сельскими жителями и работали в животноводстве и земледелии.

Естественно эти сферы нуждались в ветеринарах, агрономах, других сельскохозяйственных специалистах. Значительное участие в удовлетворении этой потребности, в преобразовании отрасли принимали направленные из других краев и областей страны специалисты и организаторы. На начальном этапе, как пишут авторы «Истории Тувы», именно они возглавляли совхозы, МТС и многие колхозы¹⁰. Например, в Бурятии в 1970 г. было 115 колхозов, из них 78 возглавляли русские, 32 — буряты, 5 — украинцы¹¹. В последующие годы руководителями колхозов и совхозов в большинстве своем становились представители титульных наций. Что касается специалистов, то представители русской национальности по-прежнему играли важную роль в организации сельскохозяйственного производства в республиках Сибири. В 1979 г. агрономы, ветврачи, зоотехники, лесничие русской национальности составляли в Бурятии 45,7 %, в Якутии — 18,2 %, в Туве — около половины¹². Тенденция численного роста специалистов русской национальности продолжалась и в последующие годы. Вместе с тем в этот период была существенно расширена подготовка производственной интеллигенции в автономиях Сибири и за их пределами из числа местной, национальной молодежи, что обусловило возрастание доли специалистов

титульных наций. Тем не менее, в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи по-прежнему доминирующее положение занимали русские специалисты.

Вместе с тем 1990-е и последующие годы внесли существенные изменения в статусные позиции русской интеллигенции автономий Сибири, ее количественные и качественные характеристики, в том числе ее производственно-технической части. В связи с ликвидацией общественной собственности на средства производства, разрушением народно-хозяйственного комплекса, закрытием или банкротством многих предприятий произошло резкое сокращение промышленно-производственного персонала. Так, в Бурятии с 1991 по 1997 г. количество инженерно-технических работников и служащих в промышленности Улан-Удэ сократилось почти в два раза. В силу резкого ухудшения социальной ситуации в этих автономиях значительная часть инженеров, техников, экономистов, других специалистов русской национальности мигрировала в другие регионы. По данным Госкомстата Саха (Якутии), за 1990—1997 гг. выехало из республики 267 тыс. инженеров, техников, других специалистов и рабочих активного возраста¹³, что негативно сказалось на ряде важных отраслей материального производства. Значительная часть ИТР русской национальности покинула Бурятию в связи с завершением строительства Байкальского участка БАМа, закрытием ряда промышленных предприятий, строительных организаций, ухудшением социально-экономической ситуации в республике. Массовый отъезд ИТР из Тувы в 1991 г. парализовал работу промышленных предприятий республики. Обострились межнациональные отношения, основная причина — недостаточная сбалансированность кадровой, социальной и национальной политики.

Переход к рыночной экономике, новой системе хозяйствования обнаружил слабую востребованность некоторых традиционных инженерных профессий, причем подготовка их в вузах Сибири продолжалась, что обостряло проблему безработицы среди ИТР. С другой стороны, в республиках Сибири ощущался острый дефицит IT-специалистов. Будущее Сибири, ее национальных районов, с их огромными территориями, суровым климатом и труднодоступными минерально-сырьевыми ресурсами, малочисленным населением невозможно без развитых систем и сетей

информации. В последние годы данное обстоятельство начинает учитываться вузами Сибири. Всё больше ощущается потребность в грамотных специалистах по обеспечению квалифицированного руководства развитием отраслей северного хозяйства. Нужны меры, направленные на обогащение фауны и флоры, создание для них условий жизни и расширенного воспроизводства (акклиматизация, расселение, дичеразведение, рыболовство, биотехнические мероприятия и т. д.).

Русские специалисты в гуманитарной сфере

Важное место занимали и занимают русские среди медицинских работников. Собственно с русских врачей и начиналась в этих краях медицина в европейском понимании этого слова. Здоровье населения было удручающим, особенно на начальных этапах существования автономий. За годы советской власти в национальных регионах Сибири удалось создать современную систему охраны здоровья и сформировать квалифицированные кадры. По количеству врачей на 10 тыс. населения они приблизились к среднегосударственному показателю. В 1981 г. он составил в Бурятии 31,2; в Туве — 32,3; в Якутии — 37,1; в целом в стране — 38,5 врачей¹⁴. При этом следует отметить, что все медики высшей квалификации национальных регионов Сибири были подготовлены в крупных вузовских центрах европейской части страны и Сибири. Исключением является Якутия, в столичном университете которой с 1957 г. функционирует медицинский факультет, в значительной мере восполнивший дефицит врачей в республике. Позже такой факультет был открыт в Бурятии. В связи с опережающими темпами подготовки национальных медицинских кадров их доля всё больше увеличивается, доля же врачей русской национальности хотя и уменьшается, но по-прежнему является достаточно высокой, а в ряде случаев преобладающей в автономиях Сибири. Так, в Бурятии в 1959 г. она составляла 80,3 %, в 1970 г. — 74,4 %, в 1979 г. — 67,4 %¹⁵.

В постсоветский период в связи с ухудшением социально-экономической ситуации значительная часть русских врачей выехала за пределы автономий Сибири, снизилась обеспеченность этих регионов медицинскими специалистами. В 2011 г. в регионах СФО было 84,4 тыс. врачей, в 2014 г. стало 77,5 тыс. Особенно

остро стоит проблема медицинского обслуживания сельского населения и жителей малых городов. В Бурятии дефицит сельских врачей (на 01.07.2017 г.) составлял 520 человек. Причинами выезда из регионов Сибири являются: отсутствие мотивации, заинтересованности, необходимых условий для профессиональной деятельности и для удовлетворяющей специалиста жизни.

Русские специалисты также широко представлены в сфере педагогической, научной и научно-педагогической деятельности. Учителя были по существу первой массовой группой интеллигенции, образовавшейся в этих регионах. Небольшую ее часть составляла старая учительская интеллигенция. На первых порах преобладающая масса учителей как русской, так и титульных наций не имела специального образования. Поэтому подготовка педагогических кадров была в качестве первоочередных государственных задач. Уже в 1939 г. в Якутии насчитывалось 3908 учителей начальных и всех средних учебных заведений и курсов, из них русских было 1110 человек, якутов 2340 человек¹⁶. В 1959 г. из 5366 учителей русские составляли 2482 человека, якуты — 2884 человека¹⁷. Как видим, за двадцатилетний период количество русских преподавателей увеличилось в 2,2 раза, якутских — в 1,2 раза. Рост численности педагогической интеллигенции, в том числе русской национальности, происходил и в последующие годы. В 1990/91 учебном году в Якутии в общеобразовательных учреждениях насчитывалось 18,8 тыс. учителей, в 2002/03 учебном году — 19,2 тыс.¹⁸ Подобные изменения происходили и в других национально-государственных образованиях Сибири. Так, в Бурятии число преподавателей начальных, восьмилетних и всех средних учебных заведений и курсов русской интеллигенции в 1970 г. составляло 7184 человека, в 1989 г. — 8531 человек, бурятской национальности соответственно 3938 и 6669 человек¹⁹. В Туве в 1979 г. в числе 4332 преподавателей школ, средних учебных заведений и курсов русских было 1591 человек, тувинцев — 2604 человека, представителей других национальностей — 137 человек²⁰. Русские учителя в содружестве с учителями титульных, других национальностей играли и продолжают играть огромную роль в образовании населения республик Сибири, в передаче знаний, опыта, ценностей, традиций нынешним и будущим поколениям.

Сегодня учительство, как и общество в целом, находится в ситуации реформирования системы образования. К сожалению, обнадеживающих результатов пока не видно. Наоборот, всё больше обнаруживается недостатков. В литературе отмечается, что с переходом на новые образовательные стандарты и введением ЕГЭ качество образования снижается: учащиеся получают отрывочные знания. Само образование чаще ориентируется на маркетинговую. Оплата учительского труда недостаточна, сокращается количество школ, особенно в сельской местности, и др. Интернациональное воспитание учащихся уходит из школы.

С педагогической деятельностью тесно связана научно-педагогическая и научная деятельность, т. е. труд, направленный на создание материальных и духовных ценностей. Представителями русской науки проводились исследования территорий регионов Сибири, ее недр, флоры и фауны. С их помощью здесь созданы крупные научные центры, подготовлены тысячи высококвалифицированных ученых, осуществляющих исследования в различных отраслях науки. Сегодня национальные научные центры опираются на материальную, финансовую, методическую и другую помощь российских научных учреждений, их специалистов. С благодарностью интеллигенция национальных регионов Сибири произносит имена В. А. Обручева, Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, Г. Р. Верещагина, Ф. А. Кудрявцева, А. П. Окладникова, А. А. Трофимука, Д. К. Беляева, А. Б. Жукова, М. А. Лаврентьева, Н. Л. Добрецова, Э. Л. Климашевского, Т. И. Заславской, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, С. А. Толстоухова, А. В. Андреманова, В. В. Бунака и многих других ученых, организаторов науки, внесших большой вклад в развитие научного потенциала регионов Сибири.

Сегодня в Якутии центром академической науки является Академия наук Республики Саха (Якутия), в Бурятии — Бурятский научный центр СО РАН, в Туве — Тувинский институт гуманитарных исследований, в Хакасии — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), в Республике Алтай — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (с 2012 г. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова), функционируют другие научные учреждения. Важную роль в развитии науки,

в подготовке высококвалифицированных специалистов играют местные университеты, другие вузы. В научных учреждениях и вузах наряду с представителями титульных наций трудятся ученые, преподаватели русской национальности.

Их совместными усилиями достигнуты заметные результаты в повышении качества образования населения автономий, в подготовке специалистов, осуществлении научных открытий. Согласно переписи 2010 г., на 1000 человек в возрасте 15 лет и более высшее образование (включая послевузовское) в республике Алтай имеют 193 человека, Бурятии — 218 человек, Туве — 159 человек, Хакасии — 185 человек, Саха (Якутии) — 221 человек. В целом по Сибири данный показатель составляет 203 человека²¹. Это свидетельствует о том, что автономии Сибири вплотную приблизились к среднесибирскому показателю, а некоторые его достигли. Наблюдается сходство данных о численности специалистов по ступеням высшего профессионального образования (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения по ступеням высшего профессионального образования и наличию ученой степени по автономиям Сибири²²

Республики и СФО	Население с высшим образованием, тыс. чел.	Ступень, на 1000 чел. населения с образованием			Население старше 20 лет с высшим образованием, тыс. чел.	Учен. степ., на 1000 чел. старше 20 лет	
		бакалавр	специалист	магистр		кандидат наук	доктор наук
Алтай	21,1	39	944	17	29,6	13	1
Бурятия	161,5	43	936	21	163,1	18	2
Тува	33,1	64	914	22	33,6	11	1
Хакасия	78,9	42	935	23	79,2	8	1
Саха (Якутия)	154,8	63	897	40	155,3	16	3
СФО	3098,9	38	942	20	3059,0	17	3

Обращают на себя внимание более высокие показатели, характеризующие специалистов в Саха (Якутии) и Бурятии. Эти

республики относятся к экономически развитым и имеющим богатый опыт подготовки специалистов по сравнению с другими. Здесь более многочисленная как русская, так и национальная интеллигенция. Нельзя не учитывать и роли учительской интеллигенции, где, кстати, русская составляющая была очень высокой.

Русские интеллигенты широко представлены в других сферах духовного производства национальных регионов Сибири. Они вместе с представителями титульных народов непосредственно участвуют в создании, сохранении и распространении ценностей и форм духовной культуры. Особенно большое значение имеет творчество писателей, деятелей искусства, культурно-просветительских работников, являющихся выразителями духа нации, ее менталитета.

Согласно всесоюзным переписям населения 1959, 1979 и 1989 гг., указанные группы интеллигенции, например в Бурятии, характеризовались следующим образом.

Таблица 3

Доля художественной и культурно-просветительской интеллигенции в Бурятии в 1959, 1979, 1989 гг., %²³

Интеллигенция	1959			1979			1989		
	буряты	русские	другие	буряты	русские	другие	буряты	русские	другие
художественная	41,1	51,7	7,2	44,6	50,9	4,5	41,2	52,4	6,4
культ.-просвет.	27,9	60,1	6,0	35,1	61,1	3,8	34,0	57,8	7,4
доля нац. в составе населения	20,2	74,6	5,2	23,0	72,0	5,0	24,0	69,9	6,1

Из таблицы 3 видно, что доля бурят в составе художественной и культурно-просветительской интеллигенции Бурятии в рассматриваемый 30-летний период была значительно больше удельного веса, занимаемого бурятами в составе населения республики, что вполне естественно, т. к. именно эти группы национальной интеллигенции формируют у представителей своего этноса национальное самосознание, способствуют духовной консолидации нации. Доля русской интеллигенции меньше

удельного веса, занимаемого в населении страны, но она является преобладающей в составе обеих групп интеллигенции. При этом надо иметь в виду, что они были не только значительной по численности социальной группой, но и оказывали большое влияние на становление и развитие национальной гуманитарной интеллигенции республик Сибири, на массовый, динамичный рост духовной культуры коренных жителей этих регионов.

Будущие национальные писатели, артисты, композиторы, журналисты, представители других массовых профессий проходили подготовку в ведущих вузах страны, в театрах, студиях, мастерских, учились у известных мастеров русской культуры. Последние, кроме того, сами приезжали в автономии Сибири, помогали на месте создавать театры, художественные мастерские, музеи, библиотеки, обучали талантливых представителей национальной молодежи многим неизвестным здесь видам современного искусства. Имидж русской интеллигенции был очень высоким среди формирующейся интеллигенции и населения в целом.

Солист Бурятского академического театра оперы и балета народный артист РСФСР Д. Дашиев в газете «Правда Бурятии» писал: «Я артист. Мне близки шедевры мировой музыкальной культуры. Но русское искусство — особенное. В нем, прежде всего, поражает его величайший гуманизм, его бережное отношение к культурному наследию других народов, больших и малых. И думаю — какое это великое счастье приобщиться к этому искусству, быть к нему причастным.

Наш театр называют одним из лучших на востоке страны, ему присвоено высокое звание академического. И во всем этом неocenима роль, которую сыграли выдающиеся мастера искусства нашей страны, представители всех ее народов, прежде всего русского. Если провести опрос среди артистов нашего театра, попросить назвать своих учителей, то получится, что будут названы самые разные фамилии, все культурные центры страны. Но начну я с одной Уральской консерватории, которую окончили и многие мои коллеги. Ее первый ректор — Маркиан Фролов был автором первой национальной оперы “Энхэ — Булат батор”. Уральскую консерваторию окончили наши композиторы: народный артист СССР Бау Ямпиров (позже — Герой социалистического труда), заслуженный деятель искусств РСФСР Жигмит Батуев, Дандар

Аюшеев. Большинство музыкантов оркестра нашего театра — воспитанники Уральской консерватории. До сих пор благодарен моему педагогу З. Шелоковой. Она учила и нашу замечательную певицу, народную артистку РСФСР Чимиту Шанюшкину.

Целую плеяду талантливых артистов выпустила прославленная Ленинградская консерватория. Это — народные артисты СССР Лхасаран Линховоин, Ким Базарсадаев, народные артисты РСФСР Н. Петрова, П. Абашеев, заслуженные артисты РСФСР В. Лыгденова, Д. Кыштымова, В. Манкетов, О. Короткова и многие другие. В Ленинграде получила образование наша талантливая молодежь, ныне уже завоевавшая любовь и признательность зрителей: Галина Шойдагбаева, Ольга Аюрова... Если бы стал перечислять, получился бы большой список»²⁴. Подобные оценки роли русской интеллигенции в развитии культуры народов Сибири содержатся в выступлениях представителей Тувинской, Якутской, Хакасской, Алтайской культур.

Многие деятели русской культуры были учителями писателей, художников, музыкантов, актеров из среды народов Сибири. Благодаря творческому взаимодействию представителей русской художественной интеллигенции и молодых национальных талантов в республиках Сибири появились и получили развитие классическая и национальная опера и балет, музыкальная драма, симфоническое и камерное искусство, станковая и монументальная живопись, скульптура, разнообразнейшие виды графики, национальные романы, повести, рассказы, драматургия и т. д., обогатившие не только национальную, но и всю российскую культуру.

В то же время русские деятели культуры многому учились у представителей национальной интеллигенции, которые хорошо знали обычаи, традиции своего народа, фольклор, что находило отражение в их творчестве. Произведения авторов, выходцев из среды охотников, рыбаков публиковались в центральных издательствах и за рубежом.

Вместе с тем в постсоветский период наряду с позитивными процессами, отражающими в известной мере продолжение традиционного влияния и взаимовлияния в области духовной жизни, к сожалению, появились и некоторые негативные явления, как в развитии русской, так и национальной интеллигенции республик Сибири.

Оказалась существенно разрушенной материальная база культуры, где сосредоточена доминирующая сфера деятельности интеллигенции, особенно на периферии (театры, дома культуры, клубы, библиотеки и др.), произошло падение жизненного уровня основной массы гуманитарной интеллигенции. Она, как и вся российская интеллигенция, стала социально, политически, ценностно расколотой.

Несмотря на трудности, гуманитарная интеллигенция продолжала и продолжает выполнение своих функций. В республиках Сибири работают школы, вузы, библиотеки, многие другие организации, с которыми связана гуманитарная интеллигенция.

В заключение следует отметить, что русская интеллигенция сыграла и играет важную роль в жизни народов Сибири. Она оказала большую помощь в формировании национальной интеллигенции, развитии современной развитой культуры во всем ее многообразии. Огромное положительное воздействие русской интеллигенции продолжается и сегодня. В свою очередь, интеллигенция народов Сибири оказывает существенное прогрессивное влияние на общероссийские культурные процессы.

Примечания

¹ *Халзанов К. Х.* Формирование кадров национальной интеллигенции в автономных республиках Сибири. М., 1965. С. 36, 30.

² Там же.

³ Отчет правительства Бурят-Монгольской АССР за 1928—1930 гг. М., 1931. С. 79.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 5. С. 26, 27, 34—39.

⁵ Там же. Т. 7. С. 44, 45, 48—51.

⁶ *Добрынина М. И.* Русская интеллигенция в республиках Сибири : социальный статус. Улан-Удэ, 2011. С. 95, 145.

⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. М., 2004. Т. 4, кн. 2. С. 1500, 1502, 1516.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям : Бурятская АССР. Тувинская АССР. Якутская АССР. М., 1980. Табл. 316, 326, 336.

- ⁹ *Осинский И. И.* Возрастание роли интеллигенции в совершенствовании социализма. М., 1986. С. 64.
- ¹⁰ История Тувы : в 3 т. Новосибирск, 2016. Т. 3. С. 57.
- ¹¹ Всесоюзная перепись населения 1970 г. Занятия населения по основным национальностям. М., 1970.
- ¹² Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Табл. 316, 326, 336.
- ¹³ Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С. 13.
- ¹⁴ Народное хозяйство СССР, 1922—1982 : юбил. стат. ежегодник. М., 1982. С. 542.
- ¹⁵ История Тувы. Т. 3. С. 57.
- ¹⁶ Якутия: XX век в зеркале статистики : офиц. изд. Якутск, 2001. С. 62.
- ¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Занятия населения по основным национальностям. М., 1961. Табл. 1.
- ¹⁸ Якутия: XX век в зеркале статистики. С. 80.
- ¹⁹ Республика Бурятия. 75 лет : стат. сб. : офиц. изд. Улан-Удэ, 1998. С. 125 ; Буряты в зеркале статистики : стат. сб. Улан-Удэ, 1996. С. 25.
- ²⁰ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям : Тувинская АССР. Табл. 32.
- ²¹ Социально-демографический портрет России : по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. С. 112—113.
- ²² Там же.
- ²³ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения по отдельным национальностям. М., 1990. Бурятская АССР. Табл. 366. Л. 3.
- ²⁴ Правда Бурятии. 1984. 7 июля.

References

1. *Dobrynina M. I.* Russkaya intelligentsiya v respublikakh Sibiri: Sotsialnyy status. Ulan-Ude, 2011.
2. *Khalzanov K. Kh.* Formirovanie kadrov natsionalnoy intelligentsii v avtonomnykh respublikakh Sibiri. М., 1965.
3. *Osinsky I. I.* Vozrastanie roli intelligentsii v sovershenstvovanii sotsializma. М., 1986.

И. И. Шевчук

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КАДРОВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В НАЧАЛЕ ЕЕ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ (1921—1924)

Введение

Повторная институализация науки в Беларуси приобретает конкретные очертания в 1921 г. с открытием Белорусского государственного университета (БГУ) и созданием в том же году Института белорусской культуры (ИБК, Инбелкульт). Повторная потому, что российским правительством в XIX в. были ликвидированы все организационные формы науки и высшей школы: Полоцкая академия (1820), Виленский университет (1832), Медико-хирургическая (1842) и Духовная (1844) академии, основанный в 1837 г. Горы-Горецкий земледельческий институт (1864). Соответственно в начале 1920-х гг. возникает проблема формирования квалифицированного кадрового потенциала. Его история получила определенное освещение. Однако начальный период становления академической науки новейшего времени представлен весьма конспективно и противоречиво, но однозначно и безапелляционно. Данное обстоятельство, то есть представление о проблеме как окончательно изученной, в свою очередь, обусловило отсутствие интереса белорусских исследователей к его историографическому осмыслению. Поэтому в данной статье предпринята попытка

© Шевчук И. И., 2019

Шевчук Игорь Иванович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета (Беларусь). ihar7@rambler.ru

Shevchuk Igor Ivanovich — doctor of historical sciences, docent, professor of the department of general history of the Brest state university (Belarus).

рассмотреть процесс формирования современных взглядов на реальный научно-кадровый состав Института белорусской культуры, реорганизованного в 1929 г. в Белорусскую академию наук (БАН). Начальный этап деятельности Инбелкульта можно очертить 1921—1924 гг. Хронологические рамки обусловлены фактом существования учреждения с сентября и публикацией его устава в ноябре 1921 г., верхняя граница — началом коренной реорганизации (второго создания) института, завершившейся в январе 1925 г. Для раскрытия сформулированной в названии проблемы привлечены публикации 1920—2000-х гг.

Основная часть

Из имеющейся литературы можно узнать только о двух, так сказать, полных цифрах сотрудников. Наиболее популярная — 15 человек. Она появилась в 1928 г.¹ и представлена также в коллективной монографии 1993 г. Авторы раздела «Создание и деятельность Института белорусской культуры» (П. Т. Петриков, Н. В. Токарев, Н. И. Галенчик) писали: «23 ноября 1921 г. комиссия по штатам Наркомпроса БССР утвердила штат Инбелкульта в количестве 45 человек. По причине того что Наркомпрос БССР представил Инбелкульту 15 продовольственных пайков, постоянный штат института состоял из 15 человек, остальные могли работать в институте по совместительству»².

Однако в этом случае не совсем корректно использованы данные архивного документа, ссылка на который в тексте отсутствует. Во-первых, штатная комиссия Наркомата труда действительно решила представить Наркомпросу 15 пайков и утвердила следующий штат: директор, заместитель директора, ученый секретарь, семь научных сотрудников, библиотекарь, машинистка, курьер, сторож. Всего — 14 единиц. Но они и в оригинальном документе посчитаны почему-то как 15. Причем современные авторы, говоря о штате, имеют в виду исключительно научных работников, не учитывая вспомогательных. Во-вторых, непонятно, что означает фраза «остальные могли работать... по совместительству». В следующей части протокола заседания комиссии содержится пояснение. Здесь зафиксировано возможное количество совместителей: действительных членов — 15, научных

сотрудников — 12, лаборантов — 3³. Таким образом, можно увидеть предусматриваемое соотношение штатных и нештатных ученых Инбелкульта: 10 и 27, или 27 % и 73 % соответственно. Такое планирование было вполне логичным и обоснованным, если иметь в виду мизерный реальный научно-кадровый потенциал Беларуси того времени.

Констатация авторов «Института белорусской культуры» об утверждении штата в 45 человек также вызывает определенные сомнения. Читателю, специально не посвященному в тему, проблематично ее воспринять, поскольку в тексте книги очередной раз отсутствует ссылка на источник. Но из письма заместителя председателя Академического центра (АЦ, Академцентр)⁴ С. М. Некрашевича наркому просвещения, датированного месяцем ранее, 30 октября 1921 г., следует, что действительно было послано ходатайство для утверждения 45 пайков для сотрудников АЦ, «однако в этот состав не вошли два научных учреждения: ИБК и ИЕК [Институт еврейской культуры], для каждого из которых нужны по 30 академических, по 5 ответственных и 3 ударных пайка»⁵. Эта цифра по ИБК коррелирует с вышеуказанным планируемым штатом и совместителями. Значит, для одного учреждения им предусматривалось 38 пайков, что ни в одном из вариантов не соответствует информации книги «Институт белорусской культуры». Правда, существует документ, созданный почти через четыре месяца, который констатирует планирование штата института в 45 человек. Но в нем содержится информация о сокращении 16 февраля 1922 г. предполагаемого штата до 17 сотрудников⁶. Поэтому есть основания рассматривать позицию авторов коллективной монографии как ошибочную.

Кроме того, существовал не один, а несколько рабочих вариантов штатного расписания Инбелкульта. Например, предусматривался личный состав общего Института белорусской и еврейской культуры: председатель, секретарь и два сотрудника по совмещению⁷; 27 человек, в т. ч. по одному — сторож и делопроизводитель⁸; 35 работников⁹. П. Т. Петриков в статье, опубликованной за год до выхода «Института белорусской культуры», также обращал внимание на данное обстоятельство и приводил еще несколько вариантов штата, в том числе 15 и 22 человека¹⁰. Таким образом, во всех случаях мы имеем дело с суждениями,

построенными на одном из вариантов штатного расписания, представленных Наркомпросом в штатную комиссию Наркомата труда. Имеющиеся документальные материалы позволяют утверждать о проблематичности необоснованного выбора одного из них. Верификация первого кадрового состава института приводит к выводу о 17 работниках, зачисленных в качестве сотрудников Инбелкульта в течение января — марта 1922 г., но не о его первом штатном составе.

Обращали внимание на эту проблему и другие авторы. Но ими был выбран довольно оригинальный способ. Сначала они называют несколько фамилий, а затем пишут: «и др.». Приоритет в белорусской послевоенной историографии принадлежит В. А. Полуяну, назвавшему 12 фамилий первых членов ИБК¹¹. В. Н. Михнюк в 1979 г. значительно дополнил предшественника. Он привел наиболее полное для своего времени количество сотрудников — 16 фамилий¹². Его можно понять, поскольку в то время на страницах академического журнала проблематично было поместить имя Я. Ю. Лёсика, одного из четырех первых действительных членов ИБК, академика БАН, репрессированного в 1930 г. (возможно, умер от туберкулеза в саратовской тюрьме в 1940 г.) и окончательно реабилитированного только в 1988 г. Трудно понять другое, почему В. Н. Михнюком сохранена такая манера изложения материала, только с 10 фамилиями, в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (1996)¹³. То же повторено в следующей коллективной энциклопедической статье 1998 г.¹⁴ Подобным образом вопрос решен в сборнике документов, специально посвященном ИБК (11 фамилий «и др.»)¹⁵. Последний случай вызывает особенное удивление, поскольку энциклопедические публикации 1990-х гг. можно оправдать хотя бы ограниченностью объема их статей, обусловленной спецификой изданий. В объемном издании «Наука Беларусі в XX столетии» (2001) Н. В. Токарев привел имена всего шести сотрудников: председатель, секретарь и действительные члены¹⁶. В недавней публикации 2017 г. он вновь обошел вниманием этот вопрос, назвав всё тех же членов института¹⁷.

Ссылаясь на один из вариантов отчета ИБК и соответствующего отчета Академцентра от 16 мая 1922 г., П. Т. Петриков считал, что ИБК организовался в составе 16 членов¹⁸. В его позиции

есть определенное противоречие. На одной странице исследователь утверждает, что «первое общее собрание сотрудников института состоялось 30 января 1922 г.» В подтверждение им процитирован один из вариантов отчета ИБК, где говорится о первом заседании 28—30 января и про 16 человек первого состава, а на следующей — утверждается, что только приказом Академцентра от 11 февраля зачислены первые сотрудники¹⁹. При этом ответ на вопрос: «Кто и на каком основании участвовал в “первом общем собрании сотрудников института в январе?”» — отсутствует.

Выскажу одно наблюдение по этому поводу. Из текста самого П. Т. Петрикова следует, что первый штат ИБК сформирован не февральским приказом, что кадровые проекты и решения по сотрудникам учреждений Академцентра, в том числе Инбелкульты, делались предварительно, а по институту есть свидетельство ученого, обнаруженное им в архиве, о 1 октября 1921 г. — назначении С. С. Шпакова на должность секретаря ИБК²⁰. Другие, хотя и фрагментарные, материалы тоже подтверждают данную позицию. Так, 1 января 1922 г. в связи с сокращением штатов сделаны следующие «изменения и перемещения в составе» Академического центра: уволен секретарь ИБК С. С. Шпаков, члены Научно-терминологической комиссии (НТК) Л. У. Дашкевич и К. М. Цвирка-Годыцкий. 1 февраля 1922 г. М. А. Грамыка (председатель педагогической комиссии АЦ) и С. Я. Плавник (ред. журнала «Зоркі») переведены на должности научных сотрудников ИБК, а курьер АЦ М. Ф. Гучок — курьером ИБК²¹. Кроме того, П. Т. Петриков оставил без внимания некоторые положения приказа от 11 февраля. А им между прочего назначались 15 сотрудников, в том числе курьер Врублевский, но нет фамилии председателя института С. М. Некрашевича²². Последний довольно часто отсутствует в списках НТК и ИБК. Это обусловлено тем, что он занимал штатные должности заместителя председателя Академцентра до лета 1922 г., до ликвидации АЦ, а позже — инспектора научных учреждений Наркомпроса. Таким образом, вывод о формировании первого штата учреждения, его количестве и утверждении 11 февраля выглядит не вполне обоснованным.

Между тем источники, содержащие информацию о реальной численности сотрудников «первого» ИБК, не только доступны, но и известны авторам, которые истории института уделяли

хотя бы какое-то специальное внимание. Для того чтобы узнать об этом, не нужно проводить длительные архивные поиски. Данные опубликованы в известных изданиях. Так, еще в февральском (1922 г.) номере «Вестника Наркомпроса ССРБ» со ссылкой на комиссию по сокращению штатов²³ сообщалось о первоначальном стремлении директивных органов ввести в состав ИБК 15 человек и об изменении ими своего решения и оставлении 17 сотрудников²⁴. Сообщение журнала подтверждается решением Президиума ЦИК БССР (24.01.1922 г.): «ИБК — оставить на содержании только 15 сотрудников». Но уже через неделю их количество увеличено до 17, что зафиксировано документом под названием «Сокращенные штаты АЦ, посланные в Орг[анизационный] центр»²⁵. В мартовско-апрельском (1922 г.) номере того же журнала С. М. Некрашевич поместил фамилии 17 действительных членов и научных сотрудников, подчеркнув, что они занимают штатные должности²⁶. Аналогичная информация приведена в 1926 г.²⁷ Поэтому и в данном случае проблематичным выглядит вышеупомянутое утверждение П. Т. Петрикова не только об определении первого штата ИБК 11 февраля, но и о его 16 первых сотрудниках.

Представляется сомнительной концепция непрерывного поступательного развития ИБК с 1921 по 1928 г., соответственно которой от начала существования института происходило неуклонное увеличение кадрового потенциала, его научных свершений и расширения сферы деятельности. Не отошел от нее и П. Т. Петриков, по сути единственный, кто задумался и попытался как можно шире осветить вопрос, поскольку другие авторы, не упоминая Н. И. Галенчыка с его вниманием к 1924 г., говоря о работе Инбелкульта сразу переходят к 1925 г. Прочитую П. Т. Петрикова: «Инбелкульт начинал свое существование с 16 человек. Это количество в основном сохранялось в 1922—1924 гг.»²⁸ Кажется, ученый, как и отчет, могли не принять во внимание председателя ИБК: «Заместитель председателя Академического центра и председатель Терминологической комиссии Некрашевич, очевидно, “автоматически” стал и председателем Инбелкульта», — написал он в своей статье²⁹. Поскольку автором приведены фамилии, их можно сравнить, например, с информацией самого С. М. Некрашевича³⁰. При этом выясняется,

что у П. Т. Петрикова отсутствует научный сотрудник Л. Л. Бильдюкевич. Отмечу еще один аспект кадровой истории учреждения. Авторы некоторых поверхностных публикаций непосредственно искажают даже широко известную информацию. Так, своими новациями на этот счет отметился В. И. Новицкий, отнеся Я. Ю. Лёсика к членам-сотрудникам³¹, хотя такой должности в 1922 г. не существовало, а В. М. Киселёв «назначил» на должность действительного члена Н. Ф. Блюдуху, который не был в то время сотрудником Инбелкульта, «и др[угих]»³². Последний автор, правда, не проявил особой оригинальности, буквально повторив текст более раннего академического издания: «Первым председателем Инбелкульта был С. М. Некрашевич. В его состав действительными членами вошли Е. Ф. Карский, Н. Ф. Блюдуха, выдающиеся белорусские писатели И. Д. Луцевич (Янка Купала), К. М. Мицкевич (Якуб Колас) и др.»³³

Следовательно, невозможность всесторонней характеристики кадрового потенциала в 1970—80-е гг., позднейшее нежелание уточнять свои же предыдущие позиции в послесоветское время, привели к доминированию в наши дни политически обусловленной устаревшей информации. Всё это способствовало превалированию в текстах как одних и тех же лет, так и «прикрепленных» к ним одних и тех же цифр. Потому игнорировалась информация, противоречащая устоявшейся схеме, например помещенная в известном историкам издании 1924 г. Соответственно ей, на 1 октября 1923 г. Инбелкульт насчитывал в своем составе 12 сотрудников (дополнение к статье С. М. Некрашевича в конце книги без указания страниц. — *И. Ш.*)³⁴.

Упомянутая публикация — не единственное свидетельство о подобном количестве штатных сотрудников. Она встречается и в ряде архивных материалов. Впервые, насколько позволяют судить выявленные документы, штат ИБК в 12 человек фиксируется 29 августа 1922 г. Это же число фигурирует в более позднем приказе НКП (20 декабря 1922 г.). То, что данная численность была реальной, позволяет полагать, как кажется, пояснение к приказу: «Помимо штатных научных работников в Институт Белорусской Культуры могут входить и почетные члены... [они] никакого содержания от НКП не получают». Однако и здесь нельзя говорить про однозначность кадровой ситуации. Об этом

свидетельствует штат ИБК, по крайней мере, в июне 1922 г. Так, в одном из документов указывается, что 9 июня АЦ предлагал для утверждения 18 человек, а ЦИК оставил 15. Исходя из декабрьских данных можно допустить, что упомянутое ходатайство, в конце концов, не имело практических результатов. Обращу внимание и на распределение штатных должностей. В августе утвержден председатель и секретарь — по одному, председатели секций — 2, научные сотрудники — 5, действительные члены — 3. Декабрьский вариант несколько отличается: председатель и секретарь — по одному, члены — 9, делопроизводитель — 1³⁵. Таким образом, научных сотрудников в конце года насчитывалось 11 человек.

Очередные попытки увеличения количественного состава ИБК предприняты в начале 1923 г. Об этом свидетельствует записка инспектора научных учреждений НКП С. М. Некрашевича относительно персонального состава Инбелкульта, направленная 15 января наркому просвещения В. М. Игнатовскому (на русском языке, правки сделаны красными чернилами). Возможно, эта записка представляет собой проект приказа Наркомата:

«1. Председатель гуманитарной секции — И. Луцевич.
2. Председатель природоведческой секции — М. Громыко.
3. Секретарь Инбелкульта научный сотрудник В. Чаржынский.
4. Действительные члены: К. Мицкевич, Я. Лёсик и А. Смолич [последняя фамилия зачеркнута]. 5. Научные сотрудники: А. Круталевич, Азбукин, Гутковский, Н. Байков, В. Михальский. Бывшие сотрудники Инбелкульта С. Плавник, З. Жилунович, Ч. Родевич, М. Пятухович, Л. Бильдюкевич — оставляются при Инбелкульте почетными членами [последние два слова вычеркнуты]. Соответственно выборам Природоведческой секции Инбелкульта считать почетным членом Инбелкульта Я. Сераду. Считать почетными членами Инбелкульта всех лиц, избранных в 1922 г. [последние два предложения вычеркнуты]. Относительно назначения [последнее слово вычеркнуто] председателя Инбелкульта прошу сделать соответствующее распоряжение [от слова “прошу” все вычеркнуто и написано: остается С. М. Некрашевич]»³⁶. Таким образом, С. М. Некрашевич предлагал наркому утвердить фактически декабрьский (1922 г.) штат учреждения в 11 научных сотрудников. По всей видимости, это было

реализовано, поскольку на 1 марта 1923 г. штатный состав института насчитывал 12 человек³⁷.

Вероятно, В. М. Игнатовский всё же лучше ориентировался в тогдашних экономических (результаты новой экономической политики) и политических (в данном случае решения X съезда РКП (б) по национальной политике в марте 1921 г.), а также конкретных белорусских реалиях. Правильность его позиции подтверждается и решениями XII съезда РКП (б) в апреле 1923 г. (курс на ликвидацию хозяйственной и культурной неравности, на борьбу с великорусским шовинизмом и местным национализмом). Вскоре его позиция, зафиксированная в указанных выше правках, была реализована. Подтверждается сказанное и «Сведениями о национальном составе культурных учреждений Беларуси» (май 1923 г.). Они содержат данные о 16 белорусах и одном еврее в составе ИБК, всего — 17 человек³⁸. Октябрьский список позволяет в определенной степени верифицировать статистическую информацию. В нем перечислены 16 сотрудников без вспомогательного и технического персонала. Среди них — только два действительных члена (Я. Ю. Лёсик и К. М. Мицкевич), при том что отсутствует Е. Ф. Карский, а И. Д. Луцевич показан как председатель гуманитарной секции³⁹.

Сделаю небольшое отступление. Есть момент, который почему-то вызывает непонимание отдельных авторов. Это избрание действительных членов института. Обращаю внимание на него потому, что в литературе, как правило, встречается неадекватная констатация на данный счет. Приведу в качестве характерного примера текст М. П. Костюка. Пытаясь очертить биографию Е. Ф. Карского, он утверждал: «...в соответствии с уставом Ин-белкульта 1922 г. академик Е. Ф. Карский был выбран вместе с... С. М. Некрашевичем действительным членом Института белорусской культуры. Кстати, во время чрезвычайно широких таких выборов 1924 г. ... а также 1927 г. в соответствии с новым уставом Ефим Федорович как действительный член не фигурировал»⁴⁰. Цитата свидетельствует не только о незнакомстве автора с архивными материалами, но и о незнании научных трудов по затронутой проблеме, уже не говоря об их критическом осмыслении. Поэтому практически всё сказанное современным академиком — сплошные ошибки.

Перечислю их, немного забегаая вперед тематически, чтобы не упоминать несколько раз. Первое, то, что С. М. Некрашевич не был действительным членом первого кадрового состава ИБК, для современной историографии является прописной истиной. Скорее всего, здесь М. П. Костюк мыслил обычными ему категориями карьеры. Второе, на сегодняшний день отсутствуют неопровержимые данные об утверждении первого устава Инбелкульта. Третье, первых выборов действительных членов в 1922 г., так же как и после принятия положения 1924 г. и устава ИБК 1927 г., кстати, как и первых академиков БАН, не проводилось.

Чтобы не было сомнений, сошлюсь на официальные документы: 1. О первом кадровом составе БАН: «Образовать правительственную комиссию... которой поручить до 15 ноября 1928 года... подать в Совет Народных Комиссаров на утверждение... состав действительных членов Белорусской Академии наук»⁴¹. 2. 1925 г.: «Назначить... на трехлетний срок, согласно новой утвержденной структуры действительными членами Института Белорусской Культуры...»⁴². Действительные члены, в свою очередь, выбирали других сотрудников. Вот как описывала это газета «Звезда»: «В зале заседаний ЦИК — первое общее собрание действительных членов реорганизованного Инбелкульта... Выбрано 20 новых членов Инбелкульта как членов-сотрудников»⁴³. 3. Основанием для вывода о «чрезвычайно широких таких выборах» послужило исключительно количество назначенных действительных членов 16 января 1925 г. — 56, обусловленное не избирательным процессом, а спецификой целей, задач и структуры института. 4. «Список первого состава действительных членов... Института белорусской культуры утверждается (в данном случае употреблено как синоним слова “назначаются”. — *И. Ш.*) Советом Народных Комиссаров БССР» (решение СНК БССР в сентябре 1927 г.). 5. «Ефим Федорович как действительный член не фигурировал» вообще в документах Инбелкульта уже с мая — июня 1922 г. Позиция Михаила Павловича не вполне последовательна. Им почему-то не упоминаются «выборы» первых действительных членов БАН, список и назначение которых были составлены и утверждены в 1928 г., когда до смерти Е. Ф. Карского оставалось еще три года.

Приписывать авторство указанных ошибок исключительно М. П. Костюку было бы не совсем правильно. Он их только развивает и популяризирует, переписав из книги, членом редколлегии и автором введения и заключения которой он был четверть века назад. Именно в ней С. М. Некрашевич показан как действительный член, и приведенная выше фраза документа о назначении действительных членов заменена на: «Наркомпрос... утвердил личный состав Инбелкульта...» при ссылке на текст постановления⁴⁴. В своих заблуждениях по вопросу о выборах в институт М. П. Костюк также не был оригинальным. Буквально то же написано в приложении к той самой, отредактированной им монографии⁴⁵. На данное обстоятельство обратила внимание разве что одна научная сотрудница Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Н. Н. Пыско, отметив, что Наркомпрос в 1925 г. назначил первый состав членов Инбелкульта (в соответствии с положением 1924 г. — *И. Ш.*), резонно продолжив: «В дальнейшем кандидаты намечались секциями, избирались научным советом и утверждались Наркомпросом»⁴⁶.

Необходимо обратить внимание на следующий показательный момент, касающийся документов 1923 г. Так, в расписании штатов НКП ни в одном разделе, в том числе в инспекторiate научных учреждений, не указан Институт белорусской культуры как самостоятельное (отдельное) учреждение. В соответствующем разделе упоминается только Н. Романовская как делопроизводитель Инбелкульта⁴⁷. В названии другого документа вообще отсутствует сам институт. Оно сформулировано следующим образом: «Список научных работников Бело[русского] Гос[ударственного] Университета, Сельско-Хозяйственного Института и Академического Центра, зарегистрированных БелКУБУ» (15.03.1923 г.). Список представляет собой перечень 122 лиц. Тем не менее, ориентируясь на упомянутые мартовские протоколы, в нем можно выделить группу фамилий, носителей которых есть основания отнести к сотрудникам ИБК. В результате сделаем допущение, что в ИБК было занято 12 человек на 15 марта 1923 г.⁴⁸ Это косвенно подтверждает недатированный «Список научных работников по Институту Белорусской Культуры и Академического Центра, зарегистрированных КПБВ на получение Американск[их] посылок»⁴⁹.

Постоянный, хотя и незначительный, рост сотрудников Инбелкульта фиксируется в начале весны 1924 г. В соответствии с делопроизводством института, 6 марта он имел «в своем составе 25 лиц»⁵⁰. Опять же, документ не позволяет увидеть: сюда включены все работники учреждения, либо только научные, штатные научные, или вместе с совместителями. В дальнейшем буду исходить из допущения, что речь здесь идет обо всех работниках. Приведу еще один красноречивый факт. 21 марта в Президиум ИБК поступила записка, инициированная шестью сотрудниками. В ней предлагался ряд мер с целью «расширить и оживить» научную работу⁵¹. Таким образом, прослеживается стремительное развитие событий: рост научных сотрудников от 11—12 в конце 1923 г. до приблизительно 20 весной 1924 г. (без учета их штатной принадлежности). Эти наблюдения излагаются не только потому, что они позволяют увидеть истоки невероятно больших цифр сотрудников ИБК, публиковавшихся в печати во второй половине 1920-х гг. Одновременно они иллюстрируют внимание директивных органов к созданию действительно белорусского научно-исследовательского учреждения и безусловную поддержку их инициативы в этом направлении «снизу».

Определенную опосредованную информацию для раскрытия темы добавляет протокол общего собрания ИБК 26 марта 1924 г., в нем участвовало 14 человек. В перечне присутствующих за исключением девяти фамилий «старых» членов фигурируют пять новых: М. И. Горецкий, Я. Л. Дыла, Я. М. Серада, А. А. Смолич, И. И. Цвикевич. Кстати, П. Т. Петриков, без указания фамилий, почему-то считал присутствующими 13 членов ИБК⁵². Очевидно, в течение трех месяцев 1924 г. стали сотрудниками (нештатными?) В. Д. Друщиц, Я. Ф. Сушинский, И. И. Цвикевич, З. Х. Жилунович и Е. К. Успенский, которым давались поручения по организации новых секций.

Для уточнения, то есть установления реального штата ИБК, приведу должности новых сотрудников: преподаватели БГУ (Горецкий, Друщиц, Успенский), заведующие отделами Наркомата земледелия (Смолич, Серада), сотрудник НКП (Сушинский), работник Госплана БССР (Дыла), глава Центрархива БССР (Жилунович), зав. отделом в Белгосиздательстве (Цвикевич). Практически то же самое можно увидеть в следующем протоколе общего

собрания, состоявшегося 31 марта 1924 г., где присутствовало 24 человека, и также к «старым» добавились новые лица: М. С. Куделька, М. В. Мелешко, А. Ф. Павлович, М. М. Пятухович, С. В. Скандраков, А. А. Шлюбский⁵³. Ввиду объема статьи не буду перечислять основные места их работы, отмечу только, что Инбелкульт на то время таким местом не был.

Вместе с тем, согласно ведомости на получение зарплаты с января по сентябрь 1924 г. включительно постоянно и неизменно фигурируют 12 человек, а с июня без Я. Ю. Лёсика — 11. Приведу их фамилии: С. М. Некрашевич (фиксируется в списках до марта, с этого месяца добавился С. В. Скандарков как секретарь ЦБ краеведения), А. П. Круталевич (секретарь ИБК до апреля), Н. В. Азбукин, Н. В. Байков, М. В. Громыко, Н. М. Гутковский, Я. Ю. Лёсик, И. Д. Луцевич, К. М. Мицкевич, Ч. И. Родевич, И. И. Цвигевич, У. В. Чаржынский⁵⁴. Эти данные приводятся с целью в очередной раз акцентировать реальный кадровый штат без учета многочисленных совместителей, либо лиц, номинально участвовавших в работе учреждения. Необходимо иметь в виду, что тут представлено количество штатных сотрудников института накануне завершения его реорганизации (второго создания) в декабре 1924 г. — январе 1925 г. Именно с января — февраля этого года появятся невероятно и необоснованно завышенные цифры количества научных сотрудников Инбелкульта: 155 — в 1925 г., 224 — в 1926 г., 230 — в 1927 г.

Заключение

Таким образом, анализ кадровой ситуации в первые три года существования ИБК, за исключением эпизодических упоминаний о составе сотрудников, в историографии отсутствует. С начала 1970-х гг. создана картина, способствующая априорному впечатлению о неуклонном росте кадрового потенциала Института белорусской культуры в начальные годы его существования. Причем весь каркас таких представлений построен на одной тиражированной цифре, касающейся января 1922 г. — 15 человек. С 1992 г. появляется вторая — 16 научных сотрудников. За последние почти 50 лет проблема исследована не была, ее освещение осуществлялось на уровне первого конспективного знакомства,

не переросшего во всестороннее научное изучение. Немногочисленный круг авторов привык довольно уютно себя чувствовать в роли первооткрывателей на протяжении многих десятилетий. С течением времени привычные концепции перестали требовать подтверждения новыми данными, а потому они попросту игнорируются, как, например, статья П. Т. Петрикова и др. Результатом становится искажение научно-организационной истории истоков академической науки, которая, однако, требует к себе дальнейшего квалифицированного исследовательского внимания.

Примечания

- ¹ *Ігнатоўскі У.* Старонка з гісторыі культурнага будаўніцтва ў БССР // Бальшавік Беларусі. 1928. № 12. С. 10, 12.
- ² Інстытут беларускай культуры. Мінск, 1993. С. 9.
- ³ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 14.
- ⁴ Организация работы по созданию АЦ началась с назначения секретариата 27 июня, приказ о котором был отдан 11 июля 1921 г. (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 516. Л. 4). Среди основных задач, поставленных перед АЦ, в том числе были следующие: непосредственное руководство учреждениями, которые ставят перед собой чисто научную и художественную академическую работу (Академии, НИУ, ученые общества и т. д.), приглашение в Беларусь и подготовка собственных научных сил (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 516. Л. 4 ; *Петрыкаў П. Ц.* Інстытут беларускай культуры — 70 гадоў // Весті АН РБ. Сер. гуманіт. навук. 1992. № 5—6. С. 54). Существовал до июня 1922 года. В период кампании по сокращению штатов ликвидирован АЦ и Административно-организационный центр (Реорганизация Наркомпроса ССРБ // Вестник Наркомпроса ССРБ. 1922. № 7—8. С. 51).
- ⁵ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 513. Л. 45.
- ⁶ Там же. Д. 515. Л. 55.
- ⁷ Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
- ⁸ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 519. Л. 41 об.
- ⁹ Там же. Д. 152. Л. 6.
- ¹⁰ *Петрыкаў П. Ц.* Указ. соч. С. 56.
- ¹¹ *Палуян У. А.* Інстытут беларускай культуры і станаўленне беларускай савецкай навукі // Весті АН БССР. Сер. грамад. навук. 1972. № 6. С. 104.

- ¹² *Міхнюк У. М.* Інстытут беларускай культуры // *Весці АН БССР. Сер. грамад. навук.* 1979. № 1. С. 22.
- ¹³ *Міхнюк У.* Інстытут беларускай культуры // *Энцыкл. гіст. Беларусі : у 6 т.* Мінск, 1996. Т. 3. С. 491.
- ¹⁴ *Грамовіч У. У., Міхнюк У. М., Саламевіч І. У.* Інстытут беларускай культуры // *Беларус. энцыкл. : у 18 т.* Мінск, 1998. Т. 7. С. 226.
- ¹⁵ *Інстытут беларускай культуры, 1922—1928 : дакументы і матэрыялы / склад. В. У. Скалабан, М. У. Токараў.* Мінск, 2011. С. 4.
- ¹⁶ *Токарев Н. В.* Становление и развитие советской системы организации науки в БССР в 20—40-е годы // *Наука Беларуси в XX столетии.* Минск, 2001. С. 7.
- ¹⁷ *Токарев Н. В.* Институт белорусской культуры // *Национальная академия наук Беларуси : энцикл. справ.* Минск, 2017. С. 176.
- ¹⁸ *Петрыкаў П. Ц.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹ Там же. С. 56, 57.
- ²⁰ Там же. С. 55.
- ²¹ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 515. Л. 14.
- ²² Там же. Л. 64 об.
- ²³ Создание комиссии по сокращению штатов при Наркомпросе обусловлено стремительной бюрократизацией системы управления. Так, сообщалось, что с весны 1921 г. «с нэпом» аппарат Наркомпроса уменьшился в 5 раз приблизительно с 600 человек до 120. Через год заместитель наркома А. В. Балицкий констатировал сокращение аппарата Наркомата вместе с уездными ОНО с приблизительно 3 000 человек до 54 в сентябре 1922 г. (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 100). В это время территория республики состояла из шести уездов бывшей Минской губернии площадью 52,4 тыс. км² и населением чуть более 1,5 млн человек.
- ²⁴ Сокращение штатов и учреждений Наркомпроса // *Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ.* 1922. № 4. С. 24.
- ²⁵ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 121. Л. 1 об., 12.
- ²⁶ *С. Н.* Інстытут Беларускай Культуры // *Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ.* 1921. № 2. С. 15.
- ²⁷ *Інстытут Беларускае Культуры (Інбелкульт) : гісторыя ўзьнікнення. Сучасная структура. Навукова-дасьледчая дзейнасьць / апрацаваў А. І. Цьвікевіч.* Менск, 1926. С. 11.
- ²⁸ *Петрыкаў П. Ц.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁹ Там же. С. 57.
- ³⁰ *С. Н.* Указ. соч. С. 15.
- ³¹ *Навіцкі У.* Паслярэвалюцыйнае нацыянальна-культурнае адраджэньне: дасягненні, супярэчнасці і трагічнае спыненне (1917 — пачатак 30-х гг.) // *Гісторыя культуры Беларусі.* Мінск, 1996. С. 265.

- ³² *Кісялеў У. М.* Час акадэмічнай сталасці // Адукацыя і выхаванне. 1994. № 2. С. 9.
- ³³ Академия наук Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 14.
- ³⁴ *Некрашэвіч С. М.* Становішча культурна-асветных устаноў на Беларусі пры НЭП'е // Беларусь : нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэволюцыйнага руху. Менск, 1924. С. 249—261.
- ³⁵ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 209. Л. 11, 61, 65.
- ³⁶ Там же. Д. 209. Л. 4.
- ³⁷ Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 255. Л. 58.
- ³⁸ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1088. Л. 3.
- ³⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 255. Л. 29 об.
- ⁴⁰ *Касцюк М. П.* Акадэмік Я. Ф. Карскі — асноўныя вяхі жыцця і дзейнасці // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2016. Вып. 31. С. 9.
- ⁴¹ Аб рэарганізацыі Інстытуту Беларускае Культуры ў Беларускаю Акадэмію Навук : пастанова ЦВК і СНК БССР, 4 кастр. 1928 г. // Звязда. 1928. 14 кастр. С. 1.
- ⁴² Аб рэарганізацыі Інстытуту Беларускае Культуры : пастанова НКА БССР, 16 студз. 1925 г. // Абвесьнік Народнага Камісарыяту Асветы БССР. 1925. № 4. С. 2.
- ⁴³ К реорганизации Инбелкульта // Звезда. 1925. 3 февр. С. 4.
- ⁴⁴ Інстытут беларускай культуры. С. 14—15, 252.
- ⁴⁵ Там же. С. 252, 254.
- ⁴⁶ *Пыско Н. М.* Ад Інбелкульта да Беларускай акадэміі навук: нарматыўная база // Інстытут беларускай культуры : здабыткі, значэнне, вынікі дзейнасці : матэрыялы Міжнар. круглага стала, прысвечанага 95-годдзю Інстытута беларускай культуры, Мінск, 10 лістапада 2017 г. Мінск, 2017. С. 26.
- ⁴⁷ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 210. Л. 249.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 23 об., 24.
- ⁴⁹ Там же. Д. 4. Л. 18.
- ⁵⁰ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. 67. Д. 4. Л. 73.
- ⁵¹ Там же. Л. 85—85 об.
- ⁵² *Петрыкаў П. Ц.* Указ. соч. С. 58—59.
- ⁵³ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 535. Л. 16.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 3. Д. 272. Л. 60 об., 130 об., 141 об., 198 об., 265 об., 370 об., 375 об., 468 об., 538 об.

References

1. *Gramovich U. U., Mikhnyuk U. M., Salamevich I. U.* Instytut belaruskay kul'tury // Belarus. entsykl. : u 18 t. Minsk, 1998. T. 7.
2. Instytut belaruskay kul'tury, 1922—1928 : dakumenty i materyyaly / sklad. *V. U. Skalaban, M. U. Tokaraŭ.* Minsk, 2011.
3. *Kastsyuk M. P.* Akademik Ya. F. Karski — asnoŭnyya vyakhi zhytstsya i dzeynasti // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. Minsk, 2016. Vyp. 31.
4. *Kisyaleŭ U. M.* Chas akademichnay stalasti // Adukatsyya i vykhavanne. 1994. № 2.
5. *Mikhnyuk U.* Instytut belaruskay kul'tury // Entsykl. gist. Belarusi : u 6 t. Minsk, 1996. T. 3.
6. *Mikhnyuk U. M.* Instytut belaruskay kul'tury // Vestsi AN BSSR. Ser. gramad. navuk. 1979. № 1.
7. *Navitski U.* Paslyarevalyutsyynae natsyyanal'na-kul'turnae adradzhenne: dasyagnenni, supyarechnasti, abryŭ (1917 — pachatak 30-kh gg.) // Gistoryya kul'tury Belarusi. Minsk, 1996. Gl. 5.
8. *Paluyan U. A.* Instytut belaruskay kul'tury i stanaŭlenne belaruskay savetskay navuki // Vestsi AN BSSR. Ser. gramad. navuk. 1972. № 6.
9. *Petrykaŭ P. Ts.* Instytutu belaruskay kul'tury — 70 gadoŭ // Vestsi AN RB. Ser. gumanit. navuk. 1992. № 5—6.
10. *Pysko N. M.* Ad Inbelkul'ta da Belaruskay akademii navuk: narmatyŭnaya baza // Instytut belaruskay kul'tury: zdabytki, znachenne, vyniki dzeynasti : materyyaly Mizhnar. kruglaga stala, prysvechanaga 95-goddzyu Instytutu belaruskay kul'tury. Minsk, 2017.
11. *Tokarev N. V.* Institut belorusskoy kul'tury // Natsional'naya akademiya nauk Belarusi : entsykl. sprav. Minsk, 2017.
12. *Tokarev N. V.* Stanovlenie i razvitie sovetzkoy sistemy organizatsii nauki v BSSR v 20—40-e gody // Nauka Belarusi v XX stoletii. Minsk, 2001.

В. А. Порозов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ИСТОРИКО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ**

Введение. Формация и цивилизация

«Формационников» и «цивилизационников» в среде обществоведов зачастую представляют как две чуть ли не противопоставляемые «партии». Между тем в их подходах к анализу исторического процесса больше общего, чем особенного. Основоположники формационной теории К. Маркс и Ф. Энгельс термином «цивилизация» пользовались весьма эффективно и вовсе не считали, что один подход исключает другой. А если учесть, что в традиции «цивилизационников» сложились свои два подхода — стадийный и локальный, то сам формационный подход возможно обозначить лишь как развитие стадийного, считая первобытное общество доцивилизационным, а последующие формации — ступенями цивилизационного роста.

Соотношение формаций и цивилизаций графически можно представить следующим образом (см. рис.).

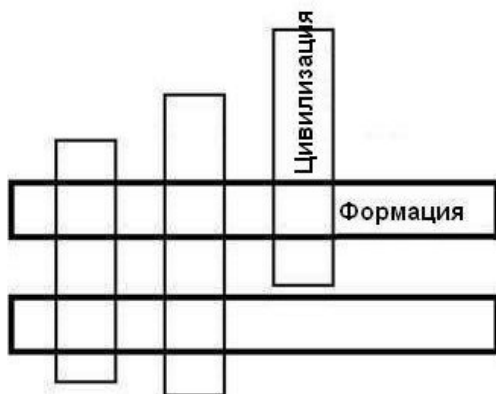
Кстати, именно на образующихся «перекрестках» построил свои «цивилизации» Ю. В. Яковец, чей дважды изданный учебник был рекомендован для студентов высших учебных заведений¹.

© Порозов В. А., 2019

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. porozov_va@perm.ru

Porozov Vladimir Aleksandrovich — candidate of historical sciences, associate professor of the department of philosophy and social sciences of the Perm state humanitarian and pedagogical university.

Разумеется, в заявленном контексте речь идет о локальных цивилизациях как сосуществующих на планете социальных организациях, а не о всемирной цивилизации в целом. В последнем, самом широком, контексте понятия «цивилизация» и «культура», как известно, совпадают. Далее пути историков и культурологов чаще всего расходятся: культурологам удобнее рассматривать цивилизации как части культуры, тогда как историки в большинстве случаев культуру представляют частью цивилизации, точнее — как один из существенных признаков, одну из важнейших составляющих цивилизационного организма. Зная о множественности определений понятия «культура», этому вряд ли следует удивляться, а понятие «цивилизация» однозначно определяемым тоже не назовешь.

Понятие локальной цивилизации: поиск консенсуса

В любом случае цивилизационный подход к анализу общественных явлений имеет глубокую историческую традицию², свой ряд классиков, к которым в качестве основоположников можно отнести В. Р. де Мирабо, А. Фергюсона, П. А. Гольбаха, Н. А. Буланже, Вольтера, Д. Дидро, К. А. Гельвеция, Ж. Л. Д'Аламбера, Ш. Л. Монтескьё, А. Смита, в числе ведущих разработчиков — Ж. Ж. Руссо, Дж. Вико, И. Г. Гердера, Г. Т. Бокля, Г. Рюккерта, Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, как корифеев —

Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. Определенную роль в развитии концепции сыграли труды Ф. Гегеля, Ф. Шлегеля, В. Й. Шеллинга, Новалиса, Ш. Фурье, К. Маркса, Ф. Энгельса, Л. Г. Моргана, К. Н. Леонтьева, Э. Дюркгейма, В. Г. Чайлда, Ф. Бэбби, К. Квингли, В. Х. Макнила, М. Мелко, А. Л. Крёбера, К. З. Лоренца, К. Доусона, И. М. Валлерстайна, Ш. Н. Айзенштадта, Л. Н. Гумилева, У. Ростоу, Дж. Белла. Наиболее известным в XX веке стал вклад в развитие цивилизационной теории М. Вебера, А. Вебера, П. А. Сорокина, К. Ясперса, С. Хантингтона.

В этой традиции допустимо дать следующее определение цивилизации. Локальные цивилизации — социальные организмы на планете Земля, конгломераты народов и государств, у которых общего больше, чем особенного, внутри данного организма, а особенного больше, чем общего, — в сравнении с другими подобными образованиями.

Набор существенных характеристик, отличительных черт или признаков цивилизации у разных исследователей различен, но есть определенные и даже полные совпадения. Так, общность языка признается лишь некоторыми цивилизационниками, а общность доминирующей религии — всеми. Учитывая это, можно дать еще одно определение цивилизации. В отличие от приведенного ранее «короткого», назовем его «длинным». Под цивилизацией будем понимать часть человеческого общества на определенном этапе его развития в пределах хронологических и территориальных границ, в которых проявляется качественное своеобразие существенных черт: в природопользовательской и экономической деятельности при наличии развитых ремесел/промышленности, городов и торговли, системы коммуникаций; в государственной и правовой организации общества; в религиозных воззрениях, структурированных идеологических концепциях, своеобразии менталитета человека; в достижениях науки, образования, литературы, искусства, фиксируемых в письменных памятниках и художественных произведениях.

На сегодняшний день в нынешнем цивилизационном цикле (возможно, он не первый) с достаточной степенью определенности можно выделить такие полностью сформировавшиеся цивилизации, как: 1) древнеегипетская; 2) месопотамская; 3) древнеиранская;

4) античная (с крито-микенским, древнегреческим и древнеримским этапами, также иногда называемыми цивилизациями); 5) индийская; 6) буддийская; 7) китайская; 8) японская; 9) западнохристианская; 10) византийская; 11) российская; 12) исламская (мусульманская); 13) майя-ацтекская; 14) инкская; 15) латиноамериканская. Эти цивилизации имеют полный набор указанных признаков, сущностных черт, отличающих один социальный организм от другого. Они с разной скоростью, но сопоставимо, особенно с учетом «ухода-возврата», движутся по этапам зарождения и развития цивилизации или уже прошли полный жизненный цикл. Африканская цивилизация, безусловно, имеющая право на существование, находится, скорее всего, в стадии становления и цивилизационных очагов, расположенных в сферах влияния тех или иных из вышеназванных лидирующих в современном мире цивилизационных организмов.

Интеллигенция в локальной цивилизации

При всей глубине и значимости цивилизационной традиции общественнознания вопрос о роли интеллигенции в становлении и развитии цивилизаций до сих пор не ставился. С одной стороны, этому не следует удивляться, поскольку цивилизационная теория развивается с XVIII века, на существование же интеллигенции/интеллектуалов как социальной группы внимание обратили лишь во второй половине XIX века³, а интеллигентоведение как самостоятельная отрасль знания зародилось только в 90-е годы века двадцатого⁴.

Между тем, нельзя не заметить, что если смена формации осуществляется в основном по объективным законам материального мира, реализуемым прежде всего через способ производства, то в зарождении и развитии цивилизаций важную роль играет именно субъективный фактор. Да, многие классики цивилизационной теории обращали внимание на определяющее влияние климата, рельефа местности, наконец, языка. Но с развитием теории всё бóльшая роль в конструировании модели отводится особенностям природопользовательской деятельности в рамках определенной формации и способа производства, организации государства, оформлению религиозных воззрений, праву,

менталитету, наконец, культуре, понимаемой как сфера социальной деятельности, включающая в себя науку, образование и художественную культуру (литературу, искусство, отчасти — физическую культуру и спорт).

Закономерен вопрос: кто создает государственные учреждения, утверждает церковный обряд, принимает законы, регламентирует определенный образ жизни, занимается научной деятельностью, лечит и учит детей, создает художественные ценности? Разумеется, представители интеллигенции. И то, что по важнейшим вышеуказанным характеристикам отличает одну цивилизацию от другой, во многом было обусловлено их деятельностью. Вместе с тем интеллигенция в этом тоже полностью не свободна, мысли, чувства, поступки интеллигента во многом определены объективными факторами, но выбор вектора во многом был и даже сегодня остается его личным, внутренним делом.

Интеллигенция и интеллектуалы

Однако историки школы Анналов и, в частности, Фернан Бродель обратили внимание на следующее: «В каждую эпоху общественные массы вырабатывают определенное главенствующее представление об окружающем мире, ими движет господствующее коллективное мышление. Это мышление, которое определяет отношение, выбор, усугубляет предрассудки и влияет на общественные процессы, является безусловным цивилизационным фактом... Реакция общества на происходящие события, на оказываемое на общество давление, на принимаемые решения, которых требует общество, в меньшей степени обусловлена логикой или даже личным интересом, чем неформулируемым и часто невысказанным требованием, которое возникает в глубинах коллективного подсознания. Эти основополагающие ценности, эти психологические структуры представляют собой то, что цивилизации *в наименьшей мере передают одна другой*, что их изолирует и наиболее различает. Это мышление также мало подвержено влиянию времени. Мышление изменяется медленно, оно преобразуется после долгих “инкубационных” периодов, также мало осознаваемых»⁵.

Очевидно, что речь идет о менталитете, тесно связанном с социальной психологией. Но отсюда следует простое умозаключение: сила интеллигента в масштабе выражения этого менталитета и реализации его в своей деятельности. Да, можно считать себя интеллектуалом-эсперантистом и попытаться выработать какую-то свою, наднациональную, космополитичную систему мышления, поведения и ценностей, но пока очевидных успехов на этом пути не наблюдается. Проще вписаться в англоязычную среду интеллектуалов западной цивилизации, к которой тот же Бродель без обиняков относил Россию до 1917 года. В том и другом случае есть свои достижения и свои потери. Размышляя над этим, историк пишет: «Конечно, сегодняшний разговорный русский — это не рафинированный русский язык прошлого. Образование утилитарно, оно поставило на поток производство интеллигенции, в которой нуждается современная жизнь, а также специалистов — от инженера и учителя до университетского профессора. По замечанию одного из обычно снисходительных наблюдателей, школа готовит полу-интеллигентов. Справедливо ли это? Может быть, эта полукультура большинства населения есть следствие создания новой страны, как нам часто подсказывают, а может быть, она попросту присуща возникающей массовой цивилизации... Кто знает? Во всех развитых в промышленном отношении странах мира, в Европе и Америке, образование по мере охвата всё более широких слоев населения имеет тенденцию к специализации, что приводит к снижению уровня общей культуры. <...> В любом случае, когда мы сравниваем представителей интеллектуальной элиты, то оказывается, что советская интеллигенция, советские ученые и профессора, если не учитывать их идеологических особенностей, ни в чем не уступают европейцам или американцам того же уровня. Все они наследники одной культуры»⁶.

Заметим также, что хотя основные параметры цивилизации формируются в городе, главную специфику, «окрас» той или иной цивилизации хранит и определяет деревня, село. Отсюда, кстати, такая ненависть глобалистов к аграриям и стремление уничтожить русскую деревню в приснопамятные девяностые. Так что если сила интеллектуала (как он себя определяет) чисто в умственной (научной, художественной) деятельности, то интеллигент

силен своей связью с народом и просто обязан быть почвенником. «...Женские и семейные проблемы у Ибсена, Стринберга и Шоу, импрессионистские тенденции анархической чувственности, весь этот букет современных томлений, искусов и страданий, выражением которых является лирика Бодлера и музыка Вагнера, — остроумно замечает Шпенглер, — предназначены не для мироощущения деревенского и вообще естественного человека, а исключительно лишь для городского головного человека. Чем меньше город, тем бессмысленнее возня с этими живописью и музыкой»⁷. Впрочем, противопоставляя эти явления Платону и Канту, имеющим значение «для всего высшего человечества в целом», Шпенглер отнес к вышеозначенному «букету» и социализм, и дарвинизм. Непостижимым явлением для русского народа объявляет Шпенглер и капиталистическую экономику⁸.

От прото(пред)интеллигенции до «класса управляющих»

Хотя интеллигентоведение, до сих пор многими не признаваемое, предельно молодо, интеллигенция «стара как мир». Как на рубеже первобытного и классового общества возникают протоцивилизации и цивилизационные очаги (некие зародыши цивилизаций), так на стадии разложения первобытнообщинного строя (военной демократии) возникает прото(пред)интеллигенция. А. И. Першиц, рассматривая в истории первобытного общества процесс выделения умственного труда, обращает внимание на следующее: «Начало этому было положено выделением организаторско-управленческой, жреческой и полководческой деятельности, занятие которой в процессе усложнения хозяйственной и общественной жизни стало сперва частично, а затем полностью освобождать от непосредственного участия в производстве. Процесс разделения физического и умственного труда шел всё дальше, захватывая новые профессионализирующиеся области духовной жизни. Профессиональными интеллигентами становились выдающиеся певцы, сказители, танцоры, постановщики театрализованных мифологических представлений, прославленные мастера в различных областях изобразительного и прикладного искусства, знатоки обычаев и родословий, знахари. Обычно такие люди

обслуживали значительные по размерам общности людей и получали за свой труд вознаграждение продуктами, вещами и примитивными деньгами. Основной их клиентурой становилась родоплеменная знать и многие из них оседали при дворах вождей»⁹.

Немаловажным представляется и следующее замечание: развитие и обогащение духовной культуры в результате этого процесса несомненно, «каковы бы ни были ценностные ориентации этой древнейшей интеллигенции»¹⁰. Вот эти ценностные ориентации и определяли во многом путь развития цивилизации. Ведь объективные условия Малой Азии были примерно одинаковы для хеттского, фригийского, лидийского, древнесирийского, финикийского и нескольких других цивилизационных очагов, но в упорной борьбе доминировал лишь тот или иной, а в конечном счете территория вошла в сферу реализации цивилизации исламской.

Именно этот «управленческий момент» роли и деятельности интеллигенции отразил в своей весьма спорной концепции В. В. Возилов, объявив интеллигенцию «классом управляющих»¹¹. Однако проблема в том, что управление может быть эффективным и неэффективным, гуманным и антигуманным, и здесь без нравственной составляющей не обойтись. Ибо управленческая деятельность, направленная на разрушение цивилизации (Нерон, Гитлер), не может быть признана интеллектуальной и, тем более, интеллигентской и интеллигентной.

Окончательное оформление интеллигенции как таковой произошло, по-видимому, одновременно с формированием человека современного типа. Карл Ясперс вводит понятие осевого времени и относит его к периоду между 800 и 200 гг. до н. э. В это время, по мнению мыслителя, человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы¹². Без наличия в обществе специализирующихся на таком осознании интеллектуалов/интеллигенции этой задачи не решить.

О национальном, глобальном и цивилизационном

Цивилизации, как любые живые организмы, борются за место под солнцем, и важным фронтом этой борьбы является интеллигенция. Давно замечено, что гораздо эффективней прямых военных столкновений может стать создание и активизация

деятельности «пятой колонны» внутри социума потенциального противника. Биологическая основа человека подталкивает его к объявлению лидирующей цивилизации, добившуюся наибольших успехов в материальной сфере. Начиная с эпохи Возрождения такой рывок удалось совершить западной цивилизации, практически поработившей интеллигенцию пограничья, что легко проследить на примере Польши, и завоевавшей немало сторонников в среде интеллигенции цивилизации российской. Это бросается в глаза любому мыслящему человеку: вспомним А. С. Грибоедова («Ах! Франция! Нет в мире лучше края!»); Ф. М. Достоевского (Из кармана «честной русской мысли» в виде своеобразно выглядевшего господина средних лет «выглядывало распечатанное письмо из-за границы, заключавшее в себе удостоверение, для всех сомневающихся, в честности “честной русской мысли”»¹³); Н. Я. Данилевского, вновь возвращающего нас к Грибоедову: «Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинств наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал»¹⁴.

В принципе это не противоречит взглядам на интеллигенцию Арнольда Тойнби, который характеризует ее следующим образом: «В любом обществе, пытающемся решить проблему приспособления жизни к ритму чуждой цивилизации, существует потребность в особом общественном классе, который служит в качестве человеческого аналога “трансформатора”, преобразующего электрический ток одного напряжения в другое. Этот класс, который создается (часто совершенно внезапно и искусственно) в ответ на данное требование, в общем, стал известен под особым русским названием “интеллигенции”. Интеллигенция — это класс “офицеров связи”, которые изучили хитрости ремесла вторгающейся цивилизации в такой степени, в какой это необходимо. Благодаря их посредничеству их собственное общество становится способным удерживать свои позиции в том социальном окружении, где жизнь уже не проживалась в согласии с местной традицией, а во всё большей мере в том стиле, который был навязан вторгающейся цивилизацией подпавшим под ее власть чужеземцам»¹⁵.

Можно сказать, что речь идет, по аналогии с буржуазией, о «ком-прадорской» интеллигенции.

Классик цивилизационной теории показывает процесс формирования интеллигенции, который блестяще можно иллюстрировать примерами из русской истории XIX века, как, впрочем, и более ранних ее периодов. Сначала, следуя объективным требованиям развития государства, это офицеры (декабристы, или же как у Тойнби, военачальники Петра I, или даже пушкари Ивана IV), затем дипломаты, потом купцы. «Наконец, по мере того как закваска или вирус “западничества” входит всё глубже и глубже в социальную жизнь подвергающегося процессу ассимиляции общества, интеллигенция развивает свои наиболее характерные типы: школьного учителя, который учится тонкостям преподавания западных дисциплин; чиновника, который усваивает практику государственного управления в соответствии с западными формами; юриста, который приобретает умение применять версию “Кодекса Наполеона” в соответствии с французской судебной процедурой»¹⁶.

Этой чужеродностью происхождения и функций интеллигенции мыслитель остроумно объясняет двойственность ее мышления и поведения, поскольку «интеллигенция родилась, чтобы быть несчастной»: с одной стороны, она отчуждена от своего народа, с другой — не принимается всерьез породившими (пусть невольными) и даже оплачивающими ее западными партнерами. В любом случае следует подчеркнуть, что интеллигенция как социальная группа у Тойнби явление не только российское: в определенные периоды истории (с XVI века — вне сомнений!) он видит оттоманскую, китайскую, левантийскую, греческую, армянскую, индусскую интеллигенцию и т. д. Подобные взгляды высказывает Иммануил Валлерстайн: «Идеология интеллигенции, будь то славянофилов или марксистов, вращается вокруг отношения к Западу, к капитализму. Эта проблема отнюдь не только российская, как прекрасно знают и поляки, и китайцы, и турки»¹⁷. Весьма сходные взгляды находит у американского специалиста по России Анджея Валицкого, американца Чарльза Тимберлейка, француза Р. Филиппо ивановский ученый С. М. Усманов.

Однако сам он приходит к выводу о крайней недостаточности такой характеристики: «интеллигенция есть новый социальный слой автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу»¹⁸. Одна из самых очевидных в истории России интерпретаций этого идеала — понимание необходимости подчинения своей деятельности интересам народа. Не потому ли в рассуждениях Арнольда Тойнби о роли элиты¹⁹ некоторые современные российские исследователи склонны видеть продолжение традиции немецкой классической философии, называя именно интеллигенцией интеллектуальное меньшинство, которое способно и, скорее, обязано находить и давать достойные ответы историческим вызовам, генерировать идеи, обеспечивающие разрешение очередной проблемы общества, и выводящее общество в новое качество, на более высокий уровень его развития²⁰.

Именно в таком контексте А. Тойнби цитирует знаменитое высказывание Г. Уэллса: «Все мои надежды на будущее связаны с верой в то серьезное меньшинство, что так существенно отличается от равнодушной и безликой массы нашего общества. Я не могу понять смысла любой большой религии, я не могу объяснить конструктивного хода истории, пока я не обращусь к этому вдумчивому меньшинству. Они Соль Земли, эти люди способны посвящать свои жизни отдаленным и величественным целям»²¹. Так насколько же объективно деление этой «соли Земли» на национальные отряды, и насколько она способна слиться с народными массами, отвечать их сокроенным чаяниям? Или же она останется тем, чем была бóльшая ее часть в условиях генезиса в первобытную эпоху — либо власть имущими, либо вымаливающей подачки служанкой таковых?

Косвенно отвечая на эти вопросы, Шпенглер находит отграничение Европы от «матушки России», которое проводит «русский инстинкт» «с нашедшей свое воплощение в Толстом, Аксакове и Достоевском враждебностью», «справедливым и глубоким»²². Подобным же образом он объясняет масштабность и трагизм Великой российской революции: «То, что придало этой революции ее размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без *ненависти* лишь из стремления исцелиться

от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих — тою же дорогой; не знающий городов народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории»²³. Представители творческого меньшинства способны, по А. Тойнби, удалиться ради высоких целей из повседневной жизни общества, а потом вернуться в него даже после своей смерти²⁴. Надо ли удивляться, что среди российских интеллигентов, переживших что застой, что 1990-е годы, именно данная мысль столь популярна и цитируема²⁵.

Другой вариант остаться «на плаву» — изображать из себя интеллектуала без определенных социальных обязательств, например под хрестоматийным лозунгом искусства для искусства. В XX веке такая позиция обычно подкрепляется формулировкой А. Вебера «свободно парящая» или, иначе, «социально не связанная» интеллигенция. В любом случае перспективы интеллигенции становятся всё более мрачными. А. Ю. Карпова и Н. Н. Мещерякова интерпретируют одну из поздних работ П. А. Сорокина («Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор») следующим образом: «П. А. Сорокин... продолжил тему отрицательной селекции интеллигенции, вскрывая ее механизмы в мирное время, связывая ее с искушениями чувственной культуры, стремлением к власти и удовольствиям. Исследователь подчеркивает, что противостоять деградации возможно, только лишь имея твердые убеждения и моральные принципы. Но если в среде интеллигенции, которая, по выражению П. А. Сорокина, “мозг и совесть” страны, утрачено нравственное мерило, идейный кризис неизбежен. Российская интеллигенция прошла ту же мутацию, что и всё общество в целом, не пережила искус потребления, сдалась перед “мягкой силой”. Это относится и к ее богатым и бедным сегментам. Первые живут в условиях излишней сытости, последние испытывают чувство неполноценности из-за несоответствия современным имиджевым стандартам. В таких условиях и в верхах, и низах нравственный модернистский проект невозможен»²⁶.

Внутренние противоречия интеллигенции и цивилизационный процесс

Однако в современной России ситуация не столь критична, как в девяностые. Приток западных средств резко сократился ввиду мировых финансово-экономических проблем и разочарования в эффективности использования вложенных ресурсов даже на Украине. Западные лидеры упорно выставляют себя прямотаки в карикатурном виде (отравление Скрипалей, «газовые атаки» в Сирии и т. п.), им соответствуют шоуменствующие «поборники демократии» с Болотной площади. Народ пытается передохнуть, легко расставшись с лозунгами эфемерной свободы ради относительной стабильности. Но это не означает, что «гроза миновала». «Удостоверяющие письма» спрятаны поглубже, но отнюдь не выброшены, и любая ошибка власти, которая, как и сто лет назад, в императорские времена, не выказывает ни малейшего желания с лояльной, но не принадлежащей к «высшим сферам» интеллигенцией сотрудничать, вновь может привести к роковым последствиям. До некоторых весьма важных дел, в частности в области образования и культуры, у выстроенной по авторитарной модели «вертикали власти» явно не доходят руки, что вновь и вновь доказывает, например, пресловутая «Золотая маска», расставляющая сомнительные приоритеты в театральном искусстве от имени стыдливо не называемой нации²⁷.

Многие из проблем, с которыми сталкивается интеллигенция каждой отдельной страны, также могут быть объяснены с цивилизационных позиций. Цивилизации как живые организмы по законам чуть ли не биологического мира имеют ядро (оно может перемещаться и даже удваиваться, как показало развитие Западной Европы и Северной Америки), функциональные очаги, сферы влияния, периферийные и пограничные регионы, тенденции к делению.

В эффективном функционировании каждого из этих элементов также важна роль осознанного, целенаправленного действия, которое и обеспечивается интеллигенцией. Здесь также можно найти различия, даже трения, между разными категориями интеллигенции, выросшими в том или ином «сегменте»: например, между столичной и провинциальной интеллигенцией. Так,

победа пермской интеллигенции над «гельмановщиной» (увы, далеко еще не полная и не окончательная), привлекая столь широкое внимание российской общественности²⁸, была бы еще более затруднительна, опираясь руководители московской и западной экспансии на готовые к ней местные силы. Сегодня выводы сделаны и работа с провинциальными адептами идет весьма активно: через «Лабораторию современного зрителя», «Школу театрального блогера» и другие «спецподразделения» готовятся молодые кадры.

В целом даже элементарные подсчеты аспиранта из Республики Коми в конце прошлого десятилетия показали, что при существующей динамике снижения доходов у большинства россиян и перераспределения денежных средств в сторону наиболее богатых слоев общества «происходит процесс сворачивания опоры современного государства — среднего класса». Отсюда пессимистический, хотя и не окончательный вывод: «Всё это усугубляется культурно-нравственной деградацией населения современной России, в результате чего в стране может вновь (как и в 90-х годах XX в.) наступить дефицит порядочных госслужащих, военных, простых рабочих»²⁹.

Интеллигенция и глобализация

В любом случае нового железного занавеса не создать, поскольку путь-то у нас, у человечества, один, ибо с большой долей вероятности можно вывести закон укрупнения цивилизаций³⁰. Если в текущем цивилизационном цикле сравнить древние цивилизации (древнеегипетскую, месопотамскую) с современными (китайской, российской, мусульманской и др., не говоря уже о пытающейся поглотить весь мир западной), то очевидны возрастание их размеров и мощи, способность впитывать в себя иные народы и государства, иные цивилизационные очаги. Этот процесс слияния цивилизаций и является глобализацией, а то, на что порой обращается первостепенное внимание (единство коммуникаций, система управления «семеркой», «восьмеркой», «двадцаткой» и т. п.), — лишь инструментарий этого процесса. Закономерность объективна, противостоять процессу глобализации

невозможно. Однако надо видеть и опасности чрезмерной унификации, всевозможными способами развивать уникальное цивилизационное и региональное наследие во всех сферах, и в первую очередь в области духовной и художественной культуры.

Надо ли подчеркивать роль и ответственность интеллигенции в решении этой задачи? Ведь один из главных пороков андеграунда в том и заключается, что городской подвал — место его рождения и идеального функционирования — сегодня одинаков в Париже и Иваново, Токио и Перми. Порожденный индустрией уродец вылез из этого подвала, захватывает командные высоты и учит нас жить. Не случайно один из столпов переживаемого кошмара носил фамилию Мортье³¹, и наша культура порой действительно оказывается в четырех шагах от смерти.

Но смерть угрожает не только со стороны каких-то на удивление неумных политиков, нравственно разлагающихся деятелей художественной культуры, ей постоянно угрожает выпущенный из бутылки джин современной науки. И речь не только об атомной бомбе. Из восьми выделенных «смертных грехов» цивилизованного человечества Конрад Лоренц поставил ее на последнее место, ибо справиться с этой угрозой легче всего³² (впрочем, и тут мы пока не на высоте). Абсолютное большинство ученых согласны с тем, что человечество вошло в фазу перехода от индустриального общества к постиндустриальному, а процесс глобализации, объективный в своей основе, стремительно ведет к рождающейся на наших глазах мировой цивилизации. Но какой она будет, как будут выглядеть ее основополагающие, как и для предыдущих локальных цивилизаций, характеристики? Наиболее распространенными и взаимоисключающими концепциями постиндустриального общества являются информационно-кибернетическая и гуманистически-ноосферная. И если в формировании глобальной цивилизации по второму варианту именно интеллигенции принадлежит ведущая роль, то гуманитарии, всерьез рассуждающие о смерти интеллигенции, вольно или невольно являются адептами варианта первого.

Последствия такого выбора нетрудно предвидеть. «Великие общественные силы современности — Демократия и Индустриализм, — приведенные к жизни западной цивилизацией, — писал

А. Тойнби, — возникли из глубин творческого меньшинства, и это меньшинство стоит сейчас под вопросом, способно ли оно руководить и управлять гигантской энергией высвобожденных сил... Мера нравственного убожества и деградации современного человечества в полной мере видна на страницах “желтой прессы”. В извращенности западной прессы также ощущается властная сила современного западного индустриализма и демократии, стремящаяся удержать основную массу людей, и без того ущербную в культурном отношении, на как можно более низком уровне духовности. Та же сила вдохнула жизнь в порочные институты Войны, Трайбализма, Рабства и Собственности. Творческое меньшинство в современном западном мире находится перед опасностью регресса, а земля, преображенная творческим актом, оказалась в руках новых сил и нового аппарата власти. Совершается преступление, и нельзя утверждать, что впереди нас не ждут еще большие несчастья»³³.

Ожидания не замедлили реализоваться. «Желтая пресса» сменилась компьютерной «вермишелью», и поступок любого извращенца в одной части света становится примером для десятков других по всему миру. Информационное общество, предостерегал Н. Н. Моисеев, «действительно оказывает революционизирующее влияние... стремительно меняя условия нашей жизни. Оно оказывает огромное влияние на духовный мир людей и способно перестраивать основы нравственности. Человек обрел в нем могучее, но крайне опасное оружие, не менее могучее и не менее страшное по своим последствиям, чем атомная бомба». «Представим себе, что вся та грандиозная информационная система, которая уже создана на нашей планете и мощность которой возрастает экспоненциально с каждым десятилетием, окажется однажды в руках небольшой группы людей, преследующих собственные корыстные интересы... В подобной ситуации произойдет глобальное зомбирование планетарного человечества. Это будет изощренный информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству, хотя он и будет носить “цивилизованный” характер... Это — конец истории, ибо подобное общество будет обречено»³⁴.

Поиск пути

Поиском путей преодоления возникших опасностей заняты лучшие умы современности. Многие из них приходят к выводу, что панацеей от надвигающихся бед может стать новое гуманистическое планетарное мышление, которое общими усилиями и должна выработать интеллигенция. Окончательные формы такого мышления пока не найдены, но поиск идет. Причем потребность в этом поиске явно объективна: вспомним о планетарном размахе идеологии марксизма, несмотря на его неприемлемую многими агрессивность. Проблему пытался разрешить и К. Ясперс, формулируя свои принципы общечеловеческой коммуникации как своего рода интеллектуальной религии³⁵.

В этом направлении в ивановской школе интеллигентоведения, к примеру, работает профессор Г. С. Смирнов. Именно российской интеллигенции он отводит в ноосферных процессах особую роль, возлагает на нее некую миссию: «Российский геополитический императив — сохранение российской (имперской, союзной) оси мира — всегда оказывался выше судеб отдельной личности и индивидуальной свободы. Геополитическая несвобода “срединной земли” определила доминанту выполнения исторического, сакрального духовно-религиозного долга, проявлявшую себя на протяжении многих столетий, что стало возможным лишь в условиях формирования в сознании русского человека архитипов вселенности-космичности, соборности-коллективности, альтруизма-патриотизма, понимания исторической избранности, чувства заботы о гигантском неорганическом теле российского хронотопа. Задача “держатъ пространство” стала для Российской державы формой вселенского служения»³⁶.

Подобный образ мысли демонстрирует Н. Н. Васильев и цитируемый им ряд философов, историков, политологов, публицистов, религиозных деятелей: «На нас, нынешних россиянах, представителях Российской цивилизации лежит ответственность в некотором смысле и перед всем человечеством, так как западная цивилизация в духовном плане уже практически самоуничтожилась. Можно сказать, что “Россия — это единственный центр непорабощенной цивилизации”»³⁷.

Всё это впечатляет, но проблема в том, воспримет ли общечеловеческое сообщество интеллигентов/интеллектуалов такую

форму мышления или, наоборот, они дружными рядами пойдут на выучку к золотомасочным адептам Мортье. Сделать процесс цивилизационной глобализации понимаемым, управляемым, действительно цивилизованным, направить его не во вред, а во благо человечества должна интеллигенция, из которой, в конечном счете, «рекрутируются» и политики. Разумеется, с данной точки зрения хотелось бы, чтобы последние *поднимались* до высот элиты, а не ставились под ружье. Причем путь восхождения требует духовности и постоянного самосовершенствования, хотя опыт истории свидетельствует, что проще подниматься по трупам.

Заключение

А что же аспирант из Сыктывкара? Его публикация 2010 года заканчивалась так: «...остается не совсем понятным то, как будет выглядеть Россия через 50—100 лет. Будет ли наша страна (в том числе и Республика Коми) неким мировым придатком с навязанными культурными ценностями или нам удастся создать некую иную культурно-научную цивилизацию, основаниями которой будут не только новые методологии развития, но возможно и новые территории, включенные в интересы культурного развития нашей страны»³⁸.

Теперь Крым снова с нами. А ряд работ активно публикующегося ныне кандидата политических наук, доцента Ухтинского государственного технического университета Дмитрия Петровича Кондралья посвящены стратегическому развитию территорий Арктики³⁹. И то и другое — новые поля либо международного сотрудничества, либо — межкультурных столкновений.

В развитии событий по тому или иному сценарию ведущую роль призвано сыграть интеллигентское/интеллектуальное сообщество. Это находит свое обоснование и подтверждение в анализе роли субъективного фактора в формировании и функционировании цивилизаций. Имеющие место в условиях индустриального общества факты деградации интеллектуального, культурного и нравственного уровня сильных мира сего недопустимы и чреватые очередными серьезными угрозами будущему человечества. Процессы глобализации делают поставленные вопросы еще более актуальными.

Примечания

- ¹ Яковец Ю. В. История цивилизаций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- ² См.: Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М., 1999 ; Штомпель О. М. Понятие цивилизации (глава 1) // История мировых цивилизаций. М., 2013. С. 14—34 ; Порозов В. А. Введение в историю мировых цивилизаций : учеб. пособие. Пермь, 2014 ; Буданова В. П. История мировых цивилизаций : учеб. URL: <https://studfiles.net/preview/4668025/> (дата обращения: 15.04.2018) ; и др.
- ³ Grand Larousse universel. Paris, 1983. Т. 8. Р. 5623.
- ⁴ Меметов В. С. «За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» : интервью с гл. редактором журнала «Интеллигенция и мир» В. С. Меметовым / записала Е. М. Раскатова // Интеллигенция и мир. 2014. № 1.
- ⁵ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 52.
- ⁶ Там же. С. 534.
- ⁷ Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2014. С. 49.
- ⁸ Там же. С. 962—963.
- ⁹ Алексеев В. П., Перищиц А. И. История первобытного общества : учеб. для вузов по спец. «История». М., 1990. С. 315—316.
- ¹⁰ Там же. С. 316.
- ¹¹ Возилов В. В. Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенты/интеллектуалы» // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 16.
- ¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.
- ¹³ Достоевский Ф. М. Бесы // Собрание сочинений : в 12 т. М., 1982. Т. 9. С. 51.
- ¹⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 248.
- ¹⁵ Тойнби А. Дж. Исследование истории : цивилизации во времени и пространстве. М., 2009. С. 50. URL: <https://ru-ghost3d.livejournal.com/181643.html> (дата обращения: 16.04.2018).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500—2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 38—39.
- ¹⁸ Усманов С. М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 24—25, 29.
- ¹⁹ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 110—113, 258—261, 283—284.

- ²⁰ *Кальной И. И.* Интеллигенция как субъект гуманитарного образования. URL: <http://psihdocs.ru/i-i-kalenoj-intelligenciya-kak-subekt-gumanitarnogo-obrazovani.html> (дата обращения: 16.04.2018).
- ²¹ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. С. 258.
- ²² *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 28.
- ²³ Там же. С. 654—655.
- ²⁴ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. С. 283—284.
- ²⁵ *Горчицкая Е. А.* Интеллигенция, интеллектуалы и элита в социальном пространстве: соотношение и сравнительный анализ понятий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-intellektualy-i-elita-v-sotsialnom-prostranstve-sootnoshenie-i-sravnitelnyy-analiz-ponyatiy> (дата обращения: 17.04.2018); *Корнев С.* Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры. URL: http://kornev.chat.ru/vyzh_int.htm (дата обращения: 17.04.2018); *Фирсов Б. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1002819.html> (дата обращения: 17.04.2018); и др.
- ²⁶ *Карпова А. Ю., Мещерякова Н. Н.* Российская интеллигенция. Неисполнение ожиданий // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 55.
- ²⁷ *Бояков Э.* «Золотая маска» — попытка театрального сообщества при власти, постах и деньгах, удержать свои позиции // Комсомольская правда. Новости 24. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26819.5/3856283/> (дата обращения: 18.04.2018).
- ²⁸ *Докучаев Д. С., Назукина М. В.* «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции : (на материале Пермского края и Ивановской области) // Интеллигенция и мир. 2013. № 3.
- ²⁹ *Кондраль Д. П.* Россия в глобальном измерении — потеря или обретение самости // Национальный вопрос в Китае и России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2010. С. 91.
- ³⁰ Глобализм и гуманизм : Междунар. день философии (ЮНЕСКО) в Кузбассе — 2007 : сб. науч. ст. по материалам междунар. конф. Кемерово, 2007. С. 13.
- ³¹ *Городецкий К.* Фестивальное лето — 2001. Статья третья. Зальцбургское десятилетие Мортье // OperaNews. URL: <http://www.ru/mortie.html> (дата обращения: 18.04.2018).
- ³² *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 3—60.
- ³³ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. С. 259.
- ³⁴ *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000. С. 84, 86.
- ³⁵ *Ясперс К.* Указ. соч. С. 507—508.

- ³⁶ *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 7—8.
- ³⁷ *Васильев Н. Н.* Мировоззрение, менталитет, цивилизации: социокультурные трансформации новейшего времени. Beau-Bassin, 2017. С. 44 ; Россия — единственный центр непоработанной цивилизации, считает протоиерей Всеволод Чаплин // ИНТЕРФАКС. РЕЛИГИЯ. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=57975> (дата обращения: 13.01.2016).
- ³⁸ *Кондраль Д. П.* Указ. соч. С. 91.
- ³⁹ Кондраль Дмитрий Петрович // ИСТИНА : Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных. URL: <https://istina.msu.ru/profile/lbvfl7/> (дата обращения: 20.04.2018).

References

1. *Alekseev V. P., Pershits A. I.* Istoriya pervobytnogo obshchestva: ucheb. dlya vuzov po spets. «Istoriya». М., 1990.
2. *Boyakov E.* «Zlotaya maska» – popytka teatralnogo soobshchestva pri vlasti, postakh i dengakh, uderzhat svoi pozitsii // Komsomolskaya pravda. Novosti 24. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26819.5/3856283/> (accessed: 18.04.2018).
3. *Budanova V. P.* Istoriya mirovykh tsivilizatsiy: uchebnik. URL: <https://studfiles.net/preview/4668025/> (accessed: 15.04.2018).
4. *Dokuchaev D. S., Nazukina M. V.* «Elitarnyy» regionalizm v Rossii: problema vzaimootnosheniy vlasti i intelligentsii (na materiale Permskogo kraya i Ivanovskoy oblasti) // Intelligentsiya i mir. 2013. № 3.
5. *Firsov B. M.* Intelligentsiya i intellektualy v kontse KhKh veka. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1002819.html> (accessed: 17.04.2018).
6. *Gorchitskaya Ye. A.* Intelligentsiya, intellektualy i elita v sotsialnom prostranstve: sootnoshenie i sravnitelnyy analiz ponyatiy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-intellektualy-i-elita-v-sotsialnom-prostranstve-sootnoshenie-i-sravnitelnyy-analiz-ponyatiy> (accessed: 17.04.2018).
7. *Gorodetskiy K.* Festivalnoe leto — 2001. Statya tretaya. Zaltsburgskoe desyatiletie Morte // OperaNews. URL: <http://www.ru/mortie.html> (accessed: 18.04.2018).
8. *Kalnoy I. I.* Intelligentsiya kak subekt gumanitarnogo obrazovaniya. URL: <http://psihdocs.ru/i-i-kalnoj-intelligenciya-kak-subekt-gumanitarnogo-obrazovani.html> (accessed: 16.04.2018).

9. *Karpova A. Yu., Meshcheryakova N. N.* Rossiyskaya intelligentsiya. Neispolnenie ozhidaniy // Voprosy filosofii. 2016. № 11.
10. *Kondral Dmitriy Petrovich* // ISTINA: Intellektualnaya Sistema Tematicheskogo Issledovaniya NAukometricheskikh dannyykh. URL: <https://istina.msu.ru/profile/lbvfl7/> (accessed: 20.04.2018).
11. *Kondral D. P.* Rossiya v globalnom izmerenii – poterya ili obretenie samosti // Natsionalnyy vopros v Kitae i Rossii: istoriya i sovremennost: materialy mezhdunar. nauch. konf. Perm, 2010.
12. *Kornev S.* Vyzhivanie intellektuala v epokhu massovoy kultury. URL: http://kornev.chat.ru/vyzh_int.htm (accessed: 17.04.2018).
13. *Memetov V. S.* «Za eti gody slozhilos neskolko pokoleniy intelligentov-edov...» / intervyyu vzyala Ye. M. Raskatova // Intelligentsiya i mir. 2014. № 1.
14. *Porozov V. A.* Vvedenie v istoriyu mirovykh tsivilizatsiy: ucheb. posobie. Perm, 2014.
15. Rossiya — edinstvennyy tsentr neporaboshchennoy tsivilizatsii, schitaet protoierey Vsevolod Chaplin // INTYeRFAKS. RYeLIGIYa. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=57975> (accessed: 13.01.2016).
16. *Smirnov G. S.* Noosfernaya istoriya chelovechestva: filosofsko-metodologicheskie problemy evolyutsii intelligentsii // Intelligentsiya i mir. 2006. № 2.
17. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya / sost. *B. S. Yerasov*. M., 1999.
18. *Usmanov S. M.* Intelligentsiya i intellektualy v sovremennom mire: diskussii o problemakh i tendentsiyakh samoopredeleniya // Intelligentsiya i mir. 2014. № 4.
19. *Vallerstayn I.* Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika, 1500–2010 // Svobodnaya mysl. 1996. № 5.
20. *Vasilev N. N.* Mirovozzrenie, mentalitet, tsivilizatsii : Sotsiokulturnye transformatsii noveyshego vremeni. Beau-Bassin, 2017.
21. *Vozilov V. V.* Metodologicheskie aspekty sodержaniya ponyatiya «intelligenty / intellektualy» // Intelligentsiya i mir. 2013. № 1.
22. *Yakovets Yu. V.* Istoriya tsivilizatsiy. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1997.

В. В. Возилов

ПРИНЦИП «ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (XIX — начало XX века)

Введение

В истории российской интеллигенции XIX — начала XX века особенно проявилось расхождение между либералами и радикалами в понимании приемлемости использования крайних политических средств в целях достижения желаемых результатов. Идеологически такое расхождение выразилось в отрицании или принятии принципа «цель оправдывает средства».

Радикальная форма этого принципа была сформулирована в виде тезиса «всё хорошо, что хорошо для революции». Фактически в противовес либералы выдвинули идею о постепенном реформировании общества, наиболее полно выраженную в известной сентенции Э. Бернштейна «цель ничто, движение всё».

Данная проблема была частью политической повестки разных поколений российской радикальной интеллигенции. В воспоминаниях ярких представителей русского освободительного движения встречаются упоминания о расхождениях в вопросе принятия или отрицания радикальных методов борьбы. Однако причины, ставшие побудительным моментом практического

© Возилов В. В., 2019

Возилов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор Шуйского историко-художественного и мемориального музея им. М. В. Фрунзе, председатель Ивановского областного краеведческого общества, депутат городской Думы городского округа Шуя, помощник депутата Государственной Думы РФ. vozilov@list.ru

Vozilov Vladimir Vladimirovich — candidate of historical sciences, the director of Historical, art and memorial museum named after M. V. Frunze in Shuya, the chairman of Ivanovo region society of local history, a deputy of Shuya town Duma, an assistant of Russian State Duma deputy.

нигилизма русских ультралибералов, до настоящего времени не выявлены, при том что теоретическое обоснование механизмов революционной борьбы изучено достаточно хорошо.

Цель и задачи

Целью настоящей работы является изучение теоретического обоснования и практического использования принципа «цель оправдывает средства» в идеологических спорах и общественной деятельности российской интеллигенции первой четверти XIX — начала XX века. Соответственно основные задачи статьи: 1) изучение причин и установление времени возникновения принципа «цель оправдывает средства» в идеологии и практике российской радикальной интеллигенции; 2) выявление эволюции отношения выдающихся представителей отечественной интеллигенции к радикальным средствам политической борьбы; 3) определение преемственности в использовании принципа «цель оправдывает средства» отдельными идейно-политическими группами интеллигенции.

Для достижения поставленной цели и решения заявленных задач была использована методология, которая представляет собой совокупность теоретических подходов, открывающих пути исследования объекта. Заметным элементом методологии интеллигентоведческих работ последнего времени выступает взаимосвязь методов разных уровней общности, что является залогом органического единства различных направлений исследования.

Методологическими принципами настоящей работы стали основополагающие тезисы диалектики и диалектической логики, составляющие базу системного подхода. Системно-исторический анализ дает возможность исследовать объект как целое, т. е. в виде конкретной системы, имеющей внутренние взаимосвязанные элементы со своими специфическими признаками, структурой и функциями. В свою очередь, это позволяет оперировать основными принципами исторического познания — историзма (постижения объектов и процессов в конкретно-исторических условиях их генезиса и эволюции) и объективности (всестороннего и наиболее всеобщего изучения предмета). Реализация принципа историзма в историческом исследовании

подразумевает, что главное внимание должно быть сосредоточено на рассмотрении явлений и процессов в развитии. Принцип объективности включает также анализ причинно-следственных связей (детерминизма) в историческом процессе. Объективность исторического познания заключается в способности воспроизводить развитие в его действительном виде. Для этого используется аналитический подход, т. е. критическое отношение исследователя к познаваемой действительности.

Основная часть

Возникновение мысли о возможности использования радикальных методов политической деятельности стало возможным, когда в общественной жизни развернулась борьба противоположных идеологических концепций, предполагающих кардинальное изменение общественного строя путем социально-политической революции.

Впервые в России это было предпринято декабристами. Несмотря на то, что внешне события 14 декабря 1825 года выглядят как «дворянский заговор» или «революция сверху», их внутреннее содержание несло в себе первую попытку совершения государственного переворота.

Как известно, в историографии сложились разные подходы к пониманию сущности движения декабристов, из которых в рамках рассматриваемой темы интересны два — либеральный и революционный.

По мнению одного из лидеров либерального крыла декабристов, Н. И. Тургенева, либерализм в период после Наполеоновских войн понимался как свобода мыслить и действовать для того, чтобы улучшить внутреннее положение России, укрепить ее государственную мощь, экономику, решить национальные противоречия. В своих поступках, по мнению Тургенева, декабристы не были готовы пойти на сделку с собственной совестью: «Цель, всегда говорили мы, не оправдывает средства»¹.

Н. И. Тургенев писал свои воспоминания (впервые опубликованы в 1847 г.), находясь в эмиграции, ставя пред собой цель оправдать участников движения, показать их с лучшей стороны.

Начало другой линии изучения декабризма было положено в книге А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851), в которой он представил декабристов первой поистине революционной оппозицией². Именно Герцену принадлежат высказывания о «рыцарях с головы до ног». Однако его последователям пришлось оценивать и радикальную составляющую движения декабристов, в числе участников которого были и те, кто не отказывался от идей радикального переустройства русской жизни и использования крайних мер политической борьбы.

Ярким представителем радикальной интеллигенции начала XIX века был П. И. Пестель. Его можно назвать родоначальником российского революционного нигилизма. Радикально настроенные члены Северного общества признавали: «...из всех нас он один в течение почти 10 лет, не ослабевая ни на одну минуту, усердно трудился над делом Тайного общества. Один раз доказав себе, что Тайное общество верный способ для достижения желаемой цели, он с ним слил свое существование»³.

В движении декабристов радикальная часть общества выступила за цареубийство (к этому вопросу члены Союза возвращались неоднократно) и изменение политического строя (парламентская республика). Конечные цели декабристов прослеживаются в проекте Манифеста Сената, разработанного К. Ф. Рылевым и С. Н. Трубецким за день до восстания. Проект предполагал учреждение временного правления, введение свободы слова, вероисповедания, отмену крепостного права, реформу судебной системы, уничтожение постоянной армии и образование внутренней народной стражи, реформу местного самоуправления. Было и несколько популистских мер (уничтожение монополий, отмена подушной подати, рекрутских наборов, военных поселений, уменьшение срока службы и т. п.)⁴. Таким образом, готовился переворот в рамках русской государственной жизни и национальной идеологии.

После подавления выступления декабристов российская интеллигентская оппозиция была надолго задавлена. Но внутри русского общества зрели семена нигилизма. Одним из ярких представителей русских нигилистов 1830-х годов считается В. С. Печерин.

В. С. Печерин был выходцем из семьи мелкопоместного дворянина, дослужившегося до полковника. Закончив филологический факультет Санкт-Петербургского университета, он в 1833 году принял участие в командировке для обучения в Германии, по возвращении из которой получил должность профессора в Московском университете. Однако в июне 1836 года он эмигрировал из России навсегда. Современники и исследователи объясняли причины этого непатриотического поступка Печерина тем, что он не хотел смириться с духовной и политической атмосферой николаевской России 1830-х годов⁵. Думается, что это только одна причина, другой, более весомой, — был юношеский радикализм. В письме к графу С. Г. Строганову он писал, что отрицание окружающего привело его к выбору между самоубийством и ненавистью, переросшей в убеждение «цель оправдывает средства»⁶. Впервые в истории русского освободительного движения было открыто заявлено, что человек придерживается данного принципа.

В 1840-е годы радикальные идеи всё более проникают в умы русской интеллигенции; показателен в этом отношении кружок М. В. Буташевича-Петрашевского. Особого внимания заслуживают те его представители, кого можно причислить к радикальной интеллигенции. Прежде всего, это глава кружка М. В. Буташевич-Петрашевский. Большинство знавших его людей отзываются о нем как об одном из выдающихся деятелей эпохи, непреклонном и настойчивом, не останавливающимся ни перед какими преградами, стремящемся к поставленной цели. П. П. Семенов-Тянь-Шанский называет его «революционером по призванию»⁷. Своего стремления к переустройству общества не скрывал и сам Петрашевский, когда писал, что «мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить»⁸.

В кружке петрашевцев были крайне экзальтированные и радикально настроенные личности. «Человеком, желавшим провести либеральные реформы путем насилия» был С. Ф. Дуров, сын бедного дворянина, для которого «революция... казалась средством не для достижения определенных целей, а для сокрушения существующего порядка и для личного достижения какого-нибудь выдающегося положения во вновь возникшем»⁹.

Особого упоминания заслуживают два «экзальтированных» петрашевца — В. П. Катенев и А. Д. Толстов, которые, будучи людьми не вполне психически здоровыми, имели радикальные планы, в том числе убийства императора. В. П. Катенев, сын мещанина, признанный на следствии помешанным, говорил, что «жаждет крови», вызывался убить императора, вынашивал революционные проекты, рисовал план Петербурга с обозначением мест для постройки баррикад, пытался закупать оружие, агитировал недовольных вступать в придуманный им «Клуб ламартинистов». Студент Петербургского университета А. Д. Толстов открыто предлагал «составить общество для произведения переворота в России», а на следствии признавался, что «если не составил положительного, обдуманного в голове плана, как извести царскую фамилию, то не потому, чтоб имел сожаление к ней, а потому, что считал это дело бесполезным до тех пор, пока не будет приготовлен к этому народ», но если бы нашел человека, готового совершить цареубийство, то не преминул бы настроить его¹⁰. В лице Катенева и Толстова можно увидеть типы революционеров 1860—70-х годов, не останавливающихся ни перед чем, использующих принцип «цель оправдывает средства».

Несомненно, что в первой половине XIX века в России следование принципу «цель оправдывает средства» носило больше идейный характер, без практического применения. Публично этот принцип в русской политической истории был озвучен, а затем и применен на практике в 1860-е годы, получившие условное название «период нигилизма».

Например, в прокламации «К молодому поколению» (1861), написанной Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, с одной стороны, подчеркивалась приверженность народническому социализму А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, выразившаяся в идеях об особом пути России и надежде на русскую общину, а с другой — открыто заявлялось о предполагаемых путях достижения поставленных целей. «У нас нет страха пред будущим, — признавались авторы, — ... вот отчего мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее... Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого. И это вовсе не так ужасно»¹¹. За публикацию и распространение этой

прокламации М. Л. Михайлов был приговорен к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири.

Идейную базу русского нигилизма готовил известный публицист Д. И. Писарев. В статье о брошюре Шедо-Ферроти он писал: «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан России. Чтобы, при теперешнем положении дел, не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла»¹². В той же статье, за которую автор поплатился заключением в Петропавловскую крепость, указывалось: «То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»¹³.

Д. И. Писарев был сотрудником «Русского слова». Журнал подготавливал политическую, эстетическую и нравственную стороны нигилистического мировоззрения радикалов. Без этого нельзя представить революционеров 1870-х годов, которые принципам «разумного эгоизма» предпочтут принцип «цель оправдывает средства».

Однако одно дело излагать некие принципы на бумаге, и совсем другое — пытаться воплотить их в жизнь. В этом вопросе русские революционеры оказались не вполне последовательны: заявляя самые смелые политические цели, они не всегда были готовы согласиться с использованием радикальных средств. Примечателен в этом отношении пример С. Г. Нечаева, в деятельности которого многие революционеры увидели обратную сторону революционного движения. В. И. Засулич, стремясь отказать Нечаеву в принадлежности к интеллигенции, писала: «Нечаев не был продуктом нашего мира, он не был продуктом интеллигенции, среди нас он был чужим»¹⁴.

В российской дореволюционной историографии прослеживается стремление показать, что Нечаев стоит особняком среди русских революционеров. Например, в редакционном предисловии к книге В. Ф. Цеховского отмечалось, что Нечаев является «уродом» в семье русских революционеров, поскольку он объявил войну не только государственному строю, но и морали, тогда как его предшественники были людьми «исключительной

нравственной силы». В тексте книги Нечаев обвинялся в нищезнании и назывался «шарлатаном русской революции»¹⁵. Попытка противопоставить Нечаева другим русским радикалам нашла выражение в отечественной историографии в теории «подлинной и мнимой революционности»¹⁶. В зарубежной литературе эта точка зрения представлена в работах А. Камю, Ф. Помпера и Е. Роуза, рассматривавших Нечаева как представителя русского нигилизма¹⁷. Наряду с традиционным отрицательным отношением к Нечаеву, в западноевропейских работах присутствует и другая точка зрения. Итальянский славист В. Страда считает, что Нечаев был типичным представителем радикальной интеллигенции, а то, что ставилось ему в вину — мистификации, беспринципность, грязные методы, — широко использовалось в революционном движении 1860-х годов до Нечаева¹⁸.

Следует подчеркнуть, что нигилизм являлся составной частью мировоззрения Нечаева. Об этом свидетельствуют не столько используемые им методы, сколько его политические взгляды.

Уже в «Программе революционных действий» (1868), составленной вместе с П. Н. Ткачевым, Нечаев выступил за полное уничтожение существующего строя. Он не видел «другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа» и считал своим делом «страстное, полное повсеместное и беспощадное разрушение»¹⁹. Отвечая на обвинение Г. А. Лопатина, утверждавшего, что нечаевские методы не достойны революционера, он говорил, что всегда руководствовался принципом «всё хорошо, что хорошо для революции». В связи с этим показателен эпизод из воспоминаний В. И. Фигнер о разговоре с Е. Азефом после неудачного покушения эсеров-максималистов на П. А. Столыпина (в результате которого погибло много посторонних лиц). Е. Азев спросил известную революционерку: в ваше время вы, наверное, ужаснулись бы? В ответ на это Фигнер привела в пример С. Халтурина, когда в результате покушения на царя, совершенного для благой цели, погибло много нижних чинов. В оценке Нечаева революционеры были несправедливы, поскольку он открыто провозгласил идеи и следовал принципам, которые радикалы стремились не афишировать.

Например, именно Нечаев первым призвал к широкомасштабному террору: «Данное поколение должно начать настоящую

революцию... должно разрушить всё существующее сплеча, без разбора, с единым соображением “скорее и больше”... Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция всё равно освящает в этой борьбе... Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть! Нам всё равно!»²⁰ Этот призыв ляжет в основу тактики радикальной интеллигенции и будет широко использоваться со второй половины 1870-х годов.

Находились и поддерживавшие не только идеи, но и методы Нечаева. В. К. Дебогорий-Мокриевич был одним из немногих, кто в оценке нечаевского дела (в том числе убийства Иванова) считал справедливым использование принципа «цель оправдывает средства»²¹. Л. Г. Дейч критиковал за это Дебогория-Мокриевича, отмечая: «Однако преобладающее большинство передовой молодежи, как известно, решительно восстало против этого принципа, считая его крайне вредным для успеха дела»²².

При этом нельзя не вспомнить так называемое «Чигиринское дело», которое связано с именами Л. Г. Дейча и Я. В. Стефановича. В него был вовлечен ряд деятелей революционного подполья (В. К. Дебогорий-Мокриевич, Е. К. Брешко-Брешковская, В. И. Засулич, М. Ф. Фроленко и другие сотрудники «Киевской коммуны»²³), которые решили поднять бунт среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии, используя монархические иллюзии народа. Для этого был отправлен «ходок» (Я. В. Стефанович) к царю, одновременно шел сбор оружия. Возвратившийся от царя «ходок» передал крестьянам «Высочайшую тайную грамоту», согласно которой они должны были создать общество «Тайная дружина» и с оружием в руках отстаивать свои интересы и права²⁴. Идея получила широкое распространение среди крестьян, но осенью 1877 года полиция арестовала всех участников заговора. Провокаторские методы, которыми действовали анархисты, были отрицательно восприняты многими радикалами²⁵.

Е. К. Брешко-Брешковская вспоминала: «По словам Стефановича, он ожидал, что чигиринские крестьяне, оказавшиеся с ним в одной тюрьме, будут крайне озлоблены на того, кто ввел их в заблуждение. Но к его изумлению и радости, они встретили его как друга и вождя и попытались утешить. Сейчас я тоже знаю, что крестьяне, в связи с этим делом высланные в отдаленные

места Сибири, считали Стефановича отличным человеком и с нетерпением ждали новой встречи с ним — так высоко они ценили любые усилия по защите их коллективных интересов, какие бы средства при этом не использовались»²⁶.

Итак, были и те, кто положительно оценил опыт «Чигиринского дела». В этом прослеживается тенденция, берущая начало уже в движении декабристов, — использовать народ помимо его воли. Кроме того, в оценке деятельности отдельных революционеров наблюдались двойные стандарты, когда одни и те же методы борьбы воспринимались внутри освободительного движения по-разному, независимо от общей их оценки в обществе. Со временем образованная часть русского общества, относящая себя к разряду «прогрессивной интеллигенции», стала более спокойно воспринимать русский радикализм, чьи методы оценивались как вполне приемлемые с позиций борьбы против полицейского государства.

Рано или поздно рассматриваемый принцип «цель оправдывает средства» должен был получить официальное отражение в политических программах революционных организаций. В программе «Народной воли», известной как «Программа исполнительного комитета» (январь 1880 г.), говорилось, что «мы должны поставить своей ближайшей задачей снять с народа подавляющий гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу»²⁷. Организация политического переворота должна была содержать основную тактическую линию народовольцев — проведение террористических актов, дезорганизующих работу правительства, что стало бы прологом к вооруженному восстанию²⁸. Экстремизм русской радикальной интеллигенции нашел выражение в одном из пунктов программы народовольцев, где подчеркивалось, что «по отношению к правительству как к врагу, цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволенным»²⁹. В конце 1870-х — начале 1880-х годов проявилось и основное противоречие в программах более умеренных и наиболее радикальных политических организаций: они расходились не в видении конечных целей, а лишь в выборе тактики, а конкретнее — в следовании более легальным пропагандистским методам борьбы или террору.

Разгром «Народной воли» после удачного покушения на Александра II 1 марта 1881 года не привел продолжателей дела народовольцев к отказу от радикальных средств борьбы. Группа, именовавшаяся «Террористической фракцией “Народной воли”», в которую входил А. И. Ульянов, 1 марта 1887 года совершила неудачную попытку организовать покушение на императора Александра III. В 1888 году возникла «Петербургская революционная группа», ставившая своей целью достижение политической свободы в России с помощью террора. В конце 1880-х — начале 1890-х годов в Петербурге возникает ряд радикальных студенческих организаций, например кружок С. О. Гобачевского, ориентировавшихся на пример «Народной воли» и ее террористическую тактику.

Важным звеном в истории революционного движения стал «Рабочий союз» (1887—1893), возглавлявшийся М. И. Брусневым. Проект программы организации М. И. Бруснева, разработанный П. М. Кашинским, был близок «Программе Исполнительного Комитета» народовольцев. Он включал в себя задачи создания «боевой социально-революционной организации» и «воплощение социалистического идеала». Злейшим врагом народа объявлялось строго централизованное, построенное на началах крайнего абсолютизма полицейское государство и самодержавие. Основной целью революционеров выдвигалось достижение политической свободы путем пропаганды идей социализма и подготовки социального переворота. Главной тактической линией программы провозглашался систематический политический террор. В одном из ее пунктов утверждалось, что «рабочий пролетариат, идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора»³⁰. Это убедительно показывает, что нигилистические элементы присутствовали в программных документах первых российских социал-демократических групп.

В 1898—1905 годах произошло организационное оформление партий социалистов-революционеров и социал-демократов, а также различных анархистских групп. Эти партии, объединившие значительное число оппозиционно настроенной интеллигенции, идейно и исторически уходили своими корнями в освободительное движение второй половины XIX века. Они были связаны с течениями,

представленными именами П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, М. А. Бакунина, народническими группами 1860—80-х годов и первыми марксистскими организациями 1880—90-х годов.

Например, радикальные методы большевиков, нигилистические по сути, всего лишь продолжали устоявшиеся традиции революционного подполья. «Если бы Ленин вообще говорил языком морали, — писал А. Мейер в книге “Марксизм. Единство теории и практики” (Кембридж, 1954), — он заявил бы, что никакие средства не лучше и не хуже любых других, ибо в конце концов этот мир вообще достоин всякого осуждения. Тот, кто борется за моральную цель, в конечном счете предаст эту цель и подчинится этому аморальному миру, если в выборе средств он ограничивает себя только высоко-моральными средствами. Он, таким образом, сам станет аморальным человеком... Ленин, таким образом, был убежден, что цель оправдывает любые средства и что она служит их единственным оправданием»³¹. Революционный радикализм, присущий мировоззрению Ленина, неоднократно подчеркивался исследователями, а в последнее десятилетие некоторыми авторами в его работах стало выявляться и нигилистическое содержание.

Как уже было сказано, политический нигилизм является тем сущностным признаком, который объединяет левых социал-демократов с их предшественниками — революционерами XIX века. Особенно ярко это прослеживается в подчеркнутом антиэтатизме, стремлении к политическому перевороту, социальному идеализму, пренебрежении к историческим традициям. О своем неприятии существующего государства социал-демократы заявляли с первых дней организации партии. Социальная революция, свержение самодержавия, уничтожение частной собственности, изменение классовой структуры общества — широко известные лозунги эсдеков. «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели»³², — признавался В. И. Ленин в книге «Государство и революция». Именно это позволило Н. И. Бухарину назвать большевиков «антигосударственной партией».

Выводы

В истории российской интеллигенции XIX — начала XX века ярко проявилось расхождение между либералами и умеренным крылом революционного движения, с одной стороны, и радикалами, с другой, в понимании приемлемости использования крайних политических средств в целях достижения определенных результатов. Нельзя не отметить и тот факт, что между представителями полярных политических позиций — ультраправыми и ультралевыми было совпадение в отношении допустимости крайних средств, что особенно проявилось в период Первой российской революции 1905—1907 годов.

Эволюция отношения русских радикалов к использованию принципа «цель оправдывает средства» показывает, что если в 1860-х годах этические принципы революционной интеллигенции зачастую шли вразрез с политическим аморализмом, то с расширением революционного движения, включением в него новых социальных сил восторжествовал политический имморализм, признающий крайние средства борьбы как объективный фактор общественной борьбы.

Примечания

- ¹ *Тургенев Н. И.* Россия и русские // Русские мемуары. М., 1989. С. 294, 311.
- ² *Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 193—201.
- ³ *Якушкин И. Д.* [Как образовалось и действовало тайное общество] // И дум высокое стремление... М., 1986. С. 34.
- ⁴ Манифест [к русскому народу] // И дум высокое стремление... С. 67—68.
- ⁵ *Герцен А. И.* Былое и думы // Собр. соч. М., 1957. Т. 2. С. 391 ; *Горелов П. Г.* [Вступительная статья к публикации книги В. С. Печерина] // Наше наследие. 1989. № 1. С. 62—63 ; *Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 173.
- ⁶ *Печерин В. С.* Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. : люди и идеи : мемуары современников. М., 1989. С. 173—174.
- ⁷ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары // Первые русские социалисты. Л., 1984. С. 88.
- ⁸ *Петрашевский М. В.* [Наброски речей] // Утопический социализм в России : хрестоматия. М., 1985. С. 178.

- ⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁰ Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л., 1988. С. 141—142, 146—147, 155.
- ¹¹ Шелгунов Н. В. К молодому поколению // Утопический социализм в России. С. 316.
- ¹² Писарев Д. И. Сочинения. М., 1955. Т. 2. С. 125.
- ¹³ Там же. С. 126.
- ¹⁴ Засулич В. Нечаевское дело // Историко-революционный сборник. М.; Пг., 1924. Т. 2. С. 69.
- ¹⁵ Цеховский В. Ф. Сергей Геннадьевич Нечаев. 2-е изд. СПб., 1907. С. 443, 644, 647.
- ¹⁶ Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. М., 1976.
- ¹⁷ Pomper Ph. Sergei Nechaev. New Brunswick; New Jersey, 1979; Rose E. (Fr. Seraphim). Nihilism: the Root of the Revolution of the Modern Age. Forestville, Calif., 1994.
- ¹⁸ Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. 1996. № 7. С. 91—94.
- ¹⁹ Нечаев С. Катехизис революционера // Родина. 1989. № 2. С. 83.
- ²⁰ Цит. по: Пирумова Н. Бакунин. М., 1970. С. 297.
- ²¹ Дебогорий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму. М.; Л., 1930. Кн. 1. С. 88—89.
- ²² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Дом Плеханова. Фонд Л. Г. Дейча. Ф. 1097. Ед. хр. 24. Л. 19—20.
- ²³ Даже в советский период сотрудников «Киевской коммуны» иногда называли членами «кружка нигилистов Киевской коммуны 1873—1877 гг.» (см.: Государственный архив РФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 1284).
- ²⁴ Документы по Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257—261; Канев С. Н. Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840—1917 гг.). М., 1987. С. 161—165.
- ²⁵ Канев С. Н. Указ. соч. С. 165; Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 391.
- ²⁶ Брешико-Брешиковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки, 1873—1920. М., 2006. С. 171.
- ²⁷ Программы политических партий и организаций России конца XIX — XX века. Ростов н/Д, 1992. С. 22.
- ²⁸ Революционное народничество 70-х годов XIX века: сб. док. и материалов: в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 176.
- ²⁹ Программы политических партий... С. 25.

- ³⁰ Орехов А. М. Первые марксисты в России. Петербургский «рабочий союз» 1887—1893 гг. М., 1979. С. 112—115.
- ³¹ Цит. по: Якушевский И. Ленинизм, революция и «советология»: философ. очерк. Л., 1968. С. 155.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 33. С. 60.

References

1. Gorelov P. G. [Vstupitel'naya statya k publikatsii knigi V.S. Pecherina] // Nashe nasledie. 1989. № 1.
2. Kanev S. N. Revolyutsiya i anarkhizm: Iz istorii borby revolyutsionnykh demokratov i bolshevikov protiv anarkhizma (1840—1917 gg.). М., 1987.
3. Pomper Ph. Sergei Nechaev. New Brunswick, New Jersey, 1979.
4. Rose E. (Fr. Seraphim). Nihilism. The Root of the Revolution of the Modern Age. Forestville, Calif., 1994.
5. Strada V. Gumanizm i terrorism v russkom revolyutsionnom dvizhenii // Voprosy filosofii. 1996. № 7.
6. Volodin A., Karyakin Yu., Plimak Ye. Chernyshevskiy ili Nechaev? O podlinnoy i mnimoy revolyutsionnosti v osvoboditel'nom dvizhenii Rossii 50—60-kh godov XIX v. М., 1976.
7. Yegorov B. F. Petrashevtsy. L., 1988.

В. А. Будучев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Введение

Между Францией и Россией существует множество исторических и культурных связей, выходящих за рамки политических и экономических взаимоотношений. Процесс влияния взаимен и многосторонен и охватывает все слои общественной, политической и культурной жизни. Он современен, но углубляется в богатую историю не столько русско-французских межгосударственных, сколько межкультурных связей. Формирование культуры прогрессистов (интеллигенции в России и культурной левой интеллигенции во Франции) является прямым результатом межкультурных взаимодействий, преодолевающих национальные границы и интересы государств. Продуктом межкультурных связей между Францией и Россией выступает русская интеллигенция, так как она сформировалась под влиянием французской философии Просвещения и событий, охвативших Францию в конце XVIII века.

© Будучев В. А., 2019

Будучев Виталий Анатольевич — докторант, Сорбонна (Париж).
vbuduchev@gmail.com

Buduchev Vitaly Anatolievich — doctoral candidate, Sorbonne (Paris).

Для осознания культурной глубины связей в целом и аспекта формирования русской интеллигенции как отдельного элемента межкультурного влияния в частности, необходимо обратиться к историографическому исследованию российских и французских авторов, освещающих вопрос формирования интеллигенции, а также влияния французского Просвещения на Россию. При этом речь идет об эксклюзивности межкультурных связей между Россией и Францией. Мы рассматриваем Европу как единое и транснациональное культурное пространство, в рамках которого происходят межкультурные взаимодействия, оказывающие непосредственное влияние на политические процессы и политическую мысль стран континента. Влияние французской философии Просвещения на формирование российской политической культуры является лишь одним из примеров, указывающих на данную динамику.

Просвещенный образ русской монархии

Прежде чем обратиться к влиянию французского Просвещения на Россию, мы считаем необходимым остановиться на связях между французскими просветителями и российскими монархами, так как последние оказывали существенное влияние на развитие страны, внедрение политических идей. Прогрессивные философы XVIII века, сравнивая политическое устройство современной им Франции и реформирующейся России, отдавали предпочтение последней. Как подчеркивает М. Малиа, просветители не представляли иной модели прогрессизма и модернизации, кроме как по воле и под контролем монарха. В этом смысле петровские реформы представляли для них наглядный пример прогрессизма, заслуживающий пристального внимания и способный модернизировать европейские монархии, в том числе французскую. Согласно автору, «посредством реформирующейся России, Вольтер бросал вызов монархии Людовика XV, призывал ее использовать более благоприятный французский климат для еще более решительного продвижения прогресса... Россия Петра Первого была для Вольтера символом в его кампании по реформированию Франции»¹.

Как отмечает Ж. Брейар, еще в 1745 году Вольтер пишет Елизавете I, надеясь собрать сведения, необходимые ему для создания произведения, посвященного Петру I. Не дождавшись ответа от императрицы, он всё же издает «Анекдоты о царе Петре Великом», в которых лестно отзывается о первом российском императоре. В 1757 году, когда Елизавета просит Вольтера написать историю Петра Первого, философ восторженно отвечает: «Вы предлагаете мне то, о чем я мечтаю уже тридцать лет»². История Российской империи в царствование Петра Великого в изложении Вольтера открывает Россию для просвещенной публики Европы, описывает царствование Петра I и предшествующую ему историю России в положительных тонах. Согласно М. Малиа, «прогрессивный образ России, созданный Вольтером, доминирует в общественном мнении в Европе до середины семидесятых годов восемнадцатого века, так как благодаря Вольтеру он был перенят и другими влиятельными философами и интеллектуалами эпохи»³.

При этом, как отмечает автор, из всех российских монархов XVIII века, Екатерина II пользовалась наибольшим вниманием у просветителей. На протяжении своего правления императрица принимает при дворе Дидро, охотно ведет переписку с Вольтером в течение пятнадцати лет. Оба автора с интересом относились к политике и к личности Екатерины. Что касается другого энциклопедиста, Жана Д'Аламбера, императрица сделала ему лестное предложение стать опекуном ее сына, которое философ всё же отклонил⁴.

Однако не только внимание со стороны императрицы подерживало интерес философов к Екатерине. Она оказывала им значительное финансовое содействие. Согласно Элен Каррер д'Анкосс, узнав о проблемах с издательством Энциклопедии, Екатерина незамедлительно предлагает свою помощь, публикуя ее в Риге. В то же время она выкупает библиотеку Дидро по щедрой цене и закрепляет за ним должность библиотекаря с ежегодной рентой. Тем самым она дает Дидро возможность дальнейшего безбедного существования и продолжения просветительской деятельности⁵. Другие просветители, которых Екатерина II принимала в Санкт-Петербурге, также смогли оценить ее щедрость.

В итоге, кроме личных связей, сформировалось своего рода сотрудничество между императрицей и французскими просветителями. С одной стороны, Екатерина оказывала им материальную поддержку, с другой — контакты с философами способствовали созданию ей международной репутации как «друга философов» и обеспечивали легитимность власти внутри страны.

В общем, французские просветители приняли активное участие в формировании легенды о просвещенной России. Петровские реформы, пересказанные просветителями, позволили создать просвещенный образ России, несмотря на то что петровские времена стоит скорее охарактеризовать как период становления абсолютизма. Олег Омельченко отмечает: «Становление абсолютной монархии в России завершилось в условиях военно-полицейского режима, установленного Петром I, руководствовавшимся извращенными представлениями о смысле государственной политики и общественной роли государственной власти. Такой режим сопровождался очевидным ущемлением статуса и прав даже господствующего сословия»⁶.

Репутация просвещенной монархии закрепляется за Россией в наибольшей степени во время правления Екатерины, пытающейся поддерживать тесные контакты с просветителями. Помимо финансовой помощи со стороны Екатерины II, существование образа просвещенной России давало просветителям основания требовать модернизации французской монархии, находящейся в более благоприятных условиях. Таким образом, и французские просветители, и российская монархия находили выгоду в популяризации образа российской просвещенной монархии за пределами России.

При этом не стоит переоценивать роль взаимоотношений между российскими монархами и просветителями во внедрении идей Просвещения в России. Необходимо осветить вопросы о реальном применении данных идей в государственной политике и о влиянии просветителей в российском обществе. Это поможет определить истинную роль каждого из субъектов в формировании российской интеллигенции и указать на особенности ее становления.

Законный консерватизм и идеи Просвещения

Согласно французскому историку Элен Каррер д'Анкоссе, «XVIII век в России ознаменовался перенятием западного опыта в соответствии с тремя этапами: привнесение западных технологий Петром Первым, заимствование западной моды и манер Елизаветой; и наконец, внедрение западных идей Екатериной II»⁷. Таким образом, в течение XVIII века благодаря трем монархам Россия открылась Европе и открыла для себя Европу.

Нововведения Екатерины несомненно связаны с западными идеями, но необходимо уточнить о чем именно идет речь, а также внутрироссийские причины, подтолкнувшие императрицу обратиться к идеям Просвещения.

Использование французского Просвещения Екатериной было подчинено определенным целям, имеющим мало общего с общественным договором. Законодательные инициативы Екатерины II, в рамках просвещенного абсолютизма, к которым можно отнести Наказ, Жалованные грамоты дворянству и городам, деятельность Комиссии уложения или проект конституции, имели, как утверждает О. Омельченко, исключительно «консервативный характер, закрепляя начала существующей государственной и социальной системы, придавая правовой облик абсолютистской государственности и сословно-феодалному строю с социальным господством дворянства и правительственной бюрократии»⁸.

Согласно В. Морякову, используя идеи Монтескье и Руссо, императрица искажала их, выбирала лишь ту их составляющую, которую она считала полезной и эффективной для укрепления абсолютной монархии. Именно согласно данным принципам, «стремясь доказать необходимость в России самодержавия, она опиралась на положение Монтескье о роли климата и географической среды»⁹. С той же целью была использована ею идея Руссо о «Новом человеке». Как отмечает автор, «Екатерина II и ее окружение стремились сформировать “новую породу людей”», согласно принципам послушания, покорности и страха божьего¹⁰. Естественно, данная идея не имела ничего общего с концепцией Руссо.

В общем, как отмечает О. Омельченко, подчиненные цели абсолютной монархии «основные понятия политических учений

умеренного просветительства Запада, внешне связанных с “Наказом”, были либо отвергнуты, либо существенно переработаны и преобразованы. Обоснование этих понятий было подчинено собственным задачам политической теории “Наказа” применительно к условиям общественного и государственного строя России второй половины XVIII века»¹¹. Согласно автору, императрица охотно использует идеи французских философов: «В 1760-е годы Екатерина II неоднократно обращалась к трактату Ш. Л. Монтескье “О духе законов”, сочинению Д’Аламбера “Разбор книги О духе законов” и “Энциклопедии” Дидро и Д’Аламбера. Немного позднее к ним добавился “Философский словарь” Вольтера»¹². Наказ Екатерины основывается главным образом на переработанных императрицей идеях Монтескье. На это указывает Элен Каррер д’Анкосс: «Убеденный и преданный читатель французских авторов, Екатерина признает влияние Монтескье и его произведение “О духе законов”, которое вдохновило двести тридцать четыре статьи первой части Наказа из пятиста двадцати шести»¹³. Автор объясняет ярко выраженное франкофильство императрицы одиночеством при дворе и привязанностью к французскому языку, которые способствовали тому, что прусская принцесса открыла для себя труды Монтескье, Дидро и Руссо, сформировавшие ее политическое сознание.

Данный мелодрамный подход видится нам несколько ограниченным. Если предположить, что французские просветители сформировали политическое сознание Екатерины II, остается загадкой, почему при всей полноте власти, которой располагала императрица, она не предприняла значимых мер по воплощению идей просветителей на территории империи, ограничившись лишь декларациями приверженности к ним.

Элен Каррер д’Анкосс связывает провал политики просвещения с отсталостью России XVIII века, которая, согласно автору, не была готова к Просвещению. Однако, на наш взгляд, причины неэффективного просвещения стоит видеть в другом. О. Омельченко призывает не квалифицировать политику просвещенного абсолютизма как провал. Наоборот, автор настаивает на том, что цели, которые ставила перед собой Екатерина II, были достигнуты ею в полной мере. Дело лишь в том, что изначально императрица не ставила перед собой задач воплощения идей

французских просветителей в жизнь. Как отмечает автор, екатеринские законодательные инициативы преследовали иную цель. Что касается, например, Комиссии уложения, она «не была, всеконечно, русским парламентом XVIII в. ни по реальному содержанию своей деятельности, ни — и это главное — по правовым основам своей организации»¹⁴.

Итак, политика Екатерины отличалась консерватизмом, основывалась на полноте власти монарха, опирающегося на дворянское сословие, и отрицанием гражданских свобод и прав низших сословий, составляющих подавляющее большинство населения империи. Согласно Элен Каррер д'Анкосс, «выступая с принципом всеобщего равенства перед законом, утверждая, что институты власти должны ставить перед собой задачу обеспечить это равенство, Екатерина создавала программу для будущего»¹⁵. На наш взгляд, данный подход значительно преувеличивает екатеринское стремление ко всеобщему равенству. О нем не приходится говорить в стране с жестким сословным разделением.

Однако сословно-абсолютистский характер преобразований вовсе не означает, что законотворческая деятельность Екатерины II была изолирована от общеевропейских тенденций времени. Дело лишь в том, что Екатерина II, заявляя о своей привязанности к идеям французских просветителей, проводила на самом деле политику классического, германского просвещенного абсолютизма¹⁶, создавая таким образом расхождения между декларацией намерений и реальной политикой. Согласно данной модели абсолютизм опирается на дворянство, которому монарх дарует привилегии и свободы (хотя и ограниченные рамками абсолютизма). Это обстоятельство, эта особенность русского просвещенного абсолютизма напрямую влияет на последующее появление группы интеллигенции, ее социальные характеристики и на роль, которую она позже будет играть в публичном пространстве.

Что касается идей французского Просвещения, они не оказали реально существенного влияния на политику Екатерины II. Но при этом, как бы парадоксально это ни звучало, предпринятые императрицей инициативы сыграли важную роль во внедрении идей Просвещения в России и в последующем формировании русской интеллигенции.

Абсолютизм у истоков русской интеллигенции

Идеи французского Просвещения не были привнесены в Россию Екатериной, как и политика просвещенного абсолютизма не берет свое начало с ее приходом к власти. О. Омельченко подчеркивает, что «между государственными явлениями и политической Елизаветы, Петра III и Екатерины II нет резких и принципиальных отличий»¹⁷.

Что касается французских философов, как отмечает В. Моряков, еще до екатерининских времен «французские мыслители были поистине властителями дум просвещенных людей России... Широким потоком в Россию шла французская литература... Во второй половине XVIII в. французские книги заполнили библиотеки России»¹⁸. Монтескье, Вольтер, Дидро, Руссо, Гельвеций, Гольбах, Рейналь, Д'Аламбер были известны российской публике вне инициатив просвещенной Екатерины. «История обеих Индий» Дидро и Рейналя была неоднократно перепечатана в России и пользовалась большой популярностью у российской публики. В. Моряков подчеркивает, что «большой интерес в России вызывали труды Руссо. Почти все его произведения были переведены на русский язык, а некоторые и по нескольку раз; выходили своеобразные обзоры сочинений Руссо. Появление каждой книги Руссо вызывало живейшее обсуждение»¹⁹. Таким образом, не только российская публика была знакома с трудами просветителей, но в связи с их популярностью в России Екатерина II использовала имена просветителей для придания большей легитимности своей деятельности.

Так, влияние французских идей Просвещения на Россию гораздо более глубоко, нежели частичное употребление отрывков трудов просветителей императрицей для создания свода законов. Посредством перепечатывания их трудов формировалась российская политическая культура. Вольтер, Монтескье, Руссо и Дидро нашли благодарную публику в лице образованных слоев населения, которые становились единомышленниками французских просветителей. Несмотря на консервативный характер преобразования Екатерины создали правовую базу для развития либерального духа, пусть и в рамках наиболее привилегированного сословия. Выборы в Комиссию уложения ни в коей мере не были

призваны ограничить полномочия монарха за счет создания представительного органа населения империи. Но при этом, как утверждает Элен Каррер д'Анкосс, продолжительные дебаты о более эффективной организации во время Уложенной комиссии «повлияли на дальнейшее развитие России. Уложенная комиссия способствовала появлению политического сознания в некоторых социальных группах, и особенно у индивидов, которые приняли активное участие в инициативе Екатерины II»²⁰. Речь идет прежде всего о дворянском сословии, которое получило широкие личные и имущественные права, а также право политической корпорации. Жалованная грамота дворянству законодательно закрепляла его привилегированное положение в российском обществе. Кроме этого, право городской общественной корпорации (с более узкими, чем у дворянских корпораций полномочиями), возможность выбирать городскую думу, самоуправление городского сословия, возможность профессиональных корпораций (внутрицеховое самоуправление) формировали если не политическое, то по меньшей мере корпоративное сознание населения городов.

На первоначальном этапе Екатерина поощряет вольнодумство. Еще Н. Новомбергский указывал на то, что под влиянием идей Просвещения императрица дает разрешение на свободное открытие независимых типографий, одобряет развитие печати²¹. Согласно В. Морякову, екатерининские меры по приданию политике гласности и по обеспечению свободы печати ставили перед собой цель воспитания покорного населения. Этим объясняется наложение запрета на произведения французских просветителей. Автор напоминает: «В 1769 г. начинает издаваться журнал “Всякая всячина”, вдохновительницей и активной сотрудницей которого была сама императрица. Существуют различные высказывания исследователей о задачах, которые преследовала Екатерина, решившись выступать на поприще журналистики, но при всех расхождениях мнений есть в них одно общее. Исследователи едины в том, что “Всякая всячина” продолжила идейные споры в Уложенной комиссии, стала рупором, провозглашавшим положения официальной идеологии, выразила стремление Екатерины II принять на себя руководство общественным мнением. Главной задачей “Всякой всячины” была борьба с недовольными политической правительства»²².

Несомненно, пропаганда екатерининской политики была основной задачей «Всякой всячины». Но при этом В. Моряков подчеркивает: «Издание “Всякой всячины” дало толчок появлению множества сатирических журналов. Некоторые из них, например “Смесь”, “Адская почта” Эмина и в первую очередь “Трутень” Новикова, вступили в длительную и ожесточенную полемику с правительственным официозом»²³. Так, ставя перед прессой узкую задачу по сопровождению государственной политики, Екатерина дала возможность для развития прессы в общем. Этим воспользовались некоторые прогрессивно настроенные представители дворянства, создав таким образом условия для публичного осмысления и критики абсолютизма.

Играя роль эха философов Просвещения, Екатерина способствовала распространению их идей в абсолютистской России. Безусловно, политика Екатерины была консервативной, не выходила за рамки сословной монархии, дарованные ею свободы не оказывали никакого положительного влияния на крестьянство, составляющее 90 % населения страны. Это отмечают как французские, так и российские историки. Вместе с тем, она если не поощряла свободомыслие, то по крайней мере способствовала его развитию, невольно закладывая базу для позже сформировавшейся интеллигенции. Но данную динамику стоит рассматривать как побочный эффект в политике просвещенного абсолютизма, а не как ее цель.

Что же касается собственно абсолютизма Екатерины II, то, пытаясь первоначально использовать идеи Просвещения в своих целях, он избрал путь реакции, поводом для которой послужила Французская революция, вдохновляющая свободомыслящую часть получившего привилегии прогрессивно настроенного дворянства и ужасающая консерваторов, принадлежащих к тому же дворянскому сословию. Власть, в том числе и сама Екатерина, пытались разрушить созданный ею же дух вольнодумства. М. Малиа отмечает: «Легенда о просвещенной монархии в России заканчивается в 1789 году, вместе с переходом Екатерины в ряды реакционно настроенных правителей. Наслышанная о демократических ужасах, происходящих в Париже, она поспешила дистанцироваться от французских философов и расправиться с двумя из наиболее просвещенных подданных. Осмелившиеся

опубликовать очевидные заключения, основанные на либеральных принципах, Александр Радищев сослан в Сибирь, Николай Новиков отправлен в тюрьму, при том что незадолго до этого Екатерина провозглашала себя последователем и защитником либеральных принципов»²⁴.

Что примечательно, журналист, издатель и общественный деятель Николай Новиков смог воспользоваться политикой либерализации прессы и книгоиздательства, инициированной Екатериной II для того, чтобы создать репутацию общественного деятеля, критически относящегося к власти. Владение типографией и прессой давало ему видимость в рождающемся публичном пространстве. Процессы над Александром Радищевым и Николаем Новиковым важны тем, что играли символическую роль. Они ознаменовали твердое намерение властей бороться с любыми проявлениями вольнодумства и поместили рождающуюся интеллигенцию в тяжелые условия жесткого контроля и преследований со стороны власти.

Роль Французской революции в восстании декабристов и формировании русской интеллигенции

Последствием Французской революции для России стало ужесточение абсолютизма. Как подчеркивает А. Гордон, «революция 1789 г. оттолкнула элиту несоответствием пути становления тому образу цивилизации разума, который распространяло Просвещение, и тому ореолу ее авангарда, которым была окружена Франция. Потрясенная разгулом насилия, истреблением дворянства и расправой над королевской четой, русская знать скорбела также об “одичании” французского общества, о “гибели наук и искусств”, видя в этих утратах потерю для всего человечества»²⁵.

Ж. Арутюнова и Е. Линькова отмечают, что французские аристократы, спасаясь от революции, участвуют в создании ее негативного образа среди российской элиты. Согласно авторам, «сюда устремился большой поток роялистов, священнослужителей, бывших французских дворян, которые рассматривали Россию как оплот монархической власти и традиционных ценностей. На русской почве оказались представители самых

громких французских фамилий: Rochechouart, Montmorency, La Rochefoucault, Broglie, Polignac, Richelieu, Toulouze, La Trémoille, Damas, Laval, многие из которых не только поступили на государственную службу, но и оказали заметное влияние на развитие общественного мнения в стране»²⁶.

Екатерина II отвечает цензурой на Французскую революцию. Павел I ее ужесточает. Все печатные произведения, ввозимые в Россию, скрупулезно контролируются цензорами. Те из них, которые приходят из Франции, привлекают особое внимание²⁷. Реакционные меры, принятые из страха повторения французского сценария на русской земле, укрепляют абсолютизм и ужесточают противодействие вольнодумству. Сторонники консервативного направления резко осуждают Французскую революцию, ограничиваясь довольно простым постулатом, согласно которому, как замечает А. Юшников, «Французская революция есть зло»²⁸.

Но при этом либерально настроенная часть дворянства остается преданной идеям французского Просвещения. Что касается Французской революции, она играет роль символа. А. Гордон отмечает: «Идеи и принципы, события и персонажи Великой французской революции становились частью национального исторического опыта... Логика и семантика “Общественного договора”, трактатов Монтескье, сочинений французских и английских просветителей, воплотившись в революционных актах, приобретали новое, практическое значение, формировали аппарат политического мышления образованного русского человека, политическую культуру России»²⁹.

Так, Французская революция сыграла важнейшую роль в формировании идей противников абсолютизма в России. Без этого примера невозможно было бы представить ни восстания декабристов, ни созревания русской интеллигенции. А. Чудинов отмечает в критической форме культ Французской революции и прогрессизма, сформированный среди интеллигенции. Автор объясняет данное явление тем, что «русская интеллигенция черпала наибольшую часть информации в работах французских историков либералов и социалистов эпохи Реставрации и Июльской монархии»³⁰. Философия Просвещения также оказала прямое влияние на русских просветителей. Например, В. Моряков

указывает на огромное влияние идей Руссо на Радищева³¹. Александр Радищев, как и Денис Фонвизин, Николай Новиков, выступали с критикой абсолютизма и содействовали формированию культуры прогрессивно настроенной интеллигенции. Несмотря на то что прогрессивно настроенная часть дворянства была фактически отстранена от законодательной политики, она смогла параллельно создать группу, наделенную символами принадлежности к общей идеологии.

Абсолютная монархия опиралась на дворянство, прежде всего на его консервативно настроенную составляющую. Для эффективного продолжения существования абсолютизма в рамках сословной и консервативной системы, Екатерина II дала привилегии дворянскому сословию в поисках естественных союзников абсолютизма, непосредственно привлеченных к управлению империей. Так, Жалованная грамота дворянству представляет из себя своеобразный пакт между абсолютизмом и дворянством, согласно которому монарх не посягает на дарованные привилегии, в то время как дворянство соглашается с почетной ролью по воплощению политики абсолютизма. В этом смысле, прогрессивно настроенные круги дворянства, воодушевленные идеями французских просветителей и их российских последователей, призывающие подражать примеру Французской революции, были прямой угрозой данному пакту.

С этой точки зрения восстание декабристов является исключительно важным событием как для прогрессивно настроенного дворянства, так и для абсолютизма. О. Омельченко отмечает: «Декабристское движение и события 1825 г., когда по сути представители правящего сословия выступили против монархии на основе принципиально иной политической и правовой программы с иной социально-политической перспективой, ликвидировали главный исторический источник “просвещенного абсолютизма” — своего рода социальное соглашение между властью и дворянством»³². Предприняв неудачную попытку отстранения восходящего на престол монарха, декабристы разрушили баланс между дворянством и абсолютизмом. Последующая политика монархии может быть в общем охарактеризована как реакционная попытка уничтожить группу, посягавшую на ограничение абсолютизма. Именно

в данных условиях рождается интеллигенция как оппозиционная группа, опирающаяся уже на традиции просветителей, обладающая высоким уровнем культурного капитала.

И французские и российские авторы сходятся во мнении, что российская интеллигенция как самостоятельное течение формируется в первой половине XIX века вследствие провала восстания декабристов. Согласно Элен Каррер д'Анкосс, «восстание декабристов 1825 года представляет из себя первое проявление революционной интеллигенции, несмотря на их слабость и отсутствие социальной базы. Декабристы аристократического происхождения, воодушевленные французским опытом, хотели трансформировать Россию в современное государство посредством свержения абсолютизма»³³. Лишенная возможности влиять на абсолютизм в России, идеология интеллигенции базировалась на идеях Просвещения и Французской революции, позже на памяти декабристов, давших наглядный пример попытки модернизации режима.

Идеи прогрессизма и воодушевление Французской революцией становятся символами принадлежности к группе прогрессивной интеллигенции, состоящей на первоначальном этапе из представителей дворянства. К дворянству постепенно примыкают представители разночинного сословия³⁴. Исследователи отмечают роль образования в пополнении группы интеллигенции несмотря на реакционную политику государства. А. Чудинов замечает, что групповая идентичность передается из поколения в поколение. Согласно автору, «мифическое видение Французской революции широко распространилось. Привязанность к ней становится общим кодом принадлежности к социальной группе прогрессистов»³⁵. Таким образом, не обладая ощутимым политическим весом, но имея, пользуясь терминологией Пьера Бурдьё, весомый культурный капитал, русская интеллигенция отличалась способностью конструирования исторической памяти и ценностей, определяющих картину мира.

Идеи Просвещения формировали ценности русской интеллигенции. Политика просвещенного абсолютизма, характеризовавшаяся поиском легитимности Екатерины II как внутри страны, так и на международной арене, пример Французской революции, вдохновлявший декабристов, создали благоприятные предпосылки

для формирования русской интеллигенции. Роль французского опыта и идей, пришедших в Россию из Франции, сложно переоценить. Согласно мнению В. Баранникова, «интеллигенция в России возникла как результат столкновения традиционного русского менталитета и образа жизни с европейской культурой и рационалистической идеологией»³⁶. Мы считаем, что данное утверждение заслуживает критики. На наш взгляд, стоит говорить не о столкновении русского менталитета и европейской культуры, а о взаимном культурном влиянии в рамках европейского транснационального пространства. Роль философии Просвещения и Французской революции в формировании русской интеллигенции является наглядным тому примером.

Примечания

¹ *Malia M.* L'occident et l'énigme russe : du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris, 2003. С. 65 — 66.

² *Breuillard J.* Voltaire, Anecdotes sur le czar Pierre le Grand. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand édition critique // *Revue des études slaves*. 2002. Т. 74, fasc. 4. С. 879.

³ *Malia M.* *Op. cit.* С. 67.

⁴ *Ibid.* С. 69.

⁵ *Carrère d'Encausse H.* Catherine II : age d'or pour la Russie. Paris, 2002. С. 255.

⁶ *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй : просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 16.

⁷ *Carrère d'Encausse H.* *Op. cit.* С. 249.

⁸ *Омельченко О. А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии : вторая половина XVIII века. М., 1989. С. 127.

⁹ *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века : (из истории общественно-политической мысли). М., 1994. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 90.

¹¹ *Омельченко О. А.* Кодификация права в России... С. 36.

¹² Там же. С. 326.

¹³ *Carrère d'Encausse H.* *Op. cit.* С. 106.

¹⁴ *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 131.

¹⁵ *Carrère d'Encausse H.* *Op. cit.* С. 108.

- ¹⁶ *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 368.
- ¹⁷ Там же. С. 66.
- ¹⁸ *Моряков В. И.* Указ соч. С. 41.
- ¹⁹ Там же. С. 72.
- ²⁰ *Carrère d'Encausse H.* Op. cit. С. 115.
- ²¹ *Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской Высшей Школе общественных наук в Париже. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/30.htm> (дата обращения : 01.12.2018).
- ²² *Моряков В. И.* Указ. соч. С. 91—92.
- ²³ Там же. С. 92.
- ²⁴ *Malia M.* Op. cit. С. 77.
- ²⁵ *Гордон А. В.* Великая французская революция как явление русской культуры : (к постановке вопроса) // Исторические этюды о Французской революции : памяти В. М. Далина : (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. URL: <http://larevolution.ru/Gordon1.html> (дата обращения: 25.11.2018).
- ²⁶ *Арутюнова Ж. М., Линькова Е. В.* Великая Французская революция и ее роль в становлении консервативной традиции в России // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2013. № 2. С. 27.
- ²⁷ *Новомбергский Н.* Указ. соч.
- ²⁸ *Юшников А. В.* Русская консервативная публицистика 1860-х — начала 1870-х гг. о Великой французской революции // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 99.
- ²⁹ *Гордон А. В.* Указ. соч.
- ³⁰ *Tchoudinov A.* Le culte russe de la Révolution française // Cahiers du monde russe. 2007/2-3. Vol. 48. С. 488.
- ³¹ *Моряков В. И.* Указ. соч. С. 74—83.
- ³² *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 375.
- ³³ *Carrère d'Encausse H.* L'URSS de la Révolution à la mort de Staline. Paris, 1993. С. 13.
- ³⁴ *Холяев С. В.* Интеллигенция — базовый фактор великой русской революции // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 26.
- ³⁵ См.: Там же. С. 489.
- ³⁶ *Баранников В.* Русская интеллигенция: родовая миссия // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 89.

References

1. *Arutyunova Zh. M., Linkova Ye. V.* Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya i ee rol v stanovlenii konservativnoy traditsii v Rossii // Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii. 2013. № 2.
2. *Barannikov V.* Russkaya intelligentsiya: rodovaya missiya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2001. № 3.
3. *Breillard J.* Voltaire, Anecdotes sur le czar Pierre le Grand. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand édition critique // Revue des études slaves. 2002. T. 74, fasc. 4.
4. *Carrère d'Encausse H.* Catherine II : age d'or pour la Russie. Paris, 2002.
5. *Carrère d'Encausse H.* L'URSS de la Révolution à la mort de Staline. Paris, 1993.
6. *Gordon A. V.* Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya kak yavlenie russkoy kultury (k postonovke voprosa) // Istoricheskie etyudy o Frantsuzskoy revolyutsii: pamyati V. M. Dalina (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya). M., 1998. URL: <http://larevolution.ru/Gordon1.html> (accessed: 25.11.2018).
7. *Kholyaev S. V.* Intelligentsiya — bazovyy faktor Velikoy Russkoy revolyutsii // Intelligentsiya i mir. 2018. № 3.
8. *Malia M.* L'occident et l'énigme russe: du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris, 2003.
9. *Moryakov V. I.* Russkoe prosvetitelstvo vtoroy poloviny XVIII veka : (iz istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli). M., 1994.
10. *Novombergskiy N.* Osvobozhdenie pechati vo Frantsii, Germanii, Anglii i Rossii. Lektsii, chitannyye v Russkoy Vysshey Shkole obshchestvennykh nauk v Parizhe. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/30.htm> (accessed: 01.12.2018).
11. *Omelchenko O. A.* Kodifikatsiya prava v Rossii v period absolyutnoy monarkhii : vtoraya polovina XVIII veka. M., 1989.
12. *Omelchenko O. A.* «Zakonnaya monarkhiya» Yekateriny Vtoroy : Prosveshchenny absolyutizm v Rossii. M., 1993.
13. *Tchoudinov A.* Le culte russe de la Révolution française // Cahiers du monde russe. 2007/2-3. Vol. 48.
14. *Yushnikov A. V.* Russkaya konservativnaya publitsistika 1860-kh — nachala 1870-kh gg. o Velikoy frantsuzskoy revolyutsii // Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 365.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Юркин Н. Г. Цели образовательной политики Петра I в сфере профессионального обучения // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 14—30.

ББК 63.3(2)511-7

В статье анализируются целевые установки правительства Петра I в период формирования первых профессиональных школ. Хронологические рамки охватывают первую четверть XVIII в. (1700—1725 гг.). Автор опирается на нормативно-правовые документы, деловую переписку, источники личного происхождения. В работе преимущественно используются историко-хронологический, историко-сравнительный и сравнительно-правовой методы исследования.

Отмечается, что в нормативно-правовых актах и других источниках можно выявить стремление Петра и его соратников использовать иностранный опыт в своей государственной политике. В статье доказано, что использование западного опыта не подразумевало механического копирования зарубежных институтов. На основе этого делается заключение, что заимствования не преследовали цели соответствовать западным стандартам. Речь шла об их критическом переосмыслении и использовании отдельных инструментов государственной политики в сфере образования для решения внутренних задач.

Эти задачи становятся очевидными при анализе профессий, которым обучались в Петровских училищах. Акцент был сделан на военнотехническое образование. Гражданские учебные заведения тоже создавались, но они не получили серьезного развития. Этот выбор объясняется личными интересами Петра I и особенностями международного положения Российского государства в рассматриваемый период.

Кроме того, в статье указывается, что несмотря на заимствование зарубежного опыта, профессиональные училища продолжили традицию немногочисленных учебных заведений XVII столетия, хотя и с определенными оговорками. Если в XVII в. обучались преимущественно наукам, востребованным в органах исполнительной власти — приказах (иностранные языки, лекарское, печатное дело и т. п.), то Петр изменил эту направленность. Вместе с тем, сама общая тенденция — удовлетворение потребности государства в квалифицированных кадрах — не изменилась.

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, Петр I, профессиональное обучение, навигационная школа, артиллерийская школа, инженерная школа, Морская академия, западное влияние.

Балдин К. Е. Интеллигенты в деревне: земские агрономы Костромской губернии в начале XX века // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 30—46.
ББК 63.3(2)53-283.2

В статье рассматривается процесс формирования агрономического персонала земства и деятельность этих представителей сельской интеллигенции в Костромской губернии в начале XX в. Обращение автора к этой теме объясняется тем, что, в отличие от работы земств в сфере просвещения и здравоохранения, вопрос о помощи крестьянскому хозяйству в научной литературе изучен гораздо хуже. В процессе исследования автор использовал принципы объективности и историзма, а также специальные исторические методы: историко-системный и историко-генетический. Основная цель статьи состоит в определении направления деятельности земских агрономов по оказанию помощи крестьянскому хозяйству.

В состав земской интеллигенции входили губернские, уездные и участковые агрономы. Кроме специалистов широкого профиля в начале XX в. земство пригласило работать в губернию специалистов по более узким отраслям — животноводству, обработке лугов, пчеловодству. Деятельность агрономов была очень разнообразной. Они знакомили крестьян с передовыми методами ведения хозяйства, вели торговлю орудиями труда, семенами и удобрениями на земских сельскохозяйственных складах, способствовали распространению породистого скота среди крестьян. Обычно агроном в деревне был специалистом не только по обработке земли, но и по животноводству, пчеловодству и т. п. В Костромской губернии в начале XX в. сформировался слой сельской интеллигенции — земские агрономы, которые оказывали разнообразную помощь крестьянскому хозяйству.

Ключевые слова: земство, крестьянское хозяйство, агрономия, сельскохозяйственная техника, сельскохозяйственные склады, минеральные удобрения, животноводство.

Фортуатов В. В., Платова Е. Э. Интеллигенты в составе Коммунистической партии: фантазии и реальность (1917—1940) // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 47—62.
ББК 63.3(2)61-283.2

На основе значительного массива статистических данных характеризуется абсолютная (общее число) и относительная (в сравнении с другими социальными группами) численность интеллигентов в составе партии большевиков. Дается оценка абсолютной и относительной численности коммунистов-интеллигентов в разных отрядах или социально-профессиональных группах интеллигенции. В связи с тем, что в популярной литературе, в средствах массовой информации, в общественном мнении получили широкое распространение мифы об «уничтожении интеллигенции», «эмиграции лучшей части интеллигенции», «неприятию большей частью интеллигенции большевистского режима», восстановление реальной исторической картины представляется важной задачей.

В статье раскрывается сложность, противоречивость ситуации с членством интеллигентов в правящей партии большевиков. Вопрос о членстве интеллигентов в составе Российской коммунистической партии (большевиков) — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в 1917—1940 гг. представляется во многом ключевым для понимания характера взаимоотношений Коммунистической партии и интеллигенции на этапе строительства социализма в СССР. Большинство интеллигентов в дореволюционной России радовались свержению царизма, но не приняли прихода к власти партии большевиков.

В связи с существенными различиями во взглядах на цели, задачи и способы созидания нового общества, имевшиеся между большевистским руководством и старыми интеллигентами, в Коммунистической партии существовало предубеждение в отношении «буржуазных специалистов». Но уже со второй половины 20-х гг. интеллигентская прослойка партии стала быстро расти, а партийно-комсомольская прослойка среди инженерно-технических, научно-педагогических работников, учителей, управленцев была значительно выше, чем среди рабочих и колхозников. В статье использованы сведения из самых разных источников, приводятся обширные статистические данные. Следует учитывать, что вплоть до конца 30-х гг. сбор статистических сведений был хорошо поставлен. Изменения в социальной структуре страны происходили быстро. Состав интеллигенции существенно изменился на протяжении жизни одного поколения. В эмиграции интеллигенция жила автономно и была очень неоднородна. Часть старой интеллигенции оказалась в так называемой «внутренней эмиграции» и старалась не попадать под «тяжелую руку власти». Но преобладающая часть работников интеллектуального труда жила одной жизнью

с десятками миллионов рабочих и крестьян и разделила с народом его судьбу. Именно эту часть интеллигентов авторы считают интеллигенцией № 1.

Ярко выраженная тенденция к вступлению в ВКП (б) в рядах интеллигенции № 1 у большинства конкретных лиц в годы социалистического строительства определялась их гражданско-патриотической позицией, благородными идейными и моральными побуждениями. Партийно-советское руководство смогло использовать и достаточно долго успешно эксплуатировать энтузиазм и творческий потенциал интеллигенции, ставшей советской и социалистической.

Ключевые слова: коммунисты-интеллигенты, старая интеллигенция, партийно-советское руководство, инженерно-технические работники, просвещенцы, партийно-комсомольская прослойка, интеллигенция № 1, советская социалистическая интеллигенция.

Тимашева О. В. Критика как роман, или жердочка для попугая // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 63—73.
ББК 83.3(2=411.2)6-442.3+83.3(4Вел)6-442.3

В статье анализируются и сопоставляются критические произведения Джулиана Барнса «Попугай Флобера» и Павла Басинского «Лев Толстой. Бегство из рая». Первое прямо названо автором «романом», второе таковым назвала критика. Автор настоящей статьи, действуя методом компаративистики, сравнивает пути произведений к сердцу читателя и утверждает современность и своевременность их звучания. За текстом обеих книг стоит серьезно проделанная критиками-художниками работа по собиранию фактов и различных сведений о жизни французского и русского писателей. Однако их произведения не похожи на литературные портреты в духе Андре Моруа или Сомерсета Моэма. «Литературный портрет» — это описание человеческой судьбы, часто высокий образец бытового поведения. Литературно-художественная критика Барнса и Басинского концентрируется на отдельных эпизодах из жизни писателей, в которых герой дегероизирован в привычном смысле слова, но его авторитет столь высок, что он не может быть смазан в сознании эрудированного и мыслящего читателя дополнительной добытой информацией. В сочинениях английского и русского критиков обыденное сталкивается с возвышенным, приводятся цитаты из героев-классиков, в чем-то их дискредитирующие. Глубина мышления, полнота знаний, порой легкая ирония, сравнение литературоведческих подходов к произведению доказательно демонстрируют как можно пробудить желание вернуться и перечитать классиков и книг писателей-исследователей, создателей романов нового типа.

Ключевые слова: роман, литературный портрет, биографическое описание, «новый» роман, роман с продолжением, литературная критика, художественное жизнеописание, эпическая дистанция.

Осинский И. И., Добрынина М. И. Русская интеллигенция в республиках Сибири (Некоторые проблемы формирования и развития) // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 74—91.
ББК 63.3(2)-283.2

В статье рассматриваются некоторые проблемы формирования и развития русской интеллигенции в национальных районах Сибири — Алтае, Бурятии, Туве, Хакасии, Якутии. В досоветский период здесь было небольшое число лиц, занятых интеллектуальным трудом. В годы советской власти, особенно с началом социалистической реконструкции народного хозяйства, развернулся процесс создания в этих районах многонациональных кадров интеллигенции с доминированием представителей русской интеллигенции. В статье анализируются источники и пути их формирования, в том числе направление специалистов в национальные районы, создание вузов и техникумов на месте и подготовка в них кадров, целевая подготовка за пределами своих регионов и др.

В процессе формирования и развития интеллигенции в каждой из республик Сибири образовалась современная поселенческая, национальная, отраслевая, профессиональная, гендерная структуры интеллигенции. Подчеркивается, что русская интеллигенция сыграла важную роль в становлении и развитии национальной интеллигенции, ее современной структуры. Многие деятели русской культуры были учителями писателей, художников, музыкантов, актеров из среды народов Сибири. В то же время русские деятели культуры многому учились у представителей национальной интеллигенции, которые хорошо знали обычаи, традиции своих народов, фольклор, что находило отражение в их творчестве.

Представители русской интеллигенции с начала освоения Сибири, ее национальных районов и на протяжении всех последующих лет принимали и принимают непосредственное участие в развитии всех сфер жизни и деятельности народов Сибири. Особенно велик их вклад в создание и развитие индустриально-производственных комплексов этих районов. Они занимали и занимают ведущие позиции в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи. Важное место принадлежит русским специалистам и в аграрном секторе республик Сибири, а также в сфере образования, науки и культуры.

Ключевые слова: национальные районы Сибири, русская интеллигенция, национальная интеллигенция, пути формирования, структура, динамика развития, роль интеллигенции.

Шевчук И. И. Белорусская историография о кадровом потенциале академической науки в начале ее институализации (1921—1924) // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 92—108.
ББК 63.1(4Бел)

В статье внимание сосредоточено на времени начала институализации науки в республике, одним из значимых результатов которой стало создание Института белорусской культуры (ИБК), реорганизованного в Белорусскую академию наук (1929). Данная проблема специального рассмотрения пока не получила. Кадровый потенциал Инбелкультула очерченного периода впервые стал предметом самостоятельного исследования. Целью статьи является рассмотрение формирования академического научно-кадрового штатного состава первого учреждения Беларуси первой половины 1920-х гг. При раскрытии темы автор опирался на общенаучный принцип историзма, а также использовал проблемно-исторический, историко-сравнительный, статистический, диахронный методы. Показано, что имеющиеся наработки в данном направлении представляют собой некритически воспринятую информацию публикаций 1920-х гг., а потому излишне категоричны и статичны. Выявлено реальное количество научных сотрудников ИБК. Установлены причины многократного завышения цифр работников учреждения в современной научной литературе, обусловленные как особенностями научно-организационного строительства, так и социально-политическими обстоятельствами. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что с начала 1970-х гг. создана картина, способствующая априорно неоправданному впечатлению о неуклонном росте кадрового потенциала Института белорусской культуры в начальные годы его существования. Весь каркас таких представлений построен на одной тиражированной цифре, касающейся января 1922 г. — 15 человек. С 1992 г. появляется вторая цифра — 16 научных сотрудников, что не соответствует реальной динамике научных кадров. Таким образом, за последние почти 50 лет проблема исследована не была и ее освещение осуществлялось на уровне первого конспективного знакомства, не переросшего во всестороннее научное изучение и основанного, главным образом, на нескольких довоенных публикациях.

Ключевые слова: Институт белорусской культуры, комиссия, академия, институализация, штат, ученые, историография, сотрудники, кадровый потенциал.

Порозов В. А. Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 109—130.
ББК 60.033.1

В статье графически представлено соотношение понятий «формация» и «цивилизация», даны определения локальной цивилизации, приведен перечень существенных черт (признаков) цивилизации, показана роль интеллигенции в процессе формирования и функционирования цивилизации. Дается историографический анализ освещения проблемы в трудах зарубежных и отечественных ученых. На примере публикаций С. М. Усманова, Г. С. Смирнова, Н. Н. Васильева, В. В. Возилова показан вклад в разработку проблемы ивановской школы интеллигентоведения. Отмечается противоречивость глобализации, рассмотренной через призму цивилизационного процесса. Приведены примеры из политической и культурной жизни современного социума, иллюстрирующие и подтверждающие теоретические положения статьи. Обращено внимание на трудности реализации цивилизационных функций интеллигенции в условиях России.

Исходя из значимости субъективного фактора в формировании и функционировании цивилизаций, сделан вывод о том, что ведущую роль в этих процессах играет интеллигентское/интеллектуальное сообщество. Мера ответственности за интеллектуальный, культурный и нравственный уровень представителей этого сообщества возрастает. Процессы глобализации делают поставленные вопросы еще более актуальными.

Ключевые слова: цивилизация, формация, интеллигенция, существенные черты цивилизации, зарождение (генезис) интеллигенции, осевое время, столичная и провинциальная интеллигенция, «компрадорская» интеллигенция, интеллигенция и народ, глобализация, «смертные грехи» индустриальной цивилизации, гуманистическое планетарное мышление.

Возилон В. В. Принцип «цель оправдывает средства» в деятельности российской интеллигенции (XIX — начало XX века) // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 131—145.
ББК 63.3(2)53-283.2

Основными задачами в статье являются: 1) изучение причин и установление времени возникновения принципа «цель оправдывает средства» в идеологии и практике российской радикальной интеллигенции, 2) выявление эволюции отношения выдающихся представителей отечественной интеллигенции к радикальным средствам политической борьбы, 3) определение преемственности в использовании принципа

«цель оправдывает средства» отдельными идейно-политическими группами интеллигенции. Для решения заявленных задач были использованы методологические принципы историзма и объективности.

В истории российской интеллигенции XIX — начала XX в. ярко проявилось расхождение между либералами и радикалами в понимании приемлемости использования крайних политических средств в целях достижения желаемых результатов. В идеологическом отношении это расхождение выразилось в отрицании или принятии принципа «цель оправдывает средства». В своей крайней форме этот принцип был сформулирован в виде тезиса «всё хорошо, что хорошо для революции» и широко использовался радикальной интеллигенцией, но был недопустим для русских либералов. Однако между представителями полярных политических позиций — ультраправыми и ультралевыми было совпадение в отношении приемлемости крайних средств. В статье прослеживается приверженность данному принципу различных поколений российской интеллигенции от декабристов до большевиков. В 1830-х гг. впервые в истории русского освободительного движения В. С. Печерин открыто заявил, что он придерживается принципа «цель оправдывает средства». Следование ему в России в первой половине XIX в. носило больше идейный характер, без практического применения. Публично этот принцип в русской политической истории был озвучен, а затем и применен на практике в 1860-е гг., получившие условное название «период нигилизма». В последующие десятилетия принцип «цель оправдывает средства» указывал на отношение его сторонников к русскому революционному нигилизму, становился частью политических программ революционных организаций, переходил из области идейных споров в практическую плоскость.

Ключевые слова: принцип «цель оправдывает средства», российская интеллигенция, нигилизм, радикалы, либералы, декабристы, народники, большевики.

Будучев В. А. Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: роль философии просвещения и Французской революции в формировании русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 146—162.

ББК 71.045

Данная статья посвящена циркуляции идей и концептов между русской и французской культурами, которые развиваются под взаимным влиянием. Формирование русской интеллигенции является красноречивым примером межкультурных связей развивающихся вне геополитических интересов государств. Философия просвещения повлияла

на развитие России посредством теорий, вдохновляющих русских интеллектуалов, и методов управления, практикуемых властью с оглядкой на просветителей. Русская интеллигенция черпает свои идеи в Просвещении, пришедшем в Россию в XVIII в. Век Просвещения создает общеевропейское течение, присущее модернизирующимся обществам, в которых абсолютная монархия больше не могла опираться на религию как единственную основу неразделимой власти. Приближенные к власти монархов сословия начинают играть существенную роль в общественной жизни. Российский просвещенный абсолютизм Екатерины II является прямым следствием изменения общественно-политического контекста в Европе. Именно в этом контексте мы рассматриваем влияние французской философии на просвещенную часть русского дворянства, которому были дарованы привилегии взамен на службу абсолютной монархии. Но прогрессивные дворяне, под влиянием духа времени, пошли вразрез возлагаемой абсолютизмом на их сословие миссии. Наоборот, следуя французскому примеру, русские просветители избрали критику режима. Она нашла выражение в восстании декабристов, которое в свою очередь послужило базой для формирования русской интеллигенции. Французская революция стала одновременно символом и примером, которому следовала формирующаяся интеллигенция.

Ключевые слова: просвещенная монархия, абсолютизм, Просвещение, прогрессизм, символы интеллигенции.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Yurkin N. G. The purposes of educational policy of Peter I in the sphere of professional education, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 14—30.

The article analyzes the purposes of the government of Peter I during the formation of the first professional schools. A chronological framework covers the first quarter of the 18th century (1700—1725). The author is guided by standard and legal documents, business correspondence, sources of personal origin. The work mainly uses historical and chronological, historical and comparative and comparative and legal methods of the research.

It is noted that in normative legal acts and other sources it is possible to reveal aspiration of Peter and his colleagues to make use of foreign experience in the state policy. In the article it is proved that the use of the western experience did not mean mechanical copying of foreign institutes. On the basis of it there is the conclusion that loans did not pursue the aim to conform to the western standards. It was talked of their critical reconsideration and use of separate instruments of state policy in education for the solution of internal tasks.

These tasks become obvious in the analysis of professions which were studied in Petrovsky schools. The emphasis was placed on military technical education. Civil educational institutions were also created, but they did not gain serious development. This choice is explained by personal interests of Peter I and features of world situation of the Russian state during the considered period.

Besides, it is specified in the article that despite loan of foreign experience, professional schools carried on tradition of not numerous educational institutions of the 17th century, though with certain reservations. If in the 17th century were mainly studied the sciences demanded in executive authorities — orders (foreign languages, medicine, printing, etc.), then Peter changed this orientation. At the same time, the general trend — satisfaction of requirement of the state for qualified personnel — did not change.

Keywords: state policy in education, Peter I, professional education, navigation school, artillery school, engineering school, Sea academy, the western influence.

Baldin K. E. Intellectuals in the village: agronomists of the zemstvo of the Kostroma province in the early XX century, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 30—46.

The article considers the process of formation of agronomic personnel of zemstvo and activity of these representatives of rural intelligentsia in the Kostroma province in the early 20th century. In contrast to the work of zemstvo in the sphere of education and health care, the issue of assistance to peasants in the scientific literature is studied much worse, this explains the author's appeal to this topic. In the process of exploration the author used the principles of objectivity and historicism, as well as special historical methods: historical-systemic and historical-genetic. The main purpose of the article is to define the directions of activity of zemstvo agronomists on assistance to the peasant economy. The author supposes to solve the following tasks: to investigate the process of formation of zemstvo agronomic cadres, to investigate their activity on distribution among peasants of advanced tools of work, modern agrarian technologies, varietal seeds, pedigree cattle; to consider the positive results of the activity of the agronomic staff.

The composition of the zemstvo intelligentsia consisted of provincial, county and district agronomists. In addition to the broad profile specialists in the early 20th century zemstvo invited to work in the province specialists in the narrower sectors: in animal husbandry, processing meadows, beekeeping. The activity of agronomists was very diverse. They introduced farmers to the best methods of farming, traded tools, seeds and fertilizers at the zemstvo agricultural warehouses, contributed to the distribution of pedigree cattle among the peasants. Usually agronomist in the village was a specialist not only in the processing of land, but also in animal husbandry, beekeeping, etc. In the early 20th century in the Kostroma province was formed a layer of rural intelligentsia — zemstvo agronomists, which provided a variety of assistance to the peasant economy.

Keywords: zemstvo, peasants, farms, agriculture, agricultural engineering, agricultural warehouses, chemical fertilizers, livestock.

Fortunatov V. V., Platova E. E. Intellectuals in Communist Party composition: fantasy and reality (1917—1940), *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 47—62.

In the article on the basis of a significant array of statistics characterized is the absolute (total number) and relative (compared to other social groups) number of intellectuals in the composition of the Bolshevik Party. It also provides an assessment of the absolute and relative numbers of communist intellectuals in different groups or socio-professional groups of intelligentsia

Due to the fact that in popular literature, mass media, public opinion widespread myths about the «destruction of the intelligentsia», about «the emigration of the best part of the intelligentsia», «rejection of the Bolshevik regime by the predominant part of intelligentsia», the restoration of the real historical paintings is an important task.

The article deals with complexity, contradictoriness situation with membership of intellectuals in the ruling party. The question of the membership of intellectuals within the Russian Communist Party (Bolsheviks) — the all-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1917—1940 appears to be largely a key to understanding the nature of the relationship between the Communist Parties and intelligentsia to the stage «of building socialism in the USSR». Most of the intellectuals in pre-revolutionary Russia rejoiced over the overthrow of tsarism, but did not take the coming to power of the Bolshevik Party.

In connection with significant differences in views on the goals, objectives and ways of building a new society, existing between the Bolshevik leadership and old intellectuals in the Communist Party existed prejudice against «bourgeois specialists». But already from the second half of the 20-es intelligentsia's layer was rapidly growing in the Communist Party, and party-Komsomol layer among engineering, scientific and pedagogical workers, teachers, managers was significantly higher than among workers and farmers. The article used data from a variety of sources, provides extensive statistical data. It should be borne in mind that until the end of the 30-es the collection of statistical information was well delivered. Changes in the social structure of the country occurred quickly. The composition of intelligentsia has changed substantially within one generation. In emigration intelligentsia lived its life and was very heterogeneous. Part of the old intelligentsia proved to be in the so-called «internal emigration» and tried to never hit the «heavy hand of Government». But the majority of employees of mental work lived one life with tens of millions of workers and peasants, shared the destiny with the people. This is the part of intellectuals authors suppose to be intelligentsia № 1.

Authors adhere to the position, which is that tendency to join the CPSU (b) in the ranks of the intelligentsia № 1 the most part of individuals in the years of Socialist construction was determined by their civil and patriotic position, ideological and moral motives. The party-Soviet leadership could use and long enough to successfully exploit the enthusiasm and creativity of intelligentsia that became Soviet and Socialist.

Keywords: communist intelligents, old intelligentsia, party soviet leadership, technical officers, prosveshchenets, party and Komsomol layer, intelligentsia № 1, Soviet socialist intelligentsia.

Timasheva O. V. Criticism as a Novel: a Parrot's Perch, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 63—73.

The article examines and compares two critical works by Julian Barnes (Flaubert's Parrot) and Pavel Basinsky (Leo Tolstoy: Flight from Paradise). The former was labeled a novel by the author himself, while the other one was labeled the same by the critics. Based on the comparative research method, the author of this article compares the ways both works reach out to the reader and argues their modernity and contemporary edging. Behind both books' texts stands a solid work performed by the critics as literary artists, as collectors of facts and all kinds of information about the French and the Russian authors. Yet, their books bear no resemblance to literary portraits à la André Maurois or Somerset Maugham. A literary portrait is a description of a man's destiny; it is often a prime example of everyday behavior. Literary and art criticism of Barnes and Basinsky is focused on certain episodes from the life of the writers in which the protagonist — the writer — is de-glorified, as compared to what is considered to be conventional; but their reputation is still solid to the point that it may not be blurred for an intelligent and reflective reader by any extra information obtained by a critic. In the works of the English and the Russian critics, routine comes across ethereal, and quotes of the protagonists may somehow be disreputable. The depth of thinking, completeness of knowledge, mild irony at times, comparison of literary approaches to the works convincingly demonstrate the way to spark the interest to reread the classics and the critics' books, who managed to create a new type of novel, the new novel.

Keywords: novel, literary portrait, biographical description, new novel, serial novel, literary criticism, novelized biography, epic distancing.

Osinsky I. I., Dobrynina M. I. Russian intelligentsia in the republics of Siberia: some problems of emergence and development, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 74—91.

The article deals with some problems of formation and development of the Russian intelligentsia in national regions of Siberia —Altai, Buryatia, Tuva, Khakassia, Yakutia. In the pre-Soviet period there were a small number of people engaged in intellectual work in these regions. During the years of Soviet power, particularly with the beginning of the socialist reconstruction of national economy, the process of development of multinational intelligentsia with the dominance of Russian specialists began in these regions. The article analyzes the sources and ways of its development, among them are referring of specialists to national regions, creation of universities, technical schools and training of personnel at the local level, targeted training outside the regions, etc.

In the process of development of the intelligentsia in each of the republics of Siberia, a modern settlement, national, industrial, professional, and gender structure of the intelligentsia was formed. It is emphasized that the Russian intelligentsia played an important role in emergence and development of the national intelligentsia, its modern structure. Many figures of Russian culture were teachers of writers, artists, musicians, actors from among the peoples of Siberia. At the same time, Russian cultural figures learned a lot from representatives of the national intelligentsia, who knew the customs, traditions of their peoples, and folklore, which was reflected in their works.

Since the beginning of seizure of Siberia, its national regions and throughout all subsequent years, the representatives of the Russian intelligentsia had been and are directly involved in the development of all spheres of life and activity of the peoples of Siberia. Their contribution to the creation and development of the industrial complexes in these regions is especially great. They occupied and occupy leading positions in industry, construction, transport and communications. We emphasize the important role of Russian specialists in the development of agrarian sector of the republics of Siberia, as well as in the sphere of education, science and culture.

Keywords: national regions of Siberia; the Russian intelligentsia, national intelligentsia, ways of development, structure, dynamics of development, the role of intelligentsia.

Shevchuk I. I. Belarusian Historiography of the Personnel Potential of Academic Science at the Beginning of its Institutionalization (1921—1924), *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 92—108.

The paper focuses on the initial period of the institutionalization of science in the republic, one of the most significant results of which was the creation of the Institute of Belarusian Culture, reorganized into the BAS (1929). This problem has not received special consideration. The Inbelcult personnel potential of the outlined period for the first time became the subject of independent research. The purpose of the paper is to consider the formation of an academic research and personnel staff of the first institution of Belarus in the first half of the 1920s. In disclosing the topic the author relied on the general scientific principle of historicism, and also used the problem-historical, historical-comparative, statistical, diachronic methods. It is argued that the available works on this problem reflect the fact of uncritical perception of the information contained in the publications of the 1920s, and therefore they are too categorical and static. There is revealed a real amount of researchers of the Institute of Belarusian Culture. The reasons for the multiple overestimations of the number of the employees of the institution

in the contemporary scientific literature are identified. This was due to both the peculiarities of the scientific and organizational construction and socio-political circumstances. As a result of the study it was concluded that since the beginning of the 1970s a picture has been created that contributes to the a priori unjustified perception of the steady growth of the personnel potential of the Institute of Belarusian Culture in the early years of its existence. Moreover, the entire framework of such representations is built on one replicated figure, relating to January 1922 — 15 people. Since 1992 the second figure appears — 16 scientific workers, which does not correspond to the real dynamics of scientific personnel. Thus, over the past almost 50 years, the problem has not been investigated and its coverage was carried out at the level of the first concise acquaintance that did not develop into a comprehensive scientific study and was based mainly on several pre-war publications.

Keywords: Institute of Belarusian culture, Commission, Academy, institutionalization, staff, scientists, historiography, employees, personnel potential.

Porozov V. A. *Intelligentsia in historically civilized context, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 109—130.*

The civilizational approach to the analysis of the historical process and social phenomena is recognized today as one of the fundamental. Meanwhile, the universally recognized definition of a local civilization, as well as the notion of «culture», does not exist. The problem of the correlation between the notions of «civilization» and «formation» also needs further development. The question of the role of the intelligentsia in the civilizational process in special studies was not raised at all. The definition of the research coordinates in the outlined circle of knowledge of society is the goal of the article.

To achieve this goal, the following tasks were solved: the relationship between the concepts «formation» and «civilization» is graphically represented; definitions of local civilization are given; a list of the essential features (attributes) of civilization is given; the role of the intelligentsia in the formation and functioning of civilization is shown; given is a historiographic analysis of the coverage of the problem in the works of foreign and domestic scientists; on the example of publications by S. M Usmanov, G. S. Smirnova, N. N. Vasilyeva, V. V. Vozilov is shown the contribution to the development of the problem of the Ivanovo school of intelligentsia studies; attention is drawn to the contradictory nature of the process of globalization, also considered through the prism of the civilizational process; examples are given of the political and cultural life of modern society, illustrating and confirming the theoretical provisions of the article; attention is paid to the difficulties of realizing the civilization's civility functions in the conditions of Russia.

Proceeding from the importance of the role of the subjective factor in the formation and functioning of civilizations, it is concluded that the leading role in these processes is played by the intelligent / intellectual community. The measure of responsibility for the intellectual, cultural and moral level of the representatives of this community is growing. The processes of globalization make the questions posed even more urgent.

Keywords: civilization, formation, intelligentsia, the essential features of civilization, the origin (generation) of the intelligentsia, axial time, the capital and provincial intelligentsia, the «comprador» intelligentsia, the intelligentsia and the people, globalization, the «mortal sins» of industrial civilization, humanistic planetary thinking.

Vozilov V. V. The «purpose justifies means» principle and Russian Intelligentsia's activity in the 19th — beginning of the 20th centuries, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 131—145.

The article is devoted to studying the matter how the «purpose justifies means» principle was accepted by Russian Intelligentsia's activity in the 19th — beginning of the 20th centuries. The main problems in the article are: 1) the study of reason and determining the time of appearance of the «purpose justifies means» principle in the ideology and practice of Russian Radical Intelligentsia; 2) the determining how the main Russian Intelligentsia representatives' attitude to Radical means of political struggle was changed; 3) the identifying of succession in using the «purpose justifies means» principle by some Intelligentsia's ideological and political groups. The methodological principles of «historism» and «objectivism» are used for reaching the setting target and solving certain problems. The difference of understanding between Liberals and Radicals in using extreme political means as acceptable for reaching of wishing results is clearly displayed. In ideology this difference was expressed in the negation or acceptance of the «purpose justifies means» principle. This principle was formulated in extreme form as the thesis called «all is good if it is for the revolution». This principle was widely used by Russian Radical Intelligentsia and was unaccepted by Russian Liberal Intelligentsia. But the representatives of the opposite political views — «ultraright» and «ultraleft» — had the same attitude to using extreme political means. The article also considers the matter how some generation of Russian Intelligentsia (from Decembrists to Bolsheviks) was adhered to this principle. V. S. Petcherin declared openly that he held to this principle for the first time in Russian liberation movement's history in 1830s. But in the first part of the 19th century the «purpose justifies means» principle was mainly used for ideology, not for practice. This principle was

publicly declared in Russian political history and used in practice in 1860s which is known as the «period of nihilism». In the next decades the «purpose justifies means» principle indicated to his supporters' connection with Russian revolutionary nihilism, became a part of revolution organizations' political programs and switched from idea discussion to practical activity.

Keywords: the «purpose justifies means» principle, Russian Intelligentsia, nihilism, radicals, liberals, Decembrists, populists, Bolsheviks.

Buduchev V. A. Intelligentsia in cross-cultural perspective: the role Enlightenment and French Revolution played in forming of Russian intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2019, pp. 146—162.

This article highlights the connection between the two countries: Russia and France, that is the exchange of concepts and ideas between the two cultures, which develop under mutual influence. The forming of the Russian Intelligentsia is a great example of cultural links developing outside of geopolitical interests of nation states. Enlightenment played a role in Russian development by means of theories of inspiring Russian intelligentsia. These theories were later being taken in consideration by the leaders in their ruling tactics. Russian intelligentsia draws their inspirations from the Enlightenment. The 18th century brought enlightenment to Russia, this was a movement among Europe for the modernization of society. Absolute monarchy could no longer rely on religion as the sole basis of its indivisible power. The upper classes began to play a significant role in the public life. The reforms of Catherine II are the main consequences of the social change and political context in Europe. It is in this context that we consider the influence of French philosophy on the enlightened part of the Russian nobility, who received privileges due to the service to the absolute monarchy. However, the progressive nobles did not agree with the mission the monarchy gave to them. On the contrary, following the French example, the Russian enlighteners chose as a mission the criticism of the regime. This was reflected by the Decembrist revolt, which served as a basis for the formation of the Russian intelligentsia. French Revolution, in its own right, is both a symbol and an example to be followed by the formed intelligentsia. It creates conditions under which the cultural elite becomes the Progress and the Enlightenment at the time when political elite defies the same values.

Keywords: Enlightened monarchy, absolutism, enlightenment, progressivism, symbolism of intelligentsia.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2019 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 21.03.2019 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 16. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

